

"Отодвигая границы (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кэти Макгэрри

Отодвигая границы

Благодарности

Богу — Лука 1:37

Дейву — благодаря тебе я познала любовь.

Спасибо...

Кивану Лиону — друга лучше тебя и представить нельзя. В тебе присутствует правильная смесь энергетики, энтузиазма и доброты.

Марго Липшульц — ты гениальна, и у тебя золотое сердце.

Для меня большая честь, что ты взяла под крылышко меня, Эхо и Ноя.

Всем из корпорации МИРА, позаботившимся об этой истории, особенно Наташе Вилсон — я благодарна вам всем.

Анджеле Анналоро-Мерфи, Веронике Блейд, Шэннон Майкл и Кристен Сайммонс — моим бета-ридерам. Вам хватило храбрости прочесть черновую версию и честно сказать свое мнение.

Анне Кук и Рудольфо Лопезу — спасибо, что ответили на мои вопросы, обогатив этот роман.

Колетт Балард, Бетани Гриффин, Курту Хамф и Биллу Вульффу — вы больше, чем группа критиков. Вы — мои спасители.

Писателям Луисвиля — дамы, вы замечательные и очень талантливые.

Моим родителям, сестре и моей вашингтонской семье со стороны мужа... я люблю вас!

Моим друзьям и семье — спасибо за вашу любовь и поддержку.

Благодарности заслуживают слишком многие, но знайте, я всегда думаю о вас.

1 - Эхо

Мой отец — помешанный на контроле чудака, мой брат мёртв, свою мачеху я просто ненавижу, а мама...ну...у неё свои проблемы. Как, по-вашему, я должна себя чувствовать?

Так бы я хотела ответить миссис Колинз на заданный ею вопрос, но папа придаёт слишком большое значение внешней видимости благополучия нашей семьи, поэтому я не могу ответить честно. Вот почему я лишь моргнула три раза и сказала:

— Хорошо.

Миссис Колинз, новый клинический социальный работник школы Иствик, сделала вид, что я ничего не говорила. Она взяла стопку папок со стола, на котором и так царил полнейший хаос, и начала просматривать какие-то бумаги. Новый терапевт задумчиво хмыкнула, когда нашла мою папку в три дюйма толщиной, и наградила себя глотком кофе, оставляя на чашке след от ярко-красной помады. Запах дешёвого кофе и свежезаточенных карандашей повис в

воздухе.

Справа от меня сидел отец, постоянно посматривающий на свои часы, а слева — Злая Ведьма Запада, которая беспрерывно ёрзала на стуле. Я пропустила первую пару по вычислительной математике, папа — какую-то очень важную встречу, а моя мачеха из страны Оз? Я уверена, что она пропустила раздачу мозгов.

— Ну разве не прелестный месяц — январь? — спросила миссис Колинз, открывая мою папку.
— Новый год, новый месяц, новая страница, чтобы начать всё сначала.

Даже не дав нам возможность ответить, она продолжила:

— Вам нравятся занавески? Я сама их сделала.

Папа, я и мачеха синхронно повернули головы к розовым в горошек занавескам, которые прикрывали выходящие на ученическую парковку окна.

Занавески были в стиле сериала «Маленький домик в прериях» [1], а их броский цвет говорил о дурном вкусе. Но это только моё мнение. Никто из нас не ответил, отчего ситуация стала действительно неловкой.

В этот момент завибрировал БлэкБерри моего отца. С преувеличенным усилием он достал его из кармана и скользнул пальцем по экрану. Эшли забарабанила пальцами по своему раздутому животу, а я начала читать рукописные таблички на стенке, чтобы сфокусироваться на чём-либо, кроме неё.

Провал — наш единственный враг. Единственный путь вверх — никогда не смотреть вниз. Мы успешны, потому что мы верим. Добры бобры идут в боры, а древоколорубы рубили дубы.

Л-а-а-дно, последнее предложение не несло в себе много смысла, но меня развеселило.

Миссис Колинз напоминала мне заросшего лабрадора-ретривера со своими светлыми волосами и навязчивой дружелюбностью.

— Результаты Эхо по ACT2 [2] и SAT [3] просто невероятны! Вы, должно быть, очень гордитесь своей дочерью.

Она искренне улыбнулась мне, обнажив все зубы.

Запускайте таймер. Мой сеанс терапии официально начат. Около двух лет тому назад, после инцидента, служба по защите детей «настоятельно рекомендовала» пойти на терапию — а папа быстро понял, что лучше согласиться на всё, что «настоятельно рекомендовано». Раньше я ходила на неё как все нормальные люди — в специальный офис, отделённый от школы. Но благодаря притоку в финансирование от штата Кентукки и социальных работников-энтузиастов, я стала частью эксперимента этой программы. А работой миссис Колинз было разбираться с проблемами некоторых ребят из моей школы. Я просто счастливица.

Папа выпрямился на стуле:

— Её результаты по математике были низкими. Я хочу, чтобы она пересдала тесты.

— А где здесь туалет? — перебила Эшли. — Малыш любит прыгать по мамочкиному мочевому

пузырю.

Эшли любила быть в центре внимания.

Миссис Колинз натянуто улыбнулась и указала на дверь.

— Выйдите в главный коридор и сверните направо.

Она с таким трудом встала со стула, будто носила в себе 500-килограммовый свинцовый шар, а не крошечного ребёнка. Я покачала головой от отвращения и заработала ледяной взгляд от отца.

— Мистер Эмерсон, — продолжила миссис Колинз, как только Эшли вышла из комнаты, — рейтинг Эхо значительно выше среднего показателя по стране и, если верить её личному делу, девочку уже приняли в те колледжи, которые она выбрала.

— Есть ещё некоторые школы бизнеса с расширенными сроками, в которые я хотел бы, чтобы она подала документы. Кроме того, наша семья не приемлет уровень «выше среднего». Моя дочь будет превосходить все показатели.

Слова отца прозвучали с налетом превосходства. Он мог с тем же успехом добавить: *Так пусть это будет написано. Так пусть это будет сделано.* [4]

Я облокотилась на подлокотник и закрыла лицо руками.

— Вижу, что вас это действительно беспокоит, мистер Эмерсон, — сказала миссис Колинз раздражающе ровным голосом. — Но результаты Эхо по английскому близки к идеальным...

Тут-то я и отключилась от их разговора. Папа и прошлый консультант по вопросам выбора профессии и семейным отношениям уже спорили на эту тему, когда я писала PSAT [5] 5. А потом опять, когда я впервые проходила тесты по SAT и ACT. В конце концов, консультант понял, что папа всегда выигрывает, и начал сдаваться после первого раунда.

Результаты тестов волновали меня меньше всего. Найти деньги на починку машины Айреса — вот это занимало все мои мысли. С момента его смерти папа твёрдо стоял на её продаже.

— Эхо, ты довольна своими результатами? — спросила миссис Колинз.

Я глянула на неё сквозь рыжие вьющиеся локоны, лезшие мне в глаза.

Последний терапевт понимал иерархию нашей семьи и разговаривал с моим отцом, а не со мной.

— Простите?

— Ты довольна своими результатами по ACT и SAT? Ты хочешь переписать тесты? — Она подняла руки и опустила их на мою папку. — Ты хочешь подавать документы в другие университеты?

Я встретилась взглядом с папиными серыми глазами. Давайте-ка посмотрим. Переписывание тестов означало, что папа будет преследовать меня каждую секунду и заставлять учиться. В свою очередь, это означало, что каждую субботу я буду вставать рано, страдать все утро, взрывая себе мозг, а затем неделями беспокоиться о результатах. Что насчёт подачи документов в другие университеты? Я лучше перепишу тесты.

— Не особо.

Беспокойные морщинки вокруг его глаз и губ только углубились от разочарования. Я тут же исправилась:

— Папа прав. Я должна переписать тесты.

Миссис Колинз открыла мою папку и взяла в руки ручку. Последний терапевт был хорошо осведомлён о моих проблемах с уверенностью в себе. Не нужно писать дважды.

вернуться

1

Маленький домик в прериях (англ. *Little House on the Prairie*) — длительный американский телесериал, рассказывающий о семье, живущей на ферме в Уолнат-Гров, штат Миннесота, в 1870-х и 1880-х годах.

вернуться

2

ACT (American College Testing — Американское Тестирование) — стандартизированный тест для поступления в старшие классы или поступления в колледжи в США.

вернуться

3

SAT Reasoning Test (а также «Scholastic Aptitude Test» и «Scholastic Assessment Test», дословно «Школьный Оценочный Тест») — стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США.

вернуться

4

Знаменитая фраза из фильма «Десять заповедей».

вернуться

5

PSAT (Preliminary Scholastic Aptitude Test) - предварительный академический тест (упрощенная версия SAT)

Эшли вразвалку зашла в комнату и плюхнулась на стул рядом со мной.

— Что я пропустила?

Я честно забыла о её существовании. Ах, если бы и папа тоже.

— Ничего, — ответил он.

Миссис Колинз наконец-то оторвалась от своей писанины.

— Перед тем как пойти на занятия, спроси миссис Маркос о дате следующего тестирования. И пока я твой консультант, я бы хотела обсудить с тобой расписание на зимний семестр. Ты заняла свободные пары курсами по бизнесу. Меня интересует, почему?

Честный ответ — потому что папа так сказал — наверняка разозлил бы некоторых в этой комнате, поэтому я начала импровизировать:

— Они помогут мне подготовиться к колледжу.

Вау. Я сказала это со всем энтузиазмом шестилетнего ребенка, который мечтает заболеть гриппом. Неудачное решение. Отец заёрзал на стуле и вздохнул. Я стала думать о другом варианте ответа, но поняла, что и он прозвучит не к месту.

Миссис Колинз просмотрела мои бумаги.

— Ты показала невероятный талант в искусстве, особенно в рисовании. Я не предлагаю тебе отказаться от всех твоих курсов по бизнесу, но ты могла бы поменять один из них на занятия по изобразительным искусствам.

— Нет, — рявкнул папа. Он так наклонился вперёд на своём стуле, что его ноги теперь стояли на носочках. — Эхо не будет ходить ни на какие занятия по изобразительным искусствам, это вам ясно?

Мой отец был странной смесью тренера по спорту и белого кролика из Алисы: он всегда спешил на какие-то важные встречи и любил всеми командовать.

Надо отдать должное миссис Колинз: она ни разу не дрогнула, прежде чем сдаться.

— Предельно ясно.

— Ну, раз уж мы во всем разобрались... — Эшли переместилась на край стула, собираясь встать. — Я как раз на сегодня записалась на УЗИ. Мы сможем узнать пол ребёнка.

— Миссис Эмерсон, расписание Эхо не причина сегодняшней встречи, но я пойму, если вам нужно уйти.

Она достала официальное письмо из верхнего ящичка. Эшли, покраснев, снова села на своё место. За последние пару лет я часто видела этот бланк. Служба по защите детей любила уничтожать леса.

Миссис Колинз прочитала письмо про себя, пока я втайне мечтала неожиданно воспламениться. Мы с папой дружно ёрзали на наших стульях. Ах, как же мы все чертовски любим групповую терапию!

Ожидая, пока терапевт закончит читать, я стала разглядывать содержимое ее стола. На нем стояла фотография миссис Колинз и какого-то симпатичного мужчины, возможно, ее мужа, возле компьютера стояло чучело лягушки, а на углу стола лежала голубая лента, наподобие тех, что люди получают, выигрывая в конкурсе.

Что-то шевельнулось внутри меня. Хм...странно.

Миссис Колинз запечатала письмо и положила его в мою и без того толстую папку.

— Ну вот. Теперь я официально твой терапевт.

Когда она замолчала, я перевела взгляд с ленты на неё. Женщина внимательно следила за мной.

— Милая ленточка, не так ли, Эхо?

Папа прочистил горло и посмотрел на миссис Колинз убийственным взглядом.

Ладно, это была странная реакция, хотя он злился просто из-за того, что приходится торчать здесь. Мои глаза вновь скользнули по ленте. Почему она кажется такой знакомой?

— Наверное.

Её взгляд остановился на цепочке с армейским жетоном, которую я накручивала на палец.

— Сочувствую вашей утрате. В каких войсках он служил?

Супер. У папы будет грёбаный сердечный приступ. Он всего лишь семьдесят пять раз сказал, что армейские жетоны Айреса должны оставаться в коробке под моей кроватью, но сегодня они мне были нужны: новый терапевт, недавняя годовщина смерти брата (прошло два года) и мой первый день последнего семестра в школе.

Меня затошнило. Избегая папиного хмурого и недовольного взгляда, я сосредоточилась на том, чтобы найти у себя секущиеся кончики.

— Послушайте, Мэрин, у меня встреча с очень перспективными клиентами, я пообещал Эшли пойти с ней к врачу, а Эхо пропускает занятия. Когда мы будем закругляться?

— Когда я скажу. Если вы будете усложнять наши сеансы, мистер Эмерсон, я с превеликим удовольствием позвоню социальному работнику Эхо.

Я усилено пыталась побороть расцветающую на моих губах улыбку. Миссис Колинз держала нас в ежовых рукавицах. Папа отступил, но тут влезла моя мачеха...

— Не понимаю. Эхо скоро исполнится восемнадцать. Почему у штата всё ещё есть власть над ней?

— Потому что наш штат, её социальный работник и я лично считаем, что это в её интересах. — Миссис Колинз закрыла мою папку. — Эхо будет ходить ко мне на терапию до окончания школы, то есть до весны. Потом штат Кентукки оставит её и вас в покое.

Она подождала, пока Эшли не кивнула, молча соглашаясь со сложившейся ситуацией, а затем продолжила:

— Как ты поживаешь, Эхо?

Шикарно. Просто фантастика. Хуже не бывает.

— Хорошо.

— Правда? — Она постучала пальцем по своему подбородку. — Потому что я думала, что годовщина смерти твоего брата может вызвать болезненные ощущения.

Миссис Колинз внимательно следила за мной взглядом, а я тупо смотрела в ответ. Отец и Эшли наблюдали за этим неудобным моментом. Меня грызло чувство вины. Фактически, она не задала мне вопрос, так что, в теории, я не должна отвечать, но желание угодить ей накрыло меня, как приливная волна. Но почему? Она просто была ещё одним терапевтом. Они все задавали одни и те же вопросы, обещали свою помощь, но каждый из них оставлял меня в том же состоянии, в котором и брал под своё крыло — разбитом.

— Она плачет. — Писклявый голос Эшли, звучавший так, будто мы тут сплетнями делились, как в каком-нибудь первоклассном загородном клубе, нарушил тишину. — Постоянно. Она очень скучает по Айресу.

Мы с папой повернули наши головы в её сторону, чтобы посмотреть на эту блондинку. Я хотела, чтобы она продолжила, в то время как отец, уверена, мечтал о том, чтобы она заткнулась. Хоть раз Бог услышал мои молитвы. Эшли продолжила:

— Мы все скучаем по нему. Так грустно, что мой ребёночек никогда с ним не познакомится.

И вот опять, добро пожаловать на шоу Эшли, спонсор программы - Эшли и деньги моего отца.

Миссис Колинз быстро записывала каждое неосторожное слово мачехи в мою папку, пока папа тихо стонал.

— Эхо, ты хотела бы поговорить об Айресе на сегодняшнем сеансе? — спросила миссис Колинз.

— Нет.

Похоже, это был самый честный ответ, который я давала за сегодняшнее утро.

— Всё нормально, — сказала она. — Мы оставим его на потом. Как насчёт твоей мамы? Общались ли ты с ней?

— Нет, — одновременно ответили папа и Эшли.

— Вроде как, — буркнула я.

Я почувствовала себя серединкой сэндвича, когда они оба наклонились ко мне. Не знаю, что подтолкнуло меня сказать правду.

— Я пыталась дозвониться к ней на каникулах.

Когда она не ответила, я продолжала сидеть у телефона днями и ночами, надеясь и молясь, что маму побеспокоит тот факт, что два года назад мой брат — её сын — умер.

Папа провёл рукой по лицу.

— Ты же знаешь, что тебе не разрешено общаться с мамой.

Злость в его голосе подсказывала, что он не мог поверить, что я рассказала терапевту об этом изумительно лакомом кусочке. Я так и вижу, как соцработники радостно танцуют в его голове.

— Тебе запрещено судебным приказом. Скажи мне, Эхо, стационарный или мобильный

телефон?

— Стационарный, — выдохнула я. — Но мы не разговаривали. Клянусь.

Он провел пальцем по своему БлэкБерри, и на экране появился номер адвоката. Я сжала армейский жетон с такой силой, что имя Айреса и серийный номер отпечатались на моей ладони.

— Прошу тебя, папочка, не делай этого, — прошептала я.

Моё сердце начало давить на грудную клетку, он замешкался, а затем, слава Богу, уронил телефон на свои колени.

— Теперь нам придётся сменить номер.

Я кивнула.

Отстойно, что мама никогда не сможет позвонить мне домой, но я приму этот удар...ради неё. В чём бы там ни нуждалась моя мать, тюрьма явно не была в этом списке.

— С тех пор ты ей больше не звонила? — миссис Колинз растеряла всё своё дружелюбие.

— Нет. — Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Всё внутри меня отдавалось болью. Больше нет сил делать вид, что со мной все хорошо. От череды вопросов мои только начавшие заживать душевные раны снова открылись.

— Чтобы убедиться, что мы понимаем друг друга — ты осознаешь, что между тобой и твоей матерью не может поддерживаться контакт, пока действует судебный запрет, даже если ты инициатор? Это неприемлемо.

— Да. — Я снова сделала глубокий вдох. Комок в моём горле отказывался пропускать драгоценный кислород. Я скучала по Айресу и, Бог ты мой, по маме, а у Эшли скоро будет ребёнок, и папа постоянно давит на меня, и... Мне нужно что-нибудь. Что угодно.

Невзирая на голос разума, я дала словам сорваться с моего языка:

— Я хочу починить машину Айреса.

Возможно, только возможно, восстановление чего-то, что принадлежало ему, заставит боль уйти.

— Ох, опять ты за своё, — пробормотал отец.

— Подождите. Вы о чём? Эхо, о чём ты говоришь? — спросила миссис Колинз.

Я уставилась на перчатки на своих руках.

Айрес нашёл на свалке Корвет [6] 1965-го года. Всё своё время он проводил за его починкой и почти закончил перед тем, как поехать в Афганистан. Я хочу восстановить его. Ради Айреса.

Ради себя. Когда он уехал, то не оставил ничего после себя, кроме машины.

— Это кажется здоровым способом оплакать его. Что вы об этом думаете, мистер Эмерсон?

Миссис Колинз посмотрела на него большими щенячьими глазами — мне такому ещё учиться и учиться.

Папа снова провёл пальцами по своему БлэкБерри; телом он был с нами, но мысленно уже на работе.

— Это дорого стоит, и я не вижу смысла в починке сломанной машины, когда у неё есть рабочая.

— Тогда позволь мне устроиться на работу, — отрезала я. — И мы можем продать мою машину, как только я заставлю ездить колымагу Айреса.

Теперь глаза всех присутствующих были направлены на него, а он смотрел на меня. Сама того не желая, я загнала его в угол. Он хотел сказать «нет», но это разгневало бы нового терапевта. В конце концов, мы должны быть идеальными на сеансах. И не дай Бог вынести из них что-то полезное и обсудить некоторые проблемы.

— Прекрасно, но она должна сама оплачивать починку машины, и Эхо знает мои правила относительно работы. Гибкий график и никакого влияния работы на школу и на курсы, о которых мы договаривались. Теперь мы закончили?

Миссис Колинз посмотрела на часы.

— Не совсем. Эхо, твой соцработник продлил терапию до окончания школы из-за мнения учителей. С начала школы каждый из твоих учителей заметил, что ты держишься вдалеке от своих сверстников и не участвуешь в жизни класса. — Её добрые глаза всматривались в мои. — Все хотят твоего счастья, Эхо, и я бы хотела, чтобы ты дала мне возможность помочь тебе.

Я приподняла бровь.

Будто у меня был выбор. А насчёт моего счастья — чертовски желаю вам удачи.

— Конечно.

Меня перебил весёлый голос Эшли:

— У неё есть партнер на танцы в честь Дня Святого Валентина.

Теперь настала наша с папой очередь говорить одновременно:

— Есть?

Эшли нервно посматривала на меня с отцом.

— Ну да, помнишь, Эхо? Вчера мы с тобой обсуждали нового парня, который тебе понравился, и я сказала, что не стоит забывать о друзьях, пока ты сходишь с ума по какому-то мальчику.

Я задумалась, какая часть волновала меня больше: воображаемый парень или что она сказала, будто мы ведём серьёзные разговоры.

Пока я решала, что хуже, папа встал и надел своё пальто.

— Видите, миссис Колинз, с Эхо всё нормально. Просто она немного помешана на своей любви. Хоть мне и безумно нравится ваш сеанс, но у Эшли через двадцать минут встреча с доктором,

кроме того, я не хочу, чтобы Эхо пропустила остальные занятия.

— Эхо, ты действительно хочешь заработать денег на починку машины брата? — спросила миссис Колинз, вставая, чтобы проводить моего отца и мачеху.

Я натянула повыше перчатки, чтобы скрыть кожу.

— Больше, чем вы можете себе представить.

Она улыбку мне перед тем, как выйти за дверь.

— Тогда у меня есть работа для тебя. Подожди здесь, и мы обсудим детали.

Прижавшись друг к другу, эта тройка шла по коридору в главный офис и о чём-то шепталась. Папа приобнял рукой талию Эшли, а она наклонилась к нему. Они оба кивали в знак согласия на тихие слова миссис Колинз.

Знакомое чувство ревности и злости начало поедать меня изнутри. Как он мог любить её, когда она столько всего разрушила?

2 - Ной

Свежая краска и запах засохшей на стенах пыли всегда напоминали мне об отце, а не о школе. И именно этот аромат ударил мне в голову, когда я зашёл в недавно отремонтированный главный офис. Держа в одной руке книги, я побрёл к стойке администратора.

— Здравствуйте, миссис Маркос.

— Ной, *tuchacho* [7], почему ты так поздно? — спросила она, сшивая документы.

Часы на стене показывали девять часов утра.

— Да ведь сейчас чертовски рано!

Миссис Маркос обошла свой новый стол из вишневого дерева и встала у стойки. Она всегда выносила мне мозги, когда я опаздывал, но я все равно считаю её классной. Со своими длинными каштановыми волосами эта женщина напоминала мне латиноамериканскую версию моей матери.

— Ты пропустил встречу с миссис Колинз. Не самое лучшее начало второго семестра, — прошептала она, выписывая мне наказание за опоздание. Миссис Маркос посмотрела в сторону трех взрослых, сбившихся в группку в углу комнаты. Судя по всему, та блондинка средних лет, шепчущаяся с зажаточной парочкой, и есть новый консультант по вопросам выбора профессии и семейным отношениям.

Я пожал плечами и кривовато улыбнулся.

— Упс.

Миссис Маркос передала мне бумажку и посмотрела своим коронным суровым взглядом. Она была единственной в этой школе, кто не верил, что мне и моему будущему полная крышка.

Тут меня позвала та блондинка в годах:

— Мистер Хатчинс, я безумно счастлива, что вы помните о нашей встрече. Я даже закрою глаза на опоздание. Уверена, что вы не против подождать здесь, пока я закончу со своими делами.

Она улыбнулась мне, будто мы старые друзья, и сказала все это таким приторно сладким голосом, что я едва не улыбнулся в ответ. Но вместо этого я кивнул и занял один из стульев, придвинутых к стенке.

Миссис Маркос рассмеялась.

— Что?

— Она не будет мириться с твоим наплевательским отношением. Возможно, миссис Колинз даже удастся убедить тебя начать воспринимать школу всерьёз.

Я прислонил голову к бетонной стене и закрыл глаза, нуждаясь в ещё паре часов сна. Из ресторана, работающего до последнего посетителя, я ушёл в полночь, а затем Бет и Исайя не давали мне заснуть.

— Миссис Маркос? — спросил кто-то ангельским голосом. — Не могли бы вы, пожалуйста, назвать даты следующего ACT и SAT?

В этот момент зазвонил телефон.

— Подожди секунду, — сказала женщина. Она ушла и вскоре звонок телефона сошёл на нет.

Рядом подвинули стул, и я чуть не захлебнулся от слюновыделения, учуяв аромат горячих рулетов с корицей. Я посмотрел уголком глаза и заметил рыжие шёлковые и слегка вьющиеся волосы. Я знаю её. Эхо Эмерсон.

Не совсем рулет с корицей, но чёрт бы меня побрал, если она не пахнет ими. У нас совпадало расписание по некоторым предметам, а в прошлом семестре мы ещё и начали вместе ходить на факультативное занятие. Я не много о ней знаю: только что она одиночка, умная, рыжеволосая и у неё большая грудь. На ней была мешковатая рубашка с длинными рукавами, которая оголяла плечи, и обтягивающая майка под ней, открывавшая достаточно, чтобы дать волю фантазиям.

Как обычно, Эхо смотрела прямо перед собой, будто меня не существует. Чёрт, скорее всего, я действительно не существую в её мире. Такие люди, как Эхо Эмерсон, чертовски бесили меня.

— У тебя отстойное имя, — пробормотал я. Не знаю, почему мне так хотелось вывести её из себя, но именно этим я и занимался.

вернуться

6

Chevrolet Corvette (Шевроле Корвет) — двухместный заднеприводный спортивный автомобиль, выпускаемый под маркой Шевроле компанией General Motors (Дженерал Моторс), США с 1953 года

вернуться

— Разве ты не должен сейчас ширяться в уборной?

Значит, она меня все-таки знает.

— Они установили камеры видеонаблюдения. Теперь мы ширяемся на парковке.

— Ну прости, ошиблась. — Её нога начала быстро постукивать по полу.

Отлично, я преуспел в том, чтобы пробраться под эту скорлупу идеальности.

— Эхо... эхо... эхо...

Её нога остановилась, а рыжие кудри резко взметнулись, когда она повернула ко мне голову.

— Как оригинально, никогда не слышала этой шутки.

Она подхватила свою сумку и ушла из офиса. Ее упругая задница виляла из стороны в сторону, когда девушка шла по коридору. М-да, и близко не так весело, как должно было быть. Вообще-то, я почувствовал себя мудаком.

— Ной? — позвала меня в свой офис миссис Колинз.

У моего прошлого консультанта были большие проблемы с ОКР [8]. В его офисе царил идеальный порядок. Я часто брал табличку с его именем и двигал по столу, просто чтобы вывести мужика. С миссис Колинз так не повеселишься. На её столе полнейший беспорядок. Я мог бы закопать там труп, и никто бы никогда его не нашёл.

Занимая место напротив неё, я приготовился к тому, что мне будут фигурально надирать задницу.

— Как прошли рождественские каникулы? — На её лице вновь появилось это щенячье выражение.

— Хорошо.

Если твои приемные мать и отец начинают орать друг на друга и кидать подарки в камин, это не может не быть отличным Рождеством. Всегда мечтал провести этот праздник в грёбаном подвале, наблюдая, как мои друзья накуриваются.

— Замечательно. Значит, дела с новой приёмной семьёй идут хорошо.

Прозвучало как утверждение, но на деле — это вопрос.

— Ага.

Если сравнивать их с предыдущими тремя моими семьями, то они чертовая «Семейка Брэди» [9]. На этот раз меня поселили вместе с ещё одним парнем. Либо у ответственных за это не хватало домов, либо они, наконец, начали верить, что я не угроза для общества. Таким, как я, запрещалось жить с другими несовершеннолетними.

— Слушайте, у меня уже есть соцработник и она та еще заноза в заднице. Одной будет достаточно. Скажите начальству, что вам нет смысла тратить на меня свое время.

— Я не соцработник, - сказала она. — Я *клинический* соцработник.

— То же самое.

— Вообще-то, нет. Я училась гораздо дольше.

— Рад за вас.

— И это значит, что я могу предоставить тебе разного вида помощь.

— Штат вам платит за это?

— Да.

— Тогда мне не нужна ваша помощь.

Её губы дёрнулись, будто она хотела улыбнуться, и я чуть было не зауважал её.

— Как насчёт того, чтобы сразу со всем разобраться? Судя по твоему личному делу, тебя обвиняли в насилии.

Я уставился на неё. Она — на меня. В этой папке была куча дерьма, но я давным-давно понял, что слово подростка ничего не значит против слова взрослого человека.

— Эта папка, Ной. — Она три раза постучала по ней пальцем. — Не думаю, что там вся информация. Я общалась с твоим учителем из Хайлэнд Хай. Их описание не имеет ничего общего с молодым человеком, который сидит передо мной.

Я цеплялся за металлическую спираль своего блокнота, пока ладонь не заболела. Чёрт возьми, кем себя возомнила эта дамочка, чтобы копаться в моём прошлом?

Она пролистала странички моего дела.

— За последние два с половиной года ты сменил много приёмных семей. С момента смерти родителей это уже четвёртая твоя школа. Что меня заинтересовало, так это то, что полтора года назад ты всё ещё делал круг почёта и участвовал в спортивных соревнованиях. Эти качества обычно не присущи недисциплинированному парню.

— Может, вам нужно покопаться глубже.

Я хотел, чтоб эта женщина исчезла из моей жизни, а лучший способ добиться желаемого — запугать её.

— Если бы вы это сделали, то узнали бы, что я избил своего первого приёмного отца.

На самом деле я ударил его в лицо, когда тот избивал своего биологического сына.

Забавно, но никто в той семье не встал на мою сторону, когда приехали копы. Даже паренёк, которого я защитил.

Миссис Колинз замолчала, будто ждала, что я расскажу свою версию этой истории, но она глубоко ошибалась. С момента смерти родителей я узнал, что всем в службе опеки насрать. Стоит тебе налажать, как ты становишься изгоем.

— Твой прошлый консультант из Хайлэнда говорил о тебе с уважением. Ты попал в школьную баскетбольную команду, делал круг почёта, был замечен в нескольких студенческих

мероприятиях, заслужил популярность среди сверстников. — Она внимательно на меня посмотрела. — Думаю, мне бы понравился этот парень.

Мне бы тоже... Но такова наша отстойная жизнь.

— Немного поздно, чтобы пробоваться в баскетбольную команду — середина сезона и всё такое. Думаете, тренер не будет против моих татушек?

— Я не заинтересована в том, чтобы ты подстраивался под своё прошлое, но, думаю, вместе мы сможем устроить твою новую жизнь. Это даст шанс на лучшее будущее, чем то, которое тебе светит, если ты будешь продолжать идти по нынешнему пути.

Её слова, казалось, шли от души. Я чертовски хотел ей поверить, но тяжкое прошлое научило меня никому не доверять. Я продолжал молчать с безразличным лицом.

Она первая нарушила зрительный контакт и покачала головой.

— У тебя была несладкая жизнь, но ты полон возможностей. Результаты твоих тестов феноменальны, учителя заметили твой потенциал. Но средний балл нуждается в доработке, как и твоя посещаемость. Одно зависит от другого. У меня есть идея. Помимо наших встреч раз в неделю, ты будешь ходить на дополнительные занятия, пока твой средний бал не будет соответствовать результатам тестов.

Я встал. Я уже пропустил первую пару. Эта маленькая веселая встреча заняла всю вторую. Но поскольку я уже оторвал свою задницу от кровати, то намеревался все-таки попасть на занятия.

— У меня нет на это времени.

Её голос стал строже.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила твоему соцработнику?

Я направился к выходу.

— Давайте. Что она сделает? Запретит встречаться с семьёй? Отдаст на попечение новым приёмным родителям? Продолжайте копать на меня и увидите, что уже слишком поздно.

— Ной, когда ты в последний раз виделся со своими братьями?

Моя рука замерла на дверной ручке.

— Что, если я предложу тебе посещения под строгим контролем?

Я отпустил ручку и сел на место.

3 - Эхо

Если бы только я могла носить перчатки постоянно, то чувствовала бы себя увереннее, но дурацкий дресс-код не позволял мне этого. Поэтому мой гардероб состоял из одежды с длинным рукавом - чем длиннее, тем лучше.

Я схватилась за рукава и надвинула на пальцы, отчего моя голубая хлопковая рубашка соскользнула с правого плеча.

В начальных классах я бы сошла с ума, если бы люди пялились на мою бледную, с редкими веснушками кожу. Сейчас я предпочитаю, чтобы все смотрели на моё голое плечо, вместо того, чтобы пытались мельком увидеть шрамы на руках.

— Она сказала с кем? Спорим, это Джексон Колман! Я слышала, что у него проблемы с математикой, и если он не подтянется, то может попрощаться со своей стипендией в колледже. Боже, пусть это будет он! Этот парень такой сексуальный...

Моя лучшая подруга, Ли́ла Маккормик, впервые сделала вдох после того, как я кратко рассказала ей о своей консультации и новой работе, которую мне неожиданно предложила миссис Колинз, — репетиторство.

Ли́ла была своеобразной версией Доброй Волшебницы Глинды Иствик Хая, со своим незакрывающимся ртом и обтягивающей одеждой. Она жила в собственном прекрасном пузырьке, даря миру счастье и радость.

Когда подруга взяла поднос и встала в очередь, меня настиг запах пиццы и картошки фри, вызвавший обильное слюноотделение, но тошнота, охватившая желудок, удерживала меня от покупки еды. Моё сердце заколотилось, и я сильнее прижала блокнот к груди. Не могу поверить, что я на самом деле нахожусь в школьной закусочной. Мы с Лилой были лучшими подругами ещё с садика, и на Рождество она загадала, чтобы я вновь начала ходить в библиотеку и вернула обратно своё место за столом в закусочной.

вернуться
вернуться

Звучит легче лёгкого, но всё совсем не так. Последний раз я обедала в столовой в начале мая. Десятый класс. За день до того, как мой мир пошёл прахом. В те времена никто не пялился на меня и не шептался за спиной.

— Кто сексуальный? — Натали нарушила очередь, встав между мной и Лилой. Парни позади нас раздражённо застонали от её наглости. Как обычно, она не обратила на них никакого внимания. Натали была второй из двух человек, которые отказывались обращаться со мной как с изгоем общества из-за слухов, распускаемых обо мне в школе.

Ли́ла собрала свои гладкие золотистые волосы в конский хвостик и заплатила кассиру.

— Джексон Колман. Это будет заниматься репетиторством с каким-то счастливчиком, и я думаю, что это может быть он. А ты кого добавишь в наш список горячих и туповатых парней?

Я последовала за ними к столику, пока глаза Натали осматривали столовую в поисках правильного сочетания.

— Николас Грин. Он тупой как пробка, но я бы съела его на десерт. Как думаешь, Эхо, сможешь нас познакомить, если будешь с ним заниматься?

— Кого с кем надо познакомить? — спросила Грейс. Натали и Ли́ла заняли свои места, а я замешкалась.

Улыбка сползла с лица Грейс, когда она заметила меня. Эта девушка была главной причиной, по которой я не хотела возвращаться в закусочную. Мы были лучшими подругами до происшествия и, думаю, даже после. Во время летних каникул она каждый день навещала меня в больнице и дома, но когда начался выпускной класс и мой статус в обществе начал

резко падать, то же случилось с нашей дружбой... по крайней мере на людях. Наедине она заявляла, что любит меня как сестру. Все остальные школьники вели себя так, будто меня не существует.

— Нат с Николасом Грином. — Лила похлопала по месту между ней и Натали.

В попытке скрыться, я плюхнулась на стул, ссутулилась и положила свой блокнот на край стола.

Остальные девушки уставились на меня и начали перешёптываться.

Одна из них захихикала. С момента возвращения в школу, моя популярность сошла на нет. Слухи о том, почему я отсутствовала последние месяцы десятого класса, переросли из беременности в попытку суицида. Мои перчатки стали искрой, а потеря памяти — спичкой. Когда я вернулась осенью, школа взорвалась волной сплетен.

Лила продолжала:

— Эхо будет заниматься репетиторством с каким-то глуповатым красавчиком. Мы пытаемся угадать с кем.

— Ну, не томи нас, Лила. Кого Эхо будет подтягивать? — Грейс перевела взгляд с Лилы на девочку сбоку от нее. Когда мы перешли в среднюю школу, она решила, что хочет стать капитаном команды болельщиц. Трудная задача, учитывая, что Грейс всегда пасла задних среди популярных ребят. Я предполагала, что наши отношения вернутся к норме, когда она выиграет выборы. Ошибалась.

— Спроси Эхо. — Лила впилась зубами в яблоко, её тяжелый взгляд остановился на Грейс.

За нашим столом стало пугающе тихо. Самая красивая девочка школы открыто бросала вызов самой популярной девочке школы. В столовой все замолчали и приготовились смотреть шоу. Могу поклясться, что между столами пронеслось перекаати-поле, и по громкоговорителю заиграла эта странная песня с насвистыванием из старых вестернов.

Я пихнула Лилу ногой под столом, мысленно моля её ответить за меня, вместо того, чтобы заставлять Грейс признать моё присутствие перед другими людьми. Время шло, а никто из них не прерывал зрительный контакт. Я не выдержала.

— Не знаю. Я встречусь с ним после обеда.

Миссис Колинз отказалась говорить, с кем я буду заниматься. Она пробормотала что-то о том, что ей надо обсудить с ним ещё пару деталей перед тем, как мы встретимся.

Все вновь зашевелились и продолжили беседовать. Грейс расслабила мышцы лица и выдохнула с облегчением, посмотрев на реакцию своих популярных друзей.

— Я тоже хочу поиграть в «угадай привлекательного дурочка». — Она подмигнула мне, пока никто не видел. В который раз я захотела, чтобы моя жизнь вернулась к норме.

Когда Грейс сказала имя, остальные тоже решили присоединиться к игре. Пока они говорили, я делала набросок лица подруги. Её новая светлая короткая стрижка идеально обрамляла лицо. Я слушала, как они сыпали именами. В школе формировалась новая сплетня.

— Может, Эхо будет учить Люка Мэннинга, — сказала Лила, сильно пихнув меня по руке. — Он привлекательный, и смышлёным его не назовёшь. — Я закатила глаза и постаралась исправить тёмную линию на своём рисунке, случайно появившуюся от толчка Лилы. Она до сих пор лелеяла надежду, что Люк, мой парень из прошлой жизни, всё ещё питал ко мне какие-то чувства. Своё мнение она обосновывала выдуманскими историями о том, как он смотрит на меня, пока я не вижу.

— Люк и Диана расстались во время зимних каникул, — сказала Грейс. — Ди говорит, что это она его бросила. Люк говорил, что он ее. Кто знает, возможно, мы никогда не узнаем правду?

— Ты бы кому поверила, Эхо? — спросила Натали. Надо отдать ей должное. Она хотела, чтобы я участвовала в разговоре, несмотря на то, хотела ли этого я.

Я сконцентрировалась на зарисовке тени от волос на ухе Грейс. Мы познакомились с Люком в девятом классе на уроке английского, после чего встречались полтора года. Это делало меня экспертом во всем, что касалось его. Правда, с момента нашего расставания, хоть одна девушка за каждым столиком была в этом деле экспертом.

— Трудно сказать. Я бросила Люка, и он не пытался это опровергнуть, но он очень изменился с тех пор.

— Ной Хатчинс, — сказала Натали.

Я перестала рисовать, не понимая, какое отношение Ной имел к Люку.

— Что?

— Угадай привлекательного, помнишь? Ной Хатчинс определённо сексуален. Я бы с ним позанималась. — Лила посмотрела на столик наркоманов, чуть ли не пуская слюнки.

И как она могла таять от вида парня, который осмелял меня?!

Грейс разинула рот от удивления.

— Ага, и стать после этого изгоем? Ни за что!

— Я сказала, что позанималась бы с ним, а не пошла на выпускной. Кроме того, если верить слухам, то уже многие девушки объезжали эту тёмную лошадку и наслаждались каждой секундой.

Грейс посмотрела на Ноя, пройдясь по нему с головы до пят.

— Твоя правда. Он сексуален, и поговаривают, что он любит девушек только на одну ночь. Хотя, Белла Монахан пыталась завязать с ним отношения. Она преследовала его, как какой-то жалкий щенок. Но она его не интересовала, если, конечно, речь не заходила о заднем сидении его машины. — Грейс любила копаться в чужом грязном белье. — Девчонка потеряла парня, девственность, репутацию и самоуважение меньше, чем за месяц. Потому она и перевелась в другую школу.

Такие парни, как Ной Хатчинс, выводили меня из себя. Он использовал девушек, сидел на наркотиках и заставил меня почувствовать себя ничтожеством этим утром. Не то, чтобы мне стоит удивляться. У меня совпадало с ним пару занятий в прошлом семестре. Парень влетал в кабинет, словно он повелитель вселенной, и самодовольно ухмылялся, когда девушки теряли

сознание от его присутствия.

— Ну и придурок.

Словно услышав меня, он повернулся с другого конца комнаты и его тёмные глаза нашли мои. Лохматая копна каштановых волос прикрывала их, но я была уверена, что он смотрит на меня. Он улыбнулся, и я заметила легкую щетину на лице парня. Ной был мускулистым, по жизни его преследовали девичьи взгляды и неприятности. Не знаю как, но его футболка и джинсы внушали опасность. Не то чтобы меня привлекали наркоманы, использующие девушек.

И всё же я бросила на него ещё один взгляд, пока делала вид, что пью свой напиток.

— Как грубо, Эхо. Ты же не обо мне говоришь?

Рядом послышался звук отодвигаемого стула. Люк повернул его спинкой вперёд, чтобы сесть между Натали и Грейс. Да ла-а-адно вам. Мы с Люком едва словом обменялись с начала одиннадцатого класса. И почему все сегодня пытаются втянуть меня в разговор?

— Нет, — ответила Лила. — О тебе мы говорили до этого. Эхо назвала придурком Ноя Хатчинса. — Я снова пихнула её ногой под столом. В ответ она злобно посмотрела на меня.

— Хатчинса?

Люк Мэннинг: два метра, телосложение качка, чёрные волосы, голубые глаза, капитан баскетбольной команды, сексуальный и самовлюбленный.

К моему ужасу, он смерил Ноя презрительным взглядом.

— И чем этот самовлюбленный наркоман заслужил твой гнев?

— Ничем. — Я вновь взялась за свой блокнот. Мои щеки загорелись красным, когда один из популярных друзей Грейс пробормотал что-то о моей странности. Почему Лила, Натали и Люк не могут просто оставить меня в покое? Слухи только разрастутся еще больше, стоит мне вылезти из своей раковины.

К несчастью, Лила решила проигнорировать моё смущение и предупреждающий толчок.

— Он обсмеял Эхо этим утром, но не волнуйся, она сказала ему отвалить.

Карандаш изогнулся в руке от моей напряжённой хватки, пока я боролась с желанием схватить Лилу за её великолепные волосы и вырвать их. Учителя и миссис Колинз глубоко ошибались. Общение со сверстниками — это полный отстой.

Глаза Люка сузились.

— Что он сказал тебе?

Я наступила Лиле на пальцы и уставилась напрямиком на неё.

— Ничего.

— Он сказал, что у неё отстойное имя и сымитировал эхо. Так шутят дети в начальных классах.

О Боги, я хочу убить свою лучшую подругу.

— Хочешь, я поговорю с ним? — Люк посмотрел на меня со знакомым намёком на собственничество. Грейс и Натали выдали улыбку Чеширского кота. Я даже не стала смотреть на Лилу, которая подпрыгивала на месте.

Теперь её фантазиям о моём воссоединении с Люком не будет конца.

— Нет. Он просто глупый парень, который, соответственно, ляпнул глупость. Скорее всего, он уже и забыл об этом.

Люк усмехнулся.

— Верно. У них не столик, а отстойник. Ты знала, что Хатчинс — приёмный ребёнок?

Девочки за моим столом ахнули от новой сплетни. Я вновь посмотрела на Ноя. Казалось, он полностью сосредоточен на разговоре с какой-то чёрноволосой девушкой.

— Ага, — продолжал Люк. — Услышал, как миссис Роджестер и мистер Норрис обсуждали его в коридоре.

Прозвенел звонок, заканчивая его минуту славы и распространение запретной информации о Ное Хатчинсе.

Пока я выкидывала остатки своего ланча, Грейс подкралась ко мне сзади и прошептала:

— Это было большим прорывом для тебя, Эхо. Если вы с Люком вновь будете вместе, твоя жизнь изменится. Люди, с которыми он говорит и встречается, всегда на хорошем счету у остальных. Может, всё вновь вернётся на круги своя.

Один из популярных друзей Грейс позвал её, и она тут же покинула меня. Я вздохнула и натянула рукава на пальцы. Я бы всё отдала, чтобы вернуть свою прежнюю жизнь.

4 - Ной

Я не врал миссис Колинз. У меня нет времени на дополнительные занятия или встречи с консультантом. В июне мне стукнет восемнадцать, и меня уберут из системы обеспечения сирот. Это значит, что мне понадобится собственное жилье, для оплаты которого нужна работа. Но миссис Колинз развела меня, как уличный жулик ребёнка. Периодических посещений под строгим контролем с моими братьями было недостаточно. Она дразнила меня ими, как наркомана грёбаным шприцом.

Моя смена в «Мальт энд Бургер» [10] начиналась в пять. Я посмотрел на библиотечные часы на доске с объявлениями. Какую часть фразы «встретиться с парнем, которого подтягиваешь, в публичной библиотеке ровно после окончания занятий» эта всезнайка не поняла? Возможно, миссис Колинз и упоминала имя моего «преподавателя», но я уже не слушал. Эта дамочка слишком много болтает.

Я сосредоточился на двойных дверях. Еще пять минут, и это занятие можно будет официально назвать провальным, о чём я с превеликим удовольствием скажу миссис Колинз.

Одна дверь открылась, и внутрь подул холодный воздух, вызывая у меня мурашки по рукам.

«Вот чёрт».

Я отклонился на стуле и сложил на груди руки. В библиотеку вплыла Эхо Эмерсон.

Она осмотрела комнату и потёрла руку в перчатке. Будто холодный воздух мог проникнуть в рукава этой выпендренной кожаной куртки. На её лице застыла лёгкая, солнечная улыбка. Похоже, миссис Колинз нас обоих держала в неведении. В то мгновение, как она меня увидела, улыбка сошла с её губ, а в зеленых глазах отразились грозовые тучи.

«Добро пожаловать в наш грёбанный клуб».

Я пихнул стоящий напротив стул.

— Ты опоздала.

Она поставила сумку с книгами на стол, села и придвинулась ближе.

— Мне пришлось пойти в офис, чтобы узнать даты наших экзаменов. Я бы получила эту информацию утром, да только мне помешал один придурок.

Эхо меня сделала, но я всё равно улыбнулся так, будто победа осталась за мной.

— Ты могла остаться. Я ведь не просил тебя уходить.

— Чтобы ты и дальше издевался надо мной? Нет уж, спасибо. — Она вылезла из своей куртки, но перчатки оставила. От неё пахло свежестью и кожей. Её голубая хлопковая рубашка застёгивалась ниже бежевого топа, открывая вид на декольте. Такие девушки, как она, любили дразнить парней. Чего она не знает, так это того, что я был не против.

Заметив мой взгляд, она поправила рубашку, и её декольте скрылось из виду.

«Ну, было весело».

Она сердито посмотрела на меня, видимо, ожидая извинений. Долго же ей придётся ждать.

— Какой предмет ты завалил? Все? — В её зелёных глазах танцевали черти. Оказывается, Эхо тоже любит издеваться над людьми.

Ну ладно, сегодня утром я попустил её безо всякой причины. Она заслужила парочку возможностей на ответный удар.

— Ни одного. Но тут командует миссис Колинз.

Эхо открыла свой рюкзак и достала блокнот. Её лицо помрачнело, когда девушка сняла перчатки, тут же натянув на ладони рукава.

— За какой предмет возьмёмся первым? У нас с тобой общая физика и математические исчисления, можем начать с них. Нужно быть полным идиотом, чтобы завалить бизнес-технологию. — Она замолчала. — А ты разве не ходил со мной на испанский в прошлом семестре?

Я склонил голову, и волосы упали на глаза. Для девушки, которая не знала о моём существовании, она слишком хорошо была обо мне осведомлена.

— Ага.

И в этом семестре тоже, вообще-то. Она едва успевала зайти в класс перед звонком и всегда садилась на первое попавшееся свободное место, даже не одарив остальных взглядом.

— *Que tan bien hablas espanol?* — спросила она.

Как хорошо я говорю на испанском? Вполне себе прилично. Я отодвинулся от стола.

— Мне пора идти.

— Что? — Её лоб сморщился от удивления.

— В отличие от тебя, у меня нет родителей, которые будут за меня платить. Я работаю, принцесса, и если сейчас не уйду, то опоздаю. До встречи.

Схватив книги и куртку, я встал из-за стола и немедленно понёсся к выходу из библиотеки. Холодный январский воздух ударил мне в лицо. Асфальт местами покрылся льдом.

— Эй!

Я оглянулся через плечо. Эхо бежала за мной, накинув кожаную куртку на руку и закинув рюкзак на спину.

— Быстро надень куртку. На улице холодно. — Я не останавливался, чтобы подождать её, но шаг замедлил, любопытствуя, что ей надо.

Она быстро догнала и начала идти в ногу со мной.

— И куда это ты собрался?

— Я же сказал, на работу. А я-то думал, ты умная.

Никогда не встречал человека, которого было бы так весело бесить.

— Отлично. Когда мы сможем отработать это занятие?

Я кинул книги на тот кусок дерьма, что звался моей машиной, отчего ржавчина начала осыпаться на землю.

— Никогда. Предлагаю сделку. Ты скажешь миссис Колинз, что мы встречаемся после школы столько дней, сколько захочешь. Наберёшь необходимые часы добровольной работы для какого бы там ни было клуба, к которому принадлежишь, а я тебя прикрою. Мне не придётся видеться с тобой, а тебе со мной. Я продолжу свою отстойную жизнь, а ты пойдёшь домой и будешь играть в переодевание со своими подружками. Договорились?

Эхо моргнула и сделала шаг назад, будто я ударил её. Она поскользнулась, наступив на заледеневшую землю. Моя правая рука дёрнулась вперёд и схватила её за запястье прежде, чем тело Эхо успело достигнуть земли.

вернуться

Я продолжал держать её, пока она восстанавливала равновесие, используя капот моей машины. То ли от смущения, то ли от холода, но её белоснежные щеки покраснели. В любом случае, меня это рассмешило. Но прежде чем я успел отпустить очередную колкость, её глаза расширились и уставились на запястье, которое я держал.

Длинный голубой рукав задернулся до локтя. Я проследил за её взглядом, направленным на голую кожу. Она попыталась освободить руку, но я схватил крепче, сглотив появившееся

отвращение. Я жил со многими ужасными семьями, но никогда ещё не наблюдал подобных увечий. Белые и бледно-красные выпуклые шрамы зигзагами шли по всей её руке.

— Черт, что это такое?!

Я оторвал свой взгляд от шрамов и вопросительно посмотрел ей в глаза. Она ахнула, сделав несколько резких вдохов, и вновь дёрнула руку, на этот раз освободившись от моей хватки.

— Ничего.

— Это не ничего.

И это *что-то* должно было чертовски болеть, когда появилось на ее руке.

Эхо натянула рукава до пальцев. Она походила на труп. Кровь отлила от её лица, а по телу прошла дрожь.

— Оставь меня в покое.

Она отвернулась и быстро пошла обратно к библиотеке.

5 - Эхо

— Ничего, — сказала Лида. — Ни слова, ни звука, ни косога взгляда. Натали, Грейс и я даже подослали парочку разведчиков к малолеткам, но о тебе никаких слухов. Ну, ни одного, касающегося Ноя Хатчинса.

Лида сидела на пассажирском сидении, а я на месте водителя Корветта Айреса. Она зашла ко мне в гости, чтобы послужить отмажкой от семейной пятницы или, как я любила её называть, «Ужин для Проклятых».

Мы сидели в гараже, в моём зеленом Додж Неоне 1998-го года играло радио. В Корветте Айреса тоже было радио. Времени года сборки машины.

Привод — кусок дерьма, но сама машина — просто зверь. Кроваво-красная, с чёрной полоской по горизонтали, — обычно на этом месте Айрес терял меня, но брат всё равно продолжал рассказывать, даже несмотря на полное непонимание в моих глазах, — многофункциональная, с передним приводом, косыми створками по бокам передних крыльев, затемненными горизонтальными стойками и различными молдингами на порожках.

Понятия не имею, что это значит, но Айрес говорил, достаточно и того, что я запомню описание. Машина смотрелась шикарно, но была нерабочая. А теперь, благодаря Ною Хатчинсу, шансы на то, что она когда-нибудь будет ездить, уменьшались с каждым днём. Я крепче вцепилась в руль и вспомнила обещание брата.

Это было за несколько дней до его отъезда, он нависал над открытым капотом, а я сидела на верстаке.

— Всё будет хорошо, Эхо. — Глаза Айреса скользнули по моей нервно качающейся ноге. — Нас дислоцируют всего лишь на полгода.

— Я в норме, — сказала я, трижды моргнув. Мне не хотелось, чтобы он уезжал. Айрес был единственным человеком на свете, кто понимал, насколько безумна наша семья, и единственным, кто был способен поддерживать мир между мной, Эшли и нашим отцом. Он

тоже недолюбливал мачеху, но, независимо от своих чувств, брат всегда защищал её.

Он рассмеялся.

— В следующий раз хотя бы попытайся контролировать эту штуку с морганием, она с головой выдаёт тебя. Однажды отец заметит.

— Ты будешь мне писать? — спросила я, меняя тему. Он часто разговаривал об отце перед отъездом.

— По мейлу и скайпу. — Он вытер руки об грязную тряпку и выпрямился в свои полные два метра. — Вот, что я тебе скажу. Когда я вернусь и почию машину, ты будешь первой, кто поведёт её. После меня, естественно.

Я перестала качать ногой, и меня накрыло первым настоящим чувством надежды с тех пор, как Айрес рассказал о дислоцировании. Он вернётся домой, пока машина ждёт его. Он дал мне мечту, за которую я держалась после его отъезда. Мои мечты умерли вместе с ним на пустынной дороге Афганистана.

— О чём задумалась? — отвлекла меня от раздумий Лила.

— О Ное, — соврала я. — У него была целая неделя, чтобы растрепать всей школе о моих шрамах. Как думаешь, чего он ждёт?

— Может, Ною просто некому рассказывать. Он же наркоман из приёмной семьи, который нуждается в дополнительном обучении.

— Ага, может.

Или, возможно, он выжидал идеального момента, чтобы превратить мою жизнь в настоящий ад.

Лила начала крутить кольца на пальцах — знак, что она волнуется.

— Что? — спросила я.

Мне пришлось напрячься, чтобы расслышать её тихое бормотание.

— Мы рассказали Люку.

Каждая мышца в моей шее напряглась, и я отпустила руль, испугавшись, что раздавлю пластик на маленькие осколки.

— Вы ЧТО сделали?!

Лила завозилась в сидении, нервно крутя руками на коленях.

— Он ходит с нами на занятия по английскому. Вместо того, чтобы исправлять ошибки в наших работах, мы с Натали и Грейс обсуждали сложившуюся ситуацию с Ноем и твоими шрамами... Люк кое-что подслушал.

Стук моего сердца отдавался в ушах. Я хранила свой ужасный секрет на протяжении почти двух лет, а тут два человека буквально ворвались в мой личный кошмар всего за одну неделю.

Когда я не ответила, девушка продолжила:

— Эти шрамы — не твоя вина. Тебе совершенно нечего стыдиться. В отличие от твоей матери и, возможно, отца. Но тебе? Нет. Люк и так знал, что твоя мама была безумной до чертиков, но никогда никому об этом не говорил. Хотя он и туповат, но даже он смог понять, что это мама ранила тебя.

Должна ли я разозлиться? Обрадоваться? Я остановилась на безразличии.

— Она не безумная, — пробормотала я, зная, что все мои утверждения о матери никто не слушал. — У неё просто... есть свои проблемы.

Плавным, нежным движением Лида положила руку поверх моей ладони, слегка сжав пальцы, чтобы обнадежить. Напоминая, что она любит меня несмотря ни на что.

— Мы думаем, что тебе нужно всем рассказать. Перейти в наступление, а не занимать оборонительную позицию. Если Ной всем расскажет, люди уже будут знать правду и думать, что он придурок, раз смеётся с тебя.

Я уставилась на верстак Айреса. Мой отец никогда не был в ладах с инструментами. Если что-то ломалось, он вызывал мастера. А вот Айрес любил возиться с ними. Всё своё свободное время он проводил в гараже. Господи, как же он мне нужен. Чтобы сказать, что я должна делать.

— Эхо, пожалуйста, ответь. — Горечь в словах Лилы разбивала мне сердце.

— Чья это была идея? — спросила я, и так зная ответ. — Грейс?

Она всегда была за то, чтобы я рассказала о случившемся всей школе.

— Так не честно, — выдохнула Лида. — Не то, чтобы Грейс вела себя честно по отношению к тебе. Она клялась, что весь этот бред с публичными и личными отношениями закончится после того, как её выберут лидером команды поддержки. Но вот в чём дело, Эхо. Она хочет того же, что и мы все: чтобы всё вернулось к норме. Пока все думают, что ты мазохистка или пыталась совершить самоубийство, ты будешь числиться в изгоях. Может, ситуация с Ноем только к лучшему. Нет худа без добра.

Я впервые посмотрела на Лилу с момента, как она рассказала мне эту новость.

— У меня мать слетела с катушек.

— Мы тебя прикроем, — поспешила продолжить Лида. — Люк сказал, что расскажет друзьям о том сумасшедшем эпизоде, которому он стал свидетелем, когда вы встречались. Ну, знаешь, чтобы добавить правдоподобности твоей истории. А когда Грейс об этом услышала, то согласилась рассказать всем о том, что мы с ней и Натали видели в больнице. Копов. Мы слышали, как твой отец кричал на твою маму. Грейс этого так хочет... как и все мы.

— Ну да, ведь наличие сумасшедшей мамы и никаких воспоминаний о ночи, когда та пыталась убить меня, куда лучше, чем когда люди думают, что я мазохистка с суицидальными наклонностями.

— Люди будут тебе сочувствовать. Быть жертвой... это всё меняет. Вот, что пыталась сказать тебе Грейс все это время, — мягко ответила она.

Моё хрупкое терпение закончилось и сменилось гневом.

— Мне не нужно их сочувствие и я не хочу, чтобы худшая ночь моей жизни стала темой для обсуждения всей школы. Если я и расскажу когда-нибудь о случившемся, то только после выпуска. Я хочу рассказать им правду, а не быть жалкой тупицей, которая ничего не помнит.

Я резко откинулась в сидении и уставилась в потолок машины.

«Сделай глубокий вдох, Эхо. Глубокий вдох».

Я абсолютно ничего не помню о той ночи. Правду знали лишь моя мать, папа и Эшли. Но с мамой мне запрещено общаться, а папа и Эшли верят словам терапевтов.

Что я вспомню, когда мой разум будет готов к правде.

Плевать. Это ведь не они лежат ночами в кровати, пытаюсь понять, что случилось. Это не они просыпаются от собственных криков. Это не они задаются вопросом, не сходят ли они с ума.

Это не они чувствуют себя безнадежно.

— Эхо... — Лила запнулась, сделала глубокий вдох и уставилась в лобовое стекло. Ой, сейчас последует что-то ужасное. Лила всегда была приверженцем зрительного контакта. — Ты никогда не думала, что, возможно, в этом есть и твоя вина?

Я дернулась и изо всех сил постаралась сдержать внутренний гнев.

— Что, прости?

— Знаю, тебе было тяжело прийти в себя после того, что случилось между тобой и мамой, но ты никогда не задумывалась, что, вернись ты в сентябре к нормальной жизни, люди бы, в конце концов, перестали обращать внимание? Я хочу сказать... ты, вроде как, стала отшельницей.

Гнев уступил обиде, а в моём горле зародился ком. Вот, что обо мне думала лучшая подруга? Что я трусиха? Неудачница?

— Да, я думала об этом. — Мне пришлось ненадолго замолчать, чтобы голос перестал дрожать.

— Но чем больше я выходила в свет, тем больше люди говорили. Помнишь прошлогодние пробы в команду по танцам? Людям свойственно сплетничать о том, что они видят.

Она опустила голову.

— Помню.

— Зачем? Зачем ты сейчас подняла эту тему?

— Потому что ты начала стараться, Эхо. Ты наконец-то пришла на ланч. Ты начала общаться. Впервые с 10-го класса я увидела, что ты пытаешься, и мне страшно, что ты вновь вернёшься в свою раковину. — Она повернулась ко мне лицом, слегка подпрыгивая. — Не дай Ною себя спугнуть. Пошли со мной завтра на вечеринку Майкла Блэра.

Она совсем с ума сошла?

— Ни за что.

— Ну пошли, — заныла она. — Завтра же твой день рождения. Мы должны отпраздновать.

— Нет. — Я бы вообще предпочла забыть о существовании этого дня. Мама и Айрес всегда устраивали мне настоящий праздник. Без них...

Она хлопнула в ладоши и подпёрла ими подбородок.

— Пожалуйста? Пожа-а-алуйста? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста? Согласись сделать по моему, а если не сработает, то, клянусь, я никогда больше не подниму эту тему. Кстати, я упоминала, что подслушала, как Эшли говорила твоему отцу о желании поужинать с тобой? В ресторане. Пафосном. С меню из пяти блюд. Одно маленькое «да», и я могу избавить тебя от этого.

Ужин для проклятых по пятницам и так внушал мне ужас. Ужин для проклятых в публичном месте — это негуманно. Я сделала еще один глубокий вдох. Лила пережила со мной всё: мамино безумие, развод родителей, смерть Айреса, а теперь и это. Она может пока не знать, но Лила вскоре получит свой подарок на день рождения.

— Ладно. — Она взвизгнула и захлопала в ладоши. А затем описала свои планы на следующий вечер в одном очень длинном предложении.

Может, Лила и Грейс были правы. Может, моя жизнь и могла бы вернуться к норме. Я могу прятать свои шрамы и ходить на вечеринки, просто не привлекать к себе внимания.

Ной никому не рассказал и, возможно, не станет этого делать.

Кроме того, до выпускного осталось всего четыре месяца, а после этого я смогу носить перчатки каждый день до конца своей жизни.

6 - Ной

Двадцать восемь тревожных дней прошло с момента, когда я был в этой скудно оформленной комнате в офисе соцслужб. Клоуны и слоники, нарисованные на стенах, должны были вызывать радость и позитив, но чем больше я на них смотрел, тем более зловещими они мне казались. Я сидел на холодном раскладном стуле, в руках у меня были два упакованных подарка. Нервничал ужасно. Мне не нужны были напоминания о том, как облажалась наша семья. Мои младшие братишки когда-то были моей тенью и целовали землю, по которой я ходил. Теперь я не уверен, что отношение Тайлера ко мне осталось прежним. Теперь я не уверен, помнит ли Тайлер нашу фамилию.

Я ждал их как тигр в клетке, готовый к прыжку. Соцработникам лучше привести моих братьев до того, как мои нервы не выдержат. По какой-то причине я вспомнил Эхо, и как она качала ногой взад-вперед. Должно быть, она нервничала ещё сильнее меня.

В голове раздаётся голос матери: «Ты всегда должен выглядеть презентабельно. Важно произвести хорошее впечатление». Я побрился, чего обычно не делал ежедневно. Мама с папой возненавидели бы мою причёску и малейший признак щетины на лице.

Помня о предпочтениях моей матери, я не отпускал волосы по бокам длиннее уровня ушей, но из чувства самосохранения я отрастил чёлку, не давая людям допуска к своим глазам.

Дверь открылась, и я моментально оказался на ногах. В комнату вбежал Джейкоб и врезался в меня. Он был мне уже по живот. Я кинул подарки на стол, опустился до его уровня и крепко

обнял. Моё сердце дрогнуло. Господи, как же он вырос.

Мой соцработник, грузная негритянка лет пятидесяти, замерла в дверном проёме.

— Помни, никаких личных вопросов об их приёмных родителях. Я буду по другую сторону зеркальной стены.

Я сердито посмотрел на Кишу. Она ответила тем же и ушла. По крайней мере, ненависть была взаимной. После того, как я врезал своему первому приёмному отцу, система заклеила меня эмоционально нестабильным и запретила видиться с братьями. Поскольку с другими семьями не было никаких вспышек гнева, и я «делал успехи», недавно мне вновь позволили видиться с ними, но лишь раз в месяц и под присмотром.

Джейкоб пробормотал, уткнувшись мне в плечо:

— Я скучал по тебе, Ной.

Я отодвинулся и посмотрел на своего восьмилетнего брата. У него были папины светлые волосы, голубые глаза и нос.

— Я тоже скучал. Где Тайлер?

Джейкоб опустил взгляд в пол.

— Сейчас придёт. Мама... то есть... — он запнулся, — Кэрри разговаривает с ним в коридоре. Он немного нервничает. — Полные беспокойства глаза встретились с моими.

Я выдавил улыбку и потрепал его по волосам.

— Не волнуйся, братишка. Он придёт, когда будет готов. Хочешь открыть свой подарок?

Его лицо озарилось улыбкой, напомнившей мне о матери, и он кивнул. Я вручил ему презент и стал наблюдать, как он открывает коробку с двадцатью новыми пачками карточек с Покемонами. Мальчишка сел на пол и потерял ко мне всякий интерес, рассматривая каждую пачку, периодически информируя меня случайными фактами о понравившейся карточке.

Я глянул на часы, а затем на дверь. Времени у меня было мало, а какая-то сучка задерживала Тайлера. Хотя я и сказал Джейкобу, что всё нормально, это не так. Таю было всего два года, когда умерли наши родители. Мне нужна каждая отведенная нам минута, чтобы помочь ему вспомнить их. Чёрт, кого я обманываю? Мне нужна каждая минута, чтобы помочь ему вспомнить меня.

— Как дела с Кэрри и Джо? — Я пытался сохранять равнодушие, но вопрос меня нервировал. Я сам испытал на собственной шкуре жизнь с дерьмовыми приёмными родителями и готов убить любого, кто попытается обходиться с моими братьями так же, как эти люди обходились со мной.

Джейкоб сложил карты по разным стопочкам.

— Хорошо. На Рождество они сказали, что мы можем называть их мамой и папой, если хотим.

Сукины дети. Я сжал кулаки и до крови прикусил внутреннюю сторону щеки.

Джейкоб впервые отвернулся от своих карточек.

— Ной, ты куда?

— За Тайлером.

У меня оставалось всего сорок пять минут. Если они хотят играть по-плохому, то будет им по-плохому.

В ту же минуту, как я вышел в коридор, Киша выглянула из комнаты наблюдения и громко закрыла за собой дверь.

— Вернись обратно и продолжай общаться с братом. Ты же жалуешься, что недостаточно с ними видишься.

Я указал на неё пальцем.

— Я заслужил по меньшей мере два часа в месяц с братьями. *По меньшей мере*, а не всего. Если они не приведут Тайлера в комнату через тридцать секунд, я позвоню адвокату и скажу, что вы намеренно удерживаете меня от братьев.

Киша с секунду смотрела на меня, а затем начала смеяться.

— А ты умный парень, Ной. Изучаешь систему и оборачиваешь себе на пользу. Вернись обратно. Он уже идёт. — Я начал отворачиваться, но Киша добавила: — Кстати, ещё раз тыкнешь в меня пальцем, я его сломаю и вручу тебе.

Когда я вхожу в комнату, Джейкоб вновь одаряет меня маминой улыбкой. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы успокоиться. С парнишкой всё легко. Он помнил. Тайлер... Тайлер совсем другое дело.

Кэрри, зрелая дамочка с тёмными волосами, вся из себя такая идеальная, зашла в комнату с Тайлером, повисшим на ней, как мартышка на маме. Я протянул руки.

— Дайте его мне.

Я высился над ней. Это нетрудно, учитывая, что женщина была мне по плечо. Вместо того, чтобы передать мне ребенка, она обвила его второй рукой.

— Он напуган.

Поправочка. Она напугана.

— Я его брат, а вы не имеете к нему никакого отношения. Всё с ним будет в порядке. — Когда она не двинулась с места, чтобы отпустить его, я продолжил: — У меня есть право на эту встречу.

Кэрри облизала губы.

— Тайлер, малыш, пора увидеться с Ноем и поиграть с Джейкобом. Похоже, брат принёс тебе подарок.

В этот момент Тайлер поднял голову и посмотрел на меня. Лицо моего младшего брата чуть не подогнуло мне колени. Но дело не в том, что он похож на меня и маму, а в том, что вся правая сторона его лица была в синяках. Сердце забило быстрее, когда я увидел кусочек выбритых каштановых волос и по меньшей мере пять швов на его черепе.

Я резко повернул голову к зеркальной стенке, ясно давая понять, что если Киша не притащит сюда свою социальную задницу, то я убью эту женщину.

Я начал делать глубокие вдохи. Тайлеру всего четыре, и мой гнев может испугать его. Я протянул руки и взял мальчика. Руки Кэрри остались висеть в воздухе, будто я украл её щенка.

— Это была случайность, — прошептала она.

— Эй, братишка, хочешь открыть свой подарок? — спросил я Тайлера.

Он кивнул. Я посадил его рядом с Джейкобом и вручил упакованную коробочку. В комнату вошла Киша, а Кэрри поспешила ретироваться. Женщина подняла руки в успокаивающем жесте:

— Это была случайность. Мне следовало рассказать тебе до того, как Тайлер пришел, но у меня просто выскользнуло из головы.

Мои глаза сузились, и я взглянул прямо на неё.

— Мы обсудим это позже.

Я вернулся к братьям, молясь, чтобы Тай сказал мне хотя бы одно слово прежде, чем закончится встреча.

Я вновь сидел на раскладном стуле, но в этот раз я не нервничал. Я был чертовски зол.

Киша заняла место напротив меня.

— Кэрри и Джо купили Тайлеру велосипед на Рождество и пару дней назад разрешили ему покататься без шлема. Когда он упал, они немедленно отвезли его в больницу и оповестили меня о произошедшем. Оба чувствуют себя ужасно.

— Им и следует, — рявкнул я. — Откуда вам знать, что они не били его?

Киша подняла ленточку с подарка Тайлера.

— Они хорошие люди. Я не верю, что они могли намеренно навредить твоим братьям.

Ага. Просто святые.

— Если бы они были такими расчудесными, то перестали бы отгораживаться от меня и позволили бы видеться с братьями.

— Они взяли мальчиков после инцидента с твоей первой приёмной семьёй, Ной. Они слышали, что ты был эмоционально нестабилен. Это также показывает, как сильно эта пара заботится о Джейкобе и Тайлере. Они не хотят, чтобы им причинили боль.

Я сжал кулаки и опустил руки под стол, чтобы не начать бить ими по стене, как мне того хотелось. Кише только и нужно такое зрелище, чтобы доказать мою нестабильность.

— Я бы никогда не причинил им вреда.

— Знаю, — сказала она с намёком на поражение. — Как ты думаешь, почему ещё я предложила миссис Колинз обратить на тебя внимание?

Мне стоило сразу понять.

— Так она — ваших рук дело.

Киша наклонилась вперёд и положила руки на стол.

— Ты хороший парень, Ной. Я вижу в тебе огромный потенциал, но ты должен изменить свое поведение.

Я покачал головой.

— Мне казалось, что я уже показал себя с лучшей стороны. Боже, вы же отправили меня в дом с другим подростком.

— Я уже говорила. Это постепенный процесс. Просто приходи на встречи, веди себя хорошо и работай с миссис Колинз. Ко времени твоего выпуска, я уверена, мы сможем обсудить ваши встречи без надзора.

Без надзора? Я поджал губы. Полная хрень.

— Мне будет восемнадцать к моменту выпуска. К тому времени их опека будет на мне.

Лицо Киши дернулось, будто та хотела рассмеяться, но женщина быстро вернула самообладание.

— Думаешь, ты сможешь растить своих братьев, пока будешь работать в ресторане фастфуда? Думаешь, судья выберет тебя вместо Кэрри и Джо?

Понимание, что судья может сделать иной выбор, вызвало пугающую тошноту. Джейкоб сказал, они хотели, чтобы он звал их мамой и папой.

— Кэрри и Джо подают на усыновление, не так ли?

Она отвернулась, что и послужило ответом. Чёрта с два моих братьев будет растить кто-то, кроме меня.

— Ваша правда, Киша. Я многому научился за последние два с половиной года. Я знаю, что этот штат принимает во внимание кровную связь, и что вопрос о моей нестабильности не должен подниматься, если я был помещён в семью с другим приёмным ребёнком. Может, сейчас я и не в состоянии позаботиться о своих братьях, но это изменится через четыре месяца.

Я отодвинулся от стола и встал, готовый уйти. Киша направила на меня свой гневный взгляд.

— Не порть этим мальчикам жизнь из-за одной случайности.

Я развернулся и закатал рукава, указывая на кругловатый шрам на своем бицепсе.

— Джеральд называл это случайностью. Лучшего слова для описания Дона просто не найти.

Что же это была за случайность с Фейт и Чарльзом Миками? У меня есть парочка слов о них, но вы запрещаете так выражаться. Мои братья никогда не станут случайностью этой системы.

С этими словами я выбегаю из комнаты, захлопнув за собой дверь.

7 - Эхо

Обычно мне скучно наблюдать за бирпонгом [11], но не когда Лила надирала всем задницы. Девушка сегодня была в ударе. Тем более, что каждый раз, когда противоположная команда попадала в её стаканчик, она просила какого-нибудь парня выпить его. Те же выстроились в очередь, чтобы исполнить её приказания.

— Ты будешь играть? — спросил Люк.

Я так погрузилась в свои мысли, что не заметила его приближения.

— Не-а. Это развлечение для Лилы.

Еще я не хотела обращать на себя внимание.

— Сегодня ты должна развлекаться. Это же твой праздник. — Он замолчал. — С днём рождения, Эхо.

— Спасибо.

— Ну, ты так и будешь смотреть на неё весь вечер? — Люк оценил игру, засунув большие пальцы в карманы. Не зная всей ситуации, решила бы, что он что-то задумал.

— Кодекс друзей. Я слежу за Лилой, а она за мной. Где-то здесь ещё должны быть Грейс и Натали. — Я осмотрела кухню, отчасти надеясь на их неожиданное появление.

— Умно, но это раздражает. — Он упёрся рукой в стену рядом с моей головой, но оставался на безопасном расстоянии. Когда Люк делал это раньше, он прижимался ко мне всем телом, вызывая порхание бабочек в животе. А затем парень наклонялся и целовал меня. Но эти дни давно минули — прижимания, бабочки, порхание и особенно поцелуи.

— Я хотел пригласить тебя на танец.

Я сделала вид, что оглядываюсь по сторонам.

— И кого ты хочешь заставить приревновать?

Он убрал руку и рассмеялся, по-настоящему рассмеялся. Не тем наигранным смехом, как на этой неделе в кафетерии с девочками.

— Найди меня, когда Лиле наскучит играть.

В этот момент та вскинула руки в воздух и закричала, разбив в пух и прах очередных соперников. К этому времени я уже убедилась, что они поддаются, просто чтобы она продолжала играть. Люк исчез.

Девушка взяла оставшийся стаканчик с пивом и отошла от стола, к разочарованию парней, следящих за каждым её движением. Она выпила половину и передала мне оставшееся.

вернуться

— Держи. Сегодня ведь Нат за рулем, да?

— Ага. — Я взяла стаканчик и залпом допила пиво. На вкус мне было плевать, но когда его пьешь из бочонка....

Я наслаждалась тёплым чувством головокружения.

В этот момент острые углы моей жизни не казались столь безобидными. Вторая неделя второго семестра отличилась моей первой уединённой терапией с миссис Колинз, отсутствием работы и страхом, что Ной Хатчинс передумает и расскажет всем о моих шрамах. Мы оба вновь вернулись к взаимному игнорированию.

— Миссис Колинз спрашивала, не пью ли я. Мне надоело ей врать. — Майкл Блэр, хозяин вечеринки, прошел мимо с подносом пива для очередного бирпонга. Лила незаметно взяла два стаканчика и передала один мне.

— Взрослые сами хотят, чтобы мы врали. Они ожидают от нас вранья. Они хотят жить в своём маленьком идеальном мирке и делать вид, что мы только тем и занимаемся, что едим печенюшки да смотрим телевизионные шоу.

Я сделала глоток пива.

— Но мы и вправду едим печенюшки и смотрим телевизионные шоу.

Лила поперхнулась и сузила на мне взгляд.

— Именно. Мы делаем это, чтобы сбить их с толку.

Тёплое чувство головокружения, помогавшее смягчить углы, также замедлило мой мыслительный процесс. Я дважды обдумала её слова.

— Бессмыслица какая-то.

Она помахала рукой, будто собиралась всё объяснить. Её ладонь продолжала двигаться, но рот оставался закрытым. В итоге она её опустила и сделала ещё один глоток.

— Без понятия. Давай танцевать, именинница.

Мы выкинули пустые стаканчики в мусорную корзину и начали пробираться сквозь толпу к источнику ритмичной музыки. Музыка... танцы...

Люк сказал, чтобы я нашла его. Я открыла рот, чтобы сказать об этом Лиле, но та неожиданно остановилась.

— Мне нужно пописать. — Девушка резко повернула налево и закрыла за собой дверь уборной.

Я прислонилась правым плечом к двери и прислушалась — на случай, если её тошнит.

Нет, она определённо писает.

Боль пронзила мою левую руку, когда кто-то врезался в меня и продолжил идти дальше. Я оглянулась через плечо.

— Осторожнее!

Девушка с длинными угольными волосами, с ног до головы одетая в чёрное и с пирсингом в носу, подошла ко мне. Она стала так близко, что я могла пересчитать реснички на её налитых кровью глазах.

— Свали с дороги, и проблема исчезнет.

Ладно. Я слабачка. Никогда раньше не ввязывалась в рукопашную драку. Делала всё, чтобы избежать недовольства и криков других людей в мою сторону. Ночами беспокоилась, что случайно обидела кого-то. Так что когда эта байкерша встала с широко распростёртыми руками, ожидая от меня ответа или удара в лицо, меня начало подташнивать.

— Отвали, Бет, — отозвался глубокий, хриплый голос позади меня.

Вот дерьмо. Я знала, чей это голос.

Взгляд байкерши Бет остановился за моим плечом.

— Она накричала на меня.

— Ты первая в неё врезалась.

Рядом со мной стоял Ной Хатчинс. Его бицепсы касались моего плеча.

Уголки её губ поползли вверх.

— А ты не говорил, что спишь с Эхо Эмерсон.

— О Боги, — простила я. Она знала меня и думала, что я занимаюсь с ним «этим». Комната накренилась, и любимое мной головокружение исчезло.

«С днём рождения меня».

— Она подтягивает меня по предметам.

Я прислонилась к стене и отчаянно пожелала, чтобы всё перестало двигаться.

— Пофиг. Увидимся снаружи, когда закончишь со своими занятиями.

Байкерша пошевелила бровями и ретировалась.

Ну просто блеск. Ещё один слух на мою голову. Мне нужно убраться подальше от него. Ной Хатчинс приносил лишь беды. Сперва он поднял меня на смех. Затем увидел мои шрамы. Затем разрушил надежду на починку машины Айреса. Затем вбил в голову людей мысль, что мы занимаемся «этим».

Я попыталась открыть дверь в уборную, надеясь присоединиться к Лиле, но она не открывалась. Закрытые двери были прямым нарушением Кодекса друзей. Да пошло оно всё к чёрту. Я оттолкнулась от двери и поплелась к заднему выходу. Воздух. Мне нужно много воздуха.

Я вышла на веранду и сделала глубокий вдох. Холодный воздух обжег мои лёгкие и моментально остудил открытые участки кожи на шее и лице. Я слышала смех и голоса в

темноте за газоном внутреннего дворика. Наверное, наркоманы курят свою хрень.

— У тебя какие-то тёрки с куртками?

Да ла-а-адно, чёрт бы его побрал. Почему я не могу просто от него избавиться? Я развернулась и чуть не врезалась в Ноя. Восприятие окружающего и пиво никак не вязались друг с другом.

— Ты настроен испортить мне жизнь? — *«Заткнись, Эхо»*. — То есть, тебе больше нечем заняться, чем мучить меня? — *«Достаточно. Теперь можешь остановиться в любой момент»*. — Ты пришёл на вечеринку, чтобы рассказать всем о моих шрамах?

И я официально стала примером, почему подростки не должны напиваться.

Я смотрела в его глаза и ждала ответа. Никто из нас не двигался. Господи, Натали и Лила были правы. Он сексуален.

Как я могла не заметить такое телосложение? Его расстегнутая куртка открывала вид на облегающую футболку и очертания мышц. А эти тёмно-карие глаза...

Ной приподнял голову и холодно ответил:

— Нет.

Прохладный ветер задул на веранду, вызвав у меня дрожь. Ной снял свою чёрную кожанку и накинул мне на плечи.

— И как же ты будешь меня учить, если заболеешь грёбаной пневмонией?

Я изогнула бровь. Какая странная комбинация романтического жеста и ужасно грубых слов. Я вцепилась в его куртку, поборов желание закрыть глаза, когда сладкий, мускусный аромат окружил меня. Мой медленный разум начал крутить колёсиком.

— Ты уже дважды упомянул учебу.

Ной засунул руки в карманы. Его волосы упали на глаза, закрыв мой новый любимый вид.

— Рад знать, что твой мозг все еще работает, когда ты в грёбаном алкогольном опьянении.

— Ты часто используешь это слово. — Я покачнулась. Может, мне не нужен воздух. Скорее, стенка. Я споткнулась и прислонилась спиной к холодному кирпичу. Маленькая мятежная часть моего мозга скандировала Кодекс друзей вновь и вновь.

«Да-да, я вернусь к нему... через пару минут».

Ной придвинулся и остановился меньше чем в дюйме от меня. Так близко, что тепло его тела окутало каждый сантиметр моего.

— Какое слово?

— На «г». — Вау. Он стоял ближе, чем Люк ранее. Так близко, что, если бы захотел, мог поцеловать меня.

Его тёмные глаза вглядывались в мои, а затем опустились, чтобы осмотреть остальные части

моего тела. Я должна была его остановить, сделать саркастический комментарий или, по крайней мере, почувствовать себя униженной, но ничего подобного не случилось. Пока его губы не изогнулись в улыбке.

— Ну что, заслуживаю твоего одобрения? — Мой голос сочился сарказмом.

Он рассмеялся.

— О да. — Мне нравился его глубокий смех. От него у меня все щекотало внутри.

— Ты под кайфом.

Потому что никто в здравом уме не посчитал бы меня привлекательной. Особенно когда этот человек видел мои печально известные шрамы.

— Пока нет, но собираюсь. Хочешь присоединиться?

Мне не нужно полное функционирование мозга, чтобы ответить на это.

— Нет. Я предпочитаю работающую башку. Он может пригодиться, на случай если... ой, я даже не знаю... ты захочешь подумать.

Его злобная усмешка вызвала у меня улыбку. Не вынужденную — настоящую.

— Смешно. — Молниеносным движением он положил обе руки на кирпичную стену, заперев меня в оковах своего тела. Парень наклонился, и моё сердце забилося со скоростью, о возможности которой я и не знала. Его теплое дыхание ласкало мою шею, растапливая обмороженную кожу. Я наклонила голову, ожидая тепла его тела, прижатого к моему. Вновь видела его глаза, и эти тёмные зрачки кричали о голоде.

— Я слышал один слух...

— Какой? — Я попыталась выбраться.

— Сегодня твой день рождения.

Испугавшись, что разговор разрушит чары, я облизала внезапно пересохшие губы и кивнула.

— С днём рождения. — Ной приблизил свои губы к моим, этот сладкий, мускусный запах поразил мои чувства. Я почти ощутила вкус его уст, когда он неожиданно отступил, глубоко вдыхая воздух. Холодный воздух вернул меня в страну трезвых.

Он провёл ладонью по лицу и направился к деревьям.

— До скорой встречи, Эхо Эмерсон.

— Подожди. — Я начала снимать куртку. — Ты забыл это.

— Оставь себе, — сказал он, не оглядываясь. — Я заберу её в понедельник. Когда мы встретимся для обсуждения занятий.

И Ной Хатчинс — наркоман, использующий девушек, и мой спаситель с курткой — исчез в темноте.

— Чего я не понимаю, так это зачем ты отдал ей свою куртку. — Голова и волосы Бет свисали с матраса. Она сделала тягу и передала косяк Исайе.

— Потому что она замёрзла. — Я так сильно прижался к спинке дивана, что, если расслаблюсь, он может раскрыться и проглотить меня. Я ухмыльнулся. Отменная травка.

После моей встречи с Эхо я купил щепотку, забрал Бет и Исайю из леса позади дома Майкла Блэра и вновь повел нас к Ширли и Дэйлу. Я не мог положиться на их трезвость, чтобы подвезти меня домой, да и сам намеревался накуриться до потери памяти.

Если верить папке моего соцработника, мы с Исайей — ещё одним приёмным ребёнком — спали в своих комнатах наверху. На самом деле эта ледяная адова яма, больше похожая на цементный блок, чем на подвал, была местом, где жили мы втроём. По-очереди спали на старом огромном матрасе и диване, найденным в Гудвиле. Мы отдали Бет кровать наверху, но когда её тетка Ширли и дядя Дэйл ругались — что происходило постоянно, — она делила матрас с Исайей, а я спал на диване.

Если не считать братьев, Исайя и Бет были единственным людьми, которых я мог назвать своей семьёй. Я познакомился с ними, когда Киша поселила меня сюда после окончания девятого класса, а Исайю отправила Служба Опеки Детей после восьмого. Это место больше походило на пансион, чем на дом.

Ширли и Дэйл стали приёмными родителями ради денег. Оба предпочитали игнорировать нас. А мы — их. Тётя и дядя Бет были вполне нормальными, если не считать их проблем с управлением гневом. По крайней мере, всю свою злость они выплёскивали друг на друга. С другой стороны, мать Бет и её парень любили спускать пар на неё, потому что девушка предпочитала жить с нами. Киша оставалась в неведении об этой договорённости.

Бет повернулась, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

— Серьёзно, ты с ней спишь?

— Нет.

Но постояв так чертовски близко к ней, я не мог перестать думать о её теплом теле подо мной. Хотел бы я обвинить в этом марихуану, но нет. Стоя рядом с ней на веранде, я был так же трезв, как в день теста на наркотики, назначенного судом. Её шёлковые рыжие волосы блестели в лунном свете, эти зелёные глаза вглядывались в меня, будто я таю в себе какой-то ответ, и, чёрт возьми, от неё пахло корицей и жареным сахаром. Я потёр голову и вздохнул. Что со мной не так?

С того дня в библиотеке я не мог выбросить Эхо Эмерсон из своей головы. Даже когда я навещал братьев, то думал о ней, о том, как она покачивает ногой.

Она преследовала меня по нескольким причинам. Во-первых, как бы мне ни хотелось этого признавать, я нуждался в дополнительных занятиях. Если я намерен вернуть своих братьев, должен вовремя окончить школу и найти куда лучшую работу, чем приготовление бургеров. Я пропустил достаточно занятий, чтобы отстать, а кое-кто посещал их ежедневно и мог мне помочь наверстать упущенное.

— Держи. Тут мало осталось, но ты попробуй. — Исайя сидел на полу между кроватью и

диваном. Он передал мне косяк.

Я сделал последнюю тягу и задержал дыхание, пока дым не начел жечь мне ноздри и лёгкие. И вот теперь дело дошло до причин, которые сбивали меня с толку. Я выдохнул.

— Расскажи мне о ней.

— О ком? — Бет уставилась в пол.

— Эхо. — Что за слабоумные назовут своего ребенка Эхо? Я знал её, но в то же время нет. Обычно я подкатывал к девушкам, которые выказывали во мне лёгкий интерес.

Исайя закрыл глаза и упёрся головой в диван. Парень предпочитал очень короткую стрижку, почти под ноль. Его уши были неоднократно проколоты, а по рукам шёл ряд татуировок.

— Она тебе не по зубам.

Бет хихикнула.

— Потому что она отшила тебя в средней школе. Исайе захотелось найти себе подружку, и он пригласил на свидание девятиклассницу. Но бедняга не знал, что наша мисс Совершенство уже год как встречалась с Королём Люком.

Губы Исайи дернулись в улыбке.

— По-моему, я помню, как Люк менялся партнерами по лабораторным работам за твоей спиной, чтобы сесть с ней.

Бет сощурилась.

— Придурок.

— Сосредоточьтесь. Я просил рассказать про Эхо, а не про ваши жалкие жизни.

Эти двое напоминали мне старую супружескую пару, наслаждающуюся спорами друг с другом. Исайя и Бет были на год младше меня, но разница в возрасте нас не беспокоила.

Бет села на матрас. Она обожала копаться в чужой грязи.

— Итак, девятый класс, Эхо — звезда школы, так? Она болельщица, ходит на занятия для умников, делает круг почёта, арт-гуру, мисс Популярность, а между занятиями её лапает Люк Мэннинг. За месяц до окончания года она исчезает. — Глаза Бет расширились, и она начала шевелить пальчиками словно фокусник. Я и не думал, что история приобретёт такой поворот. Исайя следил за моей реакцией и кивнул головой.

— Пуф.

— Пропала, — добавила Бет.

— Испарилась, — сказал Исайя.

— Потерялась.

— Скрылась.

— Пропала, — повторила Бет. Её глаза потускнели, и она уставилась на свои пальцы на ногах.

— Бет, — начал подгонять её я.

Она моргнула.

— Что?

— Рассказ. — В этом и вся беда, когда тусуешься с наркоманами.

— Эхо. Продолжай.

— Ах да, итак, она исчезла.

— Пуф, — добавил Исаяя.

Только не опять.

— Я понял, продолжай.

— В десятом классе она возвращается совсем другим человеком — как в «Похитителе тел». Но ведь это всё ещё Эхо, верно? У неё те же вьющиеся рыжие кудри и сексуальное тело, — сказала Бет.

Исаяя рассмеялся.

— Ты только что назвала её тело сексуальным.

Бет кинула в него подушкой и продолжила:

— Но теперь она не мисс Популярность. Они с Люком в прошлом. Он стал встречаться с какой-то новой девушкой. Хотя ходили слухи, что она его бросила до своего исчезновения. Эхо уходит из команды болельщиц, перестаёт участвовать в конкурсах талантов и едва с кем-то общается. Не то, чтобы я на её месте была бы более общительной, особенно если учитывать все сплетни о ней.

— Сплетни были жестокие, чувак, — сказал Исаяя. Мы с ним и Бет хорошо знаем их силу. Не зря приёмные дети из неблагополучных семей особо не высовываются.

— И что же в них говорилось? — У меня было плохое предчувствие насчёт того, куда вёл этот разговор, и мне это не нравилось.

Бет обвила руками колени.

— В первый день десятого класса она вернулась в рубашке с длинными рукавами, и на следующий день, и так далее. На улице было +33. Сам-то как думаешь, что люди говорили?

Исаяя показал круговое движение пальцами.

— Её маленькие друзья столпились в круг, но оставили Эхо вне него.

— И она начала ходить на встречи со школьным психологом. — Бет замолчала. — Ей можно только посочувствовать.

Мои глаза были прикрыты, но заявление девушки так меня поразило, что они широко распахнулись.

— Что?

Бет не знала сочувствия.

Она легла на кровать, прикрыв глаза.

— Определённо, с ней случилось нечто хреновое. Плюс её брат умер за пару месяцев до её исчезновения. А они были очень близки. Он был старше неё всего на три года и всегда брал Эхо на вечеринки или погулять, когда оставался в городе. Я даже ненавидела её за то, что у неё есть любящий старший брат. — Теперь глаза Бет закрылись полностью.

Исайя встал.

— Подвинься.

Бет перекадилась к стене. Исайя поднял с пола одеяло и укрыл её. Наша рассказчица отрубилась.

Парень сел со мной на диване.

— Большинство считают, что Эхо любит резать себя. Другие, что она пыталась совершить самоубийство. — Он покачал головой. — Всё это такая фигня, чувак.

Меня так и подмывало согласиться и рассказать о том, что случилось в библиотеке, но я этого не сделал.

— Что случилось с её братом?

— Айресом? Он был классным. Хорошо ко всем относился. После школы вступил в морскую пехоту и его сослали в ад, то есть в Афганистан.

Айрес и Эхо Эмерсон. Должно быть, мать их ненавидела, раз дала такие имена. Теперь я должен найти способ наладить отношения с девчонкой. Она мой обратный билет к братьям.

9 - Эхо

Я повесила черную кожаную куртку Ноя на руку и направилась к своему шкафчику. Меня переполняло желание надеть её. Мне нравилось, как она пахла, какое тепло она мне дарила и как она вызывала воспоминания о нашей встрече дома у Майкла Блэра.

«Возьми себя в руки, Эхо. Ты же не идиотка».

Я знала, какие слухи ходили вокруг Ноя. Он посещал вечеринки, только чтобы обдолбаться и найти себе пьяную девушку для проведения одной совместной ночи. Если бы я присоединилась к нему, то именно такой бы и стала. Я не заинтересована в таких отношениях, хоть мне льстило, что он подумывал об этом. В конце концов, после девятого класса ни один парень из этой школы не проявлял ко мне интерес.

— Что с тобой? Ты похожа на четырехлетнего ребёнка, потерявшего воздушный шарик. — Лила присоединилась ко мне в коридоре.

— Мне суждено умереть девственницей. — Собственное признание привело меня в состояние шока.

Неужели эти слова сорвались с моих губ? Я потеряла их гладким материалом куртки Ноя. Может, мне следовало пойти с ним. Не чтобы обдолбаться, а... ну... чтобы не умереть девственницей.

Лиля так громко засмеялась, что на нас начали оглядываться. Я опустила голову, пряча лицо за волосами, и молясь, чтобы все отвернулись. Мы дошли до шкафчиков, и я открыла свой, желая спрятаться внутри него.

— Вот уж сомневаюсь. Хотя мне казалось, что тебя не интересует просто секс.

— Так и есть. Я тянула с Люком, потому что не была готова. Но я и представить себе не могла, что настанет день, когда никто не будет меня хотеть. — Я посмотрела на свои руки в перчатках и меня затошнило. Когда прозвенит звонок, мне придётся их снять. Дело не в сексе. — Да ни один парень не захочет познакомиться со мной достаточно близко, чтобы полюбить.

Лиля закрыла шкафчик и закусила губу.

— Отстойная у тебя мама.

Я сделала глубокий вдох, стараясь не расклеиться окончательно.

— Да, знаю.

Её глаза сосредоточились на куртке, которую я всё ещё сжимала в руках.

— Что это?

— Куртка Ноя Хатчинса, — сказала Натали, взявшись из ниоткуда и ловко забирая её у меня. Каштановые волосы девушки качались из стороны в сторону.

— Идите за мной! Сейчас же!

Глаза Лилы расширились до размера дыни. Мы последовали за Натали в уборную.

— И что у тебя делает куртка Ноя Хатчинса?

Я открыла рот для ответа, но в этот момент Грейс хлопнула дверью.

— У нас нет времени на обсуждение этого. Он идёт.

Натали одним пальцем открыла дверь каждой кабинки, чтобы убедиться, что мы одни. Место пахло дезинфектором, и из крана капало каждые пару секунд.

— Остановись, — сказала Грейс. — Я уже проверяла.

Лиля схватила её за руку.

— Стоп-стоп-стоп, помедленнее. Мне нужны ответы. Кто идёт? Почему у Эхо куртка Ноя? И где ты купила этот свитер?

— Люк. За Эхо. Ты так напилась на вечеринке, что забыла кодекс братана, и в результате у Эхо

оказалась куртка Ноя. Нельзя, чтобы её видели с ним. — Грейс вырвала её из рук Натали.

— Мы возвращаем Эхо её прошлую жизнь.

Я вытащила куртку из пальцев девушки. Мои друзья официально съехали с катушек.

— Это куртка, а не пакетик с белым порошком. Он ходит со мной на первый урок. Я собиралась отдать её ему. И какая разница, ищет ли меня Люк?

Грейс указала на меня своим красным ноготком.

— Ты не явилась к нему. Люк пригласил тебя потанцевать на вечеринке, а вместо этого нам пришлось везти Лилу домой. Теперь он ищет тебя, чтобы узнать, почему ты его бросила. Это ответ на все наши мольбы.

Я крепче сжала куртку.

— Что? То есть, и? Мы с Люком друзья. — Кажется. Он поздравил меня с днём рождения. Друзья так делают.

Лила начала раздражающе пританцовывать.

— И? Танцы с тобой на вечеринке — это уже не дружеский жест. Это значит, что он снова положил на тебя глаз.

— Именно, — сказала Грейс. — Если ты нравишься Люку, то и всем остальным понравишься.

Лила помахала руками в воздухе.

— Что ещё важнее, ты не умрёшь девственницей. — Она театрально вздохнула. — Люк не должен увидеть тебя с курткой другого парня. Грейс, положи её себе в шкафчик, позже придумаем, что с ней делать.

Брови девушки взметнулись.

— Ни за что. Уверена, эта штука кишит наркотиками. Что, если приведут в школу служебных собак, которые вынюхают их?

— Господи, ты бесполезна, — сказала Лила.

Откинув мои локоны назад, Грейс расправила мне рубашку.

— Давай, выходи, пока он не пошёл на занятия.

Лила и Натали вытолкнули меня за дверь, и я прижала куртку Ноя к себе ещё ближе.

— Вы слишком перебарщиваете с анализированием этой ситуации, — сказала я, пока Лила быстро вводила комбинацию от замка к моему шкафчику.

— Он идет, — пропела Натали.

У меня вновь вырвали куртку, кинули её в шкафчик, убрали меня с дороги, чтобы не мешалась, и захлопнули дверцу. Лила и Натали непринужденно прислонились к ней, создавая дополнительную защиту.

— Привет, Эхо.

Я повернулась и встретилась лицом к лицу с Люком.

— Привет.

Столько всего произошло за последние три минуты, что в моей голове всё смешалось.

Взгляд парня скользнул по девочкам, Люк чуть нахмурился. Я помнила этот взгляд: он хотел что-то сказать, но без лишних зрителей. Но если Люк что и помнил обо мне, так это что я любила держаться своей «стаи».

— Я ждал тебя, — сказал он.

— Это моя вина, — выпалила Лила. — У неё не было времени на танцы с тобой, потому что мне понадобилось домой. Я слишком много выпила.

Мы с Люком уставились на неё, а затем друг на друга. Раз Миссисипи неловкого молчания. Два Миссисипи неловкого молчания. Три Миссисипи неловкого молчания.

— Эхо, я могу проводить тебя на урок? — спросил он, наконец.

— Конечно. — Я оглянулась на Лилу и Натали и направилась с Люком дальше по коридору. Обе быстро подняли вверх большие пальцы. Я сделала глубокий вдох и заметила, что Люк мне ухмыляется. Вау. Как нормально. Может, это действительно возможно.

Да, если под «нормальным» считалось прятать куртку Ноя Хатчинса в моём шкафчике... и притворяться, что я не думала о том, как близок он был, чтобы поцеловать меня.

10 - Ной

— Подержи. — Миссис Колинз всучила мне горячую чашку и вернулась к борьбе с закрытыми школьными дверями. Мы едва могли что-то различить в утреннем свете, потому ей с трудом удавалось найти нужный ключ на перегруженной цепочке. Я думал упрекнуть её в недостатке организованности, но решил, что лучше не стоит. Нужно иметь стальные яйца, чтобы оставаться наедине с таким панком, как я.

Тепло кофейной чашки напомнило мне, насколько холодно было на улице.

По моим голым рукам побежали мурашки. У меня была лишь одна кофта с длинными рукавами, которую я надевал только на встречи с братьями. Жить без куртки отстойно.

Её взгляд остановился на тату на моём бицепсе, и вечная улыбка миссис Колинз сократилась на сантиметр.

— Ной, где твоя куртка? На улице холодно.

— Я одолжил её кое-кому.

С её губ сорвался вздох облегчения, когда третий ключ всё же подошёл к замку. Миссис Колинз помахала, чтобы я заходил. Вместо этого, я придержал дверь и кивнул, чтобы она шла первой. С моей удачей, меня заметит охрана, расстреляет, только потом начнёт задавать вопросы.

Наши шаги отдавались эхом в пустом коридоре. Благодаря новой школьной политике заботы об окружающей среде, свет включался лишь при нашем приближении.

Это вывело меня из себя. Мало того, что система опеки следила за каждым моим шагом, так теперь и это здание держало меня под строгим контролем.

— Кому ты отдал свою куртку? — Миссис Колинз вошла в главный офис и с первого раза открыла свой кабинет.

— Девушке. — Девушке, которая игнорировала меня на протяжении всего понедельника и до сих пор должна была отдать уже упомянутую куртку.

— Твоей девушке или подруге-девушке?

— Ни то, ни другое.

Миссис Колинз одарила меня сочувствующим взглядом, а затем начала возиться со своей сумочкой.

— Тебе нужна куртка?

Ненавижу этот сочувствующий взгляд. После смерти родителей именно так на меня смотрели все знакомые. Глаза слегка расширены. Уголки губ слегка приподняты, но сами губы сжаты. Они всё время пытались принять нормальный вид, но получался лишь смущённый.

— Нет. Сегодня я её верну.

— Хорошо. — Она открыла мою папку. — Как твои занятия с Эхо?

— Мы начнём сегодня. — Только Эхо пока об этом не знает.

— Великолепно. — Миссис Колинз открыла рот, чтобы задать очередной глупый вопрос, но у меня были свои.

— Что вы знаете о моих братьях?

Женщина взяла ручку и постучала ею по столу, поглядывая на часы на второй руке.

— Мы с Кишей обсудили твой визит на выходных. То, что случилось с Тайлером, было случайностью.

Какого черта?

— Вы школьный консультант. Почему вы общаетесь с моим соработником? Да ещё и о Тайлере?

— Я уже говорила. Я клинический соработник и подопытная свинка для новой программы. В мои обязанности входит заботиться обо всех аспектах твоей жизни. Это значит, что у меня есть доступ к твоим братьям. Я буду общаться с их приёмными родителями и иногда даже с Джейком и Тайлером. Насчёт моей работы в Иствике, миссис Бранч занимается обычными консультантскими проблемами, а я... — Она склонила голову. — Более просвещёнными учениками. Школа вбивает в ваши головы знания, но игнорирует эмоции. Я тут, чтобы посмотреть, что будет, если мы уделим внимание двум аспектам.

Счастье-то какое. Мне и Киши, сидящей у меня на заднице, было достаточно. А теперь в мои дела лезла и Салли Саншайн собственной персоной. Я провёл рукой по лицу и поёрзал на стуле.

Миссис Колинз продолжила:

— Киша также упомянула, что ты грозишься подать петицию об опеке над братьями после выпуска. Ной, если это правда, тебе придётся внести большие изменения в свою жизнь. Ты готов к этому?

— Что, простите? — Мне показалось, или эта дамочка только что бросила мне вызов, чтобы я перестал заниматься херней и смог вернуть назад свою семью?

Она положила ручку и подалась вперёд.

— Ты готов к необходимым изменениям, чтобы иметь возможность заботиться о своих братьях после выпуска?

Да, чёрт возьми.

— Да, мэм.

Миссис Колинз вновь взяла ручку и что-то записала в моей папке.

— Тогда ты должен это доказать. Знаю, у тебя нет причин мне доверять, но дело пойдёт легче и быстрее, если ты попробуешь. Сейчас ты должен сосредоточиться на себе и довериться мне с Кишей, чтобы увидеть благополучие своих братьев. Суть такова: если ты продолжишь беспокоить Кишу с посещениями и давить на Джейкоба ради информации о его приёмных родителях, особенно насчёт их фамилий, то у нас создастся впечатление, что ты не хочешь играть по правилам. Твои визиты — это привилегия, Ной. И я хочу сохранить ее за тобой. Мы понимаем друг друга?

Стул скрипнул подо мной, и я ткнул в неё пальцем.

— Это мои братья.

Недостаток информации об их опекунах: фамилия приёмных родителей, их адрес, номер телефона... факт, что я не могу видеться с Тайлером и Джейкобом, когда захочу... я потерял все эти «привилегии» в день, когда ударил своего первого приёмного отца. Моё горло заныло, глаза защищало. Осознание, что я на грани слёз, вывело меня из себя. Я встал, не зная, что делать... или кого винить.

— У вас нет на это прав. Они — моя ответственность.

Миссис Колинз посмотрела мне прямо в глаза.

— Они в безопасности. Ты должен поверить мне. Не стоит переносить свой опыт на братьев. Я понимаю твоё желание защитить их, но на данный момент это не нужно. Если ты хочешь видеться с ними на регулярной основе, то должен научиться работать со мной. Я уже объяснила, как ты можешь это сделать.

— Идите к чёрту. — Я схватил свои книги и покинул кабинет.

11 - Эхо

Дощечка с именем миссис Колинз сдвинулась на долю дюйма, открывая вид на чёрные пятна на стене. Впервые я хотела, чтобы Эшли была с нами. Несовершенство свело бы её с ума.

Как и на прошлой неделе, голубая лента покоилась на столе миссис Колинз, и точно как на прошлой неделе её местоположение изменилось — с каждым разом всё ближе к моему месту.

Будто лента хранила в себе силовое поле, охватывающее меня, — притяжение, которое я не могла объяснить.

— Как обстоят дела с твоим парнем? — спросила миссис Колинз.

Очередной вторник, очередной сеанс терапии.

Я оторвала взгляд от ленточки. Слава богу, Люк пригласил меня на групповое свидание в субботу. Одной ложью меньше.

— Эшли всё не так поняла. У меня нет парня, но я кое с кем встречаюсь.

Вроде как. Если одно свидание считалось серьёзными отношениями.

Её глаза просветлели.

— Замечательно. Не с тем баскетболистом, с которым я видела тебя в коридоре?

— Да.

Класс. Терапевт-сталкер. Разве это законно?

— Расскажи мне о нём.

Эм... нет.

— Я не хочу говорить о Люке.

— Хорошо, — сказала она, совершенно не смутившись. — Давай поговорим о Ное. Он сказал, что сегодня ваше первое занятие.

Я несколько раз моргнула.

Дерьмо. Правда? Может, лучше было бы обсудить Люка. Куртка Ноя всё ещё была в моём шкафчике, поскольку Лила и Грейс убедили меня, что я не могу просто вернуть её в школе. Они всё ещё разрабатывали план, как мне её вернуть.

— Да. Так и есть.

— Хочешь дружеский совет?

Я пожала плечами и зевнула одновременно, готовясь к лекции «скажи «нет» наркотикам, сексу и алкоголю». Я же, как-никак, учу Ноя Хатчинса. В теории.

— Конечно.

— Ной более чем способный мальчик. Ему нужен лишь небольшой толчок. Не дай ему обдурить тебя и внушить, что всё наоборот. И ты, Эхо, единственный человек в этой школе, который, как

я верю, может посоревноваться с ним на академическом уровне.

Ла-а-адненко. Очень странная беседа.

— Хорошо. — Я прикрыла рот и вновь зевнула.

— У тебя усталый вид. Как твой сон?

Великолепно. Прошлой ночью я спала целых два часа. Моя нога начала качаться.

— Эхо, всё в порядке? Ты побледнела.

— В порядке. — Если я буду продолжать так говорить, может, это станет правдой.

И возможно, когда-нибудь я смогу проспять всю ночь без ужасных снов — странных, пугающих, полных созвездий, темноты, разбитого стекла и иногда крови.

— Твой отец упомянул, что ты не принимаешь прописанного снотворного, хотя до сих пор испытываешь кошмары.

Еженощно. Достаточно пугающие, чтобы я не хотела засыпать. Достаточно страшные, что если я проигрывала битву со сном, то просыпалась от собственных криков.

Отец и Эшли хранили таблетки в закрытом шкафчике в ванной и давали их, только когда я просила. Я лучше засуну в глаза иголки, чем попрошу Эшли о чём-либо.

— Я же сказала, всё в порядке.

При слове «в порядке» мои глаза вновь находят ленту. Что в ней так привлекало меня? Я чувствовала себя мотыльком, летящим на электрическую лампочку.

— Кажется, тебя очень заинтересовала лента, Эхо, — сказала миссис Колинз. — Я буду более чем рада разрешить, если ты захочешь поддержать её.

— Нет, спасибо, — ответила я. Но это не так. Мои пальцы скрутились на коленях. По какой-то ненормальной причине я хотела поддержать её.

Миссис Колинз ничего не сказала, и это молчание пробрало меня до дрожи.

Моё сердце ёкнуло, когда я подалась вперёд и взяла её в руку.

Она не похожа на те стильные голубые ленты, что популярны сейчас. Эта внушала серьёзность — большая, сделанная из шёлка. Я прошлась пальцами по ткани. Первое место: Художественное искусство — Кубок Губернатора Кентукки.

Кто-то в моей школе выиграл Губернаторский Кубок. Да это же офигеть как круто! Каждый ученик-художник мечтает выиграть этот конкурс.

Может, какой-то младшеклассник был обладателем выдающегося таланта. К чёрту папу — как только миссис Колинз меня отпустит, я наведаюсь в кабинет рисования и увижу этот талант собственными глазами. Чтобы выиграть Губернаторский Кубок нужно быть чёртовым гением.

Когда я ещё раз пробежалась пальцами по ленте, в моей голове загремели аплодисменты. Всплыло изображение моей протянутой руки, принимающей её.

Я перевела взгляд на миссис Колинз, и моё сердце громко застучало.

— Это моё.

Гроыхание сердца переместилось в голову, а грудь сжалась при появлении нового изображения. В мыслях я получала не только ленту, но и сертификат. Я не видела, чьё имя было там напечатано, но видела дату. Ту самую.

Удары электричества прошли по моей руке прямо в сердце.

В ужасе я швырнула ленту и спрыгнула со стула. Мои колени стукнулись об стол, вызывая острую боль под коленными чашечками. Я упала на пол и начала отползать подальше от неё, пока моя спина не врезалась в дверь.

Миссис Колинз медленно отошла от стола и пересекла комнату, чтобы поднять ленту.

— Да, твоя, Эхо. — Она говорила так, будто мы тут пиццу едим, а не боремся с моим припадком паники.

— Это... этого... не может быть. Я... никогда не выигрывала Губернаторский Кубок. — Туман заполнил мою голову, затем последовала яркая вспышка красного. Момент просветления показал более молодую меня, заполняющую формуляр. — Но я подала заявку... в девятом классе. Я выиграла окружной конкурс, потом районный, и перешла к государственному. А потом... потом...

Ничего. Черная дыра поглотила красный и серый. Осталась лишь тьма.

Миссис Колинз расправила чёрную рубашку и села передо мной. Может, ей никто не сказал, но сидеть на полу во время сеанса терапии было ненормально. Она осадил свой лабрадорский энтузиазм и заговорила спокойным, обнадеживающим голосом.

— Ты в безопасности, Эхо, и это безопасное воспоминание. — Она погладила ленту. — То утро было у тебя очень счастливым.

Я склонила голову и прищурилась.

— Я... выиграла?

Она кивнула.

— Я большой поклонник искусства. Предпочитаю картинам статуи, но и те мне тоже нравятся. Походу в кино я предпочту визит в галерею.

Эта дамочка — напыщенная шарлатанка. Тут без вопросов. И всё же среди раздражающе оптимистичных табличек висела доля правды. Университет Луисвиля был настоящим учебным заведением, как и Гарвард, где она, по идее, заканчивала учебу. Я сосредоточилась на дыхании.

— Я не помню, как выиграла её.

Миссис Колинз положила ленту на край стола.

— Потому что ты подавила воспоминания о целом дне, не только о ночи.

Я уставилась на свою папку.

— Вы расскажете, что со мной произошло?

Она покачала головой.

— Боюсь, это не по правилам. Если хочешь вспомнить, то должна начать активно работать на наших сеансах. Это значит, что ты будешь честно отвечать на мои вопросы. Больше никакого вранья. Никакой полуправды. Даже если с нами будут твои родители. На самом деле, особенно если с нами будут твои родители.

Я потянулась к месту, где висела бы на шее подвеска Айреса, если бы я её надела. Мои глаза не отрывались от папки.

— Вы вообще её читали?

Она методично почесала пальцем подбородок.

— Естественно.

Я закусила щеку.

— Тогда вы знаете. Я уже пыталась вспомнить, и это оказалось невозможным.

Не без разделения моего разума на две половинки. Летом после инцидента один психолог пытался открыть дверь в чертоги моего разума, и из щели повалили демоны. Я потеряла сознание на два дня и очнулась в больнице. Мои кошмары превратились в ночные страхи.

— Хотите правду? — спросила я. — Вы правы. Я очень хочу узнать, что произошло. Доказать, что я не... чтобы знать... потому что, иногда я задумываюсь... не сумасшедшая ли я, как она. — Я так и слышала, как отец кричит мне заткнуться из тёмных уголков разума, но плотина рухнула, выпуская мои страхи. — Потому что я похожа на неё, знаете ли. Мы похожи внешне, обе художницы, и люди всегда говорили, что мне передан дух её дух. Я горжусь нашей схожестью. Потому что она моя мама, но я не хочу...

Быть сумасшедшей.

Миссис Колинз схватилась рукой за сердце.

— Эхо, нет, ты не биполярна.

Но зачем испытывать судьбу? Однажды я уже пыталась. Разве этого недостаточно? Миссис Коллинз не понимала, куда ей?

— Если вы мне расскажете, я узнаю. Думаю, мой разум дал трещину, потому что терапевт пытался заставить меня пережить это вновь. Возможно, воспоминания слишком ужасны. И если вы мне расскажете, ну, там, просто пару фактов, тогда чёрная дыра в моей голове заполнится, кошмары исчезнут, и я не сойду с ума в процессе. — Я посмотрела в её добрые глаза. — Пожалуйста.

Уголки её губ опустились.

— Я могу зачитать тебе отчёт полиции, твоего отца, мачехи, даже твоей матери, но это не уберёт кошмары. Ты единственная, кто может это сделать, но это значит, что тебе следует

перестать убегать от проблемы и встретиться с ней лицом к лицу. Поговори со мной о своей семье, Айресе, школе и, да, о своей матери.

Я начала открывать и закрывать рот, пытаясь выдать из себя слова.

— Я не хочу сойти с ума.

— Ты не сойдёшь, Эхо. Мы будем работать постепенно. Ты мчишься вперед, я устанавливаю скорость. Я могу тебе помочь, но ты должна мне довериться и упорно работать над ситуацией.

Довериться. Почему не попросить меня о чём-то попроще, например, доказать существование Бога? Даже он меня бросил.

— Я уже потеряла кусочек своего разума. Я не могу доверять вам то, что осталось.

12 - Ной

После занятий я заметил Эхо, пробивающуюся сквозь толпу в коридоре. Она скользнула в кабинет главного офиса за секунду до того, как я успел догнать её. Вторник был моим единственным выходным, и я планировал поиграть в баскетбол с Исайей. Я стукнул кулаком по шкафчику рядом со мной.

Теперь мне придётся ждать, пока эта высокомерная выскочка закончит свою встречу с терапевтом.

Я побродил по коридорам, а затем устроился напротив шкафчика Эхо.

У неё не было с собой рюкзака или куртки, поэтому я догадался, что ей придётся забрать их, прежде чем уйти. Спустя сорок умопомрачительных минут, я подверг сомнениям своё решение. У Эхо проблемы с курткой. Подождать её у машины было бы умнее.

Стук по линолеуму оповестил о её приближении.

Её красные волнистые локоны подпрыгивали при каждом шаге. Крепко прижимая к груди книги, она шла с опущенной головой. Каждый мускул моего тела напрягся, когда она прошла мимо. Я спокойно относился к тому, что она игнорировала меня во время занятий, но быстро проходить мимо меня в пустом коридоре было более чем стервозно. Повернувшись ко мне спиной, она пыталась набрать код на своём замке. Металлический шкафчик открылся.

— Чёрт, да ты самый грубый человек, которого я когда-либо встречал. — Я оттолкнулся от земли. Да пошла она, вместе с миссис Колинз и дополнительными занятиями. Я сам найду способ подтянуться по предметам. — Дай мне мою гребаную куртку.

Эхо развернулась. На секунду на её лице отразилась чистейшая боль, но затем в её глазах забушевала буря. Буря, требующая предупреждений об урагане и срочной эвакуации.

— Неудивительно, что тебе нужны дополнительные занятия. У тебя самый скудный словарный запас, который я когда-либо слышала. Ты когда-нибудь пытался выучить слово, состоящее больше, чем из четырёх букв?

— У меня есть для тебя ещё одно. Пошла на хрен. Ты вернулась к своему парню и не могла выдержать мысли, что отдашь мне мои вещи на людях.

— Ты ничего не знаешь.

— Я узнаю сумасшедших, когда вижу их. — Стоило словам слететь с моих губ, как я пожалел об этом. Иногда, когда ты видишь границу, может показаться, что было бы хорошо её пересечь. Пока ты этого не делаешь.

Уже второй раз с нашей встречи Эхо выглядела так, будто я дал ей пощёчину. Слёзы образовались под её веками, щёки вспыхнули красным, и она быстро заморгала. Ей удалось заставить меня почувствовать себя мудаком... снова.

Она потянулась в свой шкафчик и швырнула мне куртку.

— Ты такой придурок! — Девушка хлопнула дверцей и пронеслась мимо меня.

Чёрт. Просто класс.

— Эхо! — Я кинулся за ней. — Эхо, подожди.

Но она не ждала. Я догнал её, схватил за руку и развернул к себе. Чёрт побери, слёзы буквально лились из её глаз, стекая по лицу.

И что мне теперь делать?

Она шмыгнула носом.

— Я не знала, что ты ждал меня. Я не заметила тебя. — Она смахнула слёзы тыльной стороной ладони. — Мне следовало отдать тебе куртку ещё вчера, но... — Её лебединая шея чуть вздрогнула, когда она сглотнула. — Но мне хотелось побыть нормальной, и, хоть на пару минут, такой я и была. Как два года назад... как раньше... — и она замолчала.

Если бы у меня был хоть малейший шанс вернуть себе нормальную жизнь, я бы сжёг эту чёртову куртку. Уверен, она хочет возвращения брата не меньше, чем я хочу возвращения своей семьи. Снова иметь дом, родителей. Чёрт. Нормальной жизни.

Я сделал глубокий, поглощающий гордость вдох. Цитируя мудреца Исаяю — пуф. Мои мышцы расслабились, злость исчезла. Опустив голову, Эхо спряталась за занавесью своих волос. Я никогда не пойму, почему эта девчонка пробуждала мою совесть.

— Извини. Мне не стоило на тебя кричать.

Она показала своё бледное лицо и снова шмыгнула. Один красный локон прилип к её влажной от слёз щеке. Моя рука потянулась, чтобы поправить его, но я замешкался в миллиметре от её кожи. Клянусь, она задержала дыхание и даже перестала моргать, и, на секунду, то же случилось со мной. Ласковым движением я убрал локон.

Она прерывисто выдохнула и облизала губы, когда я опустил руку.

— Спасибо.

Я не знал, за извинение или за локон, но спрашивать не собирался. Моё сердце билось в такт с трэш-металлом. Этой осенью мы читали о сиренах на английской литературе — греческая мифологическая фигня о прекрасных женщинах со столь очаровывающими голосами, что мужчины были готовы пойти на всё ради них. Оказалось, эта мифологическая хрень была правдой, поскольку каждый раз при виде неё я терял разум.

Нормальность. Она хотела чего-то нормального, как и я.

— Знаешь, что нормально?

— Что? — Она стёрла оставшиеся слезинки.

— Занятия по математическим исчислениям.

Без сомнений, Эхо Эмерсон отождествляла сирену. Она одарила меня той же улыбкой, что и в субботу вечером. Той улыбкой, что толкала мужчин на написание сопливых песенок. Они вызывали у нас с Исайей смех. Я мог часами сидеть под офисом миссис Колинз и подрывать задницу рано утром, чтобы идти на математику, лишь бы вновь увидеть эту улыбку. Ох, вот дерьмо.

— Ладно, — сказала она. — Давай займёмся чем-то нормальным.

Так мы и сделали. С час мы сидели напротив шкафчиков, и она помогала мне нагнать пару занятий. Девушка использовала для описания жесты, что было чертовски смешно, учитывая, что мы обсуждали математику. Её зелёные глаза светились, когда я задавал ей вопросы, и она одаряла меня улыбкой сирены каждый раз, когда я вникал в тему. Эта улыбка только вызывала у меня желание учиться больше.

Закончив своё объяснение о производных, она сделала глубокий вдох. Я понял эту тему минут пять назад, но мне нравился звук её милого голоса. Ангельская музыка.

— Ты хорошо знаешь математику, — сказал я. Ты хорошо знаешь математику. Что это за заявление? Что-то типа: «Эй, у тебя есть волосы, они рыжие и вьются». Как тонко.

— Мой брат Айрес был математическим гением в нашей семье. Единственная причина, по которой я не отстаю, это потому, что он учил меня. Он никогда не заглядывал в учебник, зная всё, что мне нужно, всё, чтобы помочь мне.

Обращаясь с ней с таким же почтением, с каким моя мама носила семейную Библию, Эхо достала старую, потрёпанную книгу по исчислениям из своего рюкзака и начала переворачивать страницы. Книга хранила в себе многочисленные заметки, написанные синими или чёрными чернилами на полях.

— Наверное, это делает из меня мошенницу, да?

— Нет, это значит, что у тебя был любящий брат.

Помогала ли моим братьям их приёмная мать с домашней работой, или она была как жена Джеральда? Запираясь в спальне, она делала вид, что её приёмные дети не существовали и что её муж нас не бил.

Она провела пальцами по записям на страничке.

— Я скучаю по нему. Он умер два года назад в Афганистане. — Эхо вцепилась в книгу, будто она была её спасательным кругом. — Из-за взрыва.

— Мне жаль.

— Спасибо, — сказала она безжизненным голосом.

— Она не утихает, — сказал я. — Боль. Раны засыхают, и ты не всегда чувствуешь, будто нож рассекает тебя на части. Но когда ты ожидаешь этого меньше всего, боль вспыхивает, чтобы напомнить, что ты никогда не будешь прежним.

Сам не знаю, почему я рассказывал ей это. Может, потому, что она была первым человеком со времён смерти моих родителей, кто мог понять. Я смотрел на мигающие флуоресцентные лампы на потолке. Горят. Не горят. Горят. Не горят. Хотел бы я найти кнопку, выключающую мою боль.

Тёплое прикосновение щеки вернуло меня на землю. Или отослало прямиком на небеса. В любом случае, оно выдержало меня из ада. Розовые пальчики Эхо гладили меня по ладони.

— Кого ты потерял?

— Родителей. — Никакое жалкое сочувствие не появилось на её лице, лишь понимание боли утраты. — Думаешь, миссис Колинз специально свела двух самых депрессивных людей в школе? — Я сверкнул улыбкой, чтобы удержать правдивость заявления от разрушения остатков моего сердца.

Она убрала руку.

— Вау. А я думала, что единственная в этой школе, кто каждое мгновение притворяется.

Желая ещё её прикосновений, я пересел, чтобы моя рука касалась её плеча. Губы Эхо не двигались, но моя сирена всё равно пела. Её песня обжигала мою кожу, а нос — запах сахара и корицы.

Её задний карман завибрировал, отправляя меня вновь в ад... простите — в школу. Мне срочно нужна была одна из сигарет Бет, а я ведь даже не курил.

Она набрала сообщение на своём айфоне. Наверное, этому удачливому сукин сыну, её обезьяноподобному парню. Улыбка сирены испарилась с её лица, а ведь я так усиленно работал, чтобы вызвать её. Это была грёбаная трагедия.

— Ты в порядке?

— Да. Мачеха контролирует каждый мой шаг, — сказала она с деланным равнодушием.

Я облегчённо вздохнул. Лучше мачеха, чем та обезьяна.

— По крайней мере, у тебя есть кто-то, кто заботится о тебе. — Сомневаюсь, что Ширли и Дэйл знали, что у меня есть мобильный. — Прости, что довёл тебя до слёз. Обещаю, в будущем я буду хорошо себя вести.

— Значит ли это, что я на самом деле буду подтягивать тебя?

— Да, думаю, что так.

Эхо натянула рукава.

— Ты не доводил меня до слёз. Ты не помог ситуации, но ты не доводил меня до слёз.

Она оголила свои руки, пока учила меня — когда касалась меня. Вот дерьмо. Я забыл о её шпрамах. Чёрт, да она сама забыла о своих шпрамах — до этого момента. Я хотел вернуть это

мгновение и вновь увидеть её улыбку.

— Тогда кто? Я давно не дрался. Моя репутация будет испорчена, если я буду вести себя хорошо слишком долго.

Она боролась, но я победил. Её улыбка вернулась на мимолётное ослепительное мгновение.

— Тебя выгонят, если ты подерёшься с миссис Колинз. Так что спасибо, но не стоит.

Я стукнулся затылком об шкафчик.

— Она и мне сегодня мозги выносила. Должно быть, это всё фишка третьего свидания.

Я усмехнулся, когда Эхо посмотрела на меня так, будто я сделал себе татуировку на лбу.

— В смысле, фишка третьего свидания?

Она что, жила в коробке?

— После третьего свидания люди обычно занимаются сексом. Сегодня была моя третья встреча с миссис Колинз, и она изнасиловала меня по-королевски. И, судя по всему, она провернула тот же номер с тобой.

Её идеальные брови сдвинулись к переносице, пока она обдумывала мои слова. Мне нравилось, как её губы изогнулись от смеха, а её щек коснулся румянец.

— Знаешь, что самое отстойное? — спросила она.

— Миссис Колинз?

— Да, но я не об этом. Всё, что мне нужно знать, находится в этой чёртовой папке, которая хранится у неё. Она словно ключ к волшебной двери — проходу в волшебное королевство. — Девушка пнула свой рюкзак через коридор. — Я могла бы наконец обрести хоть какой-то покой, если бы добралась до этой дурацкой папки.

С её словами в моей голове закрутилось торнадо. Миссис Колинз поддерживала контакт с приёмными родителями Тайлера и Джейкоба, что значит, у неё была их информация — фамилии, телефонный номер, адрес. Эхо была права. Эти папки — золотая жила. Если я доберусь до неё, я мог бы проведать братьев. Я мог бы доказать, что они живут в доме, полном насилия, и получить опеку над ними.

— Эхо, ты гений.

13 - Эхо

Первая стадия операции «Прочитай свою папку» состояла из моего отца, Эшли и меня, ожидающих, когда миссис Колинз позовёт нас на сеанс. Отец стоял в углу, на повышенных тонах разговаривая с кем-то по ту сторону линии его «БлэкБэрри», пока мы с Эшли сидели рядом друг с другом на стульях.

Эшли прижала руку к животу.

— Ох. Ох, Эхо, малыш пихается.

— Вы можете войти, — позвала миссис Колинз.

Я взлетела со своего места.

— Ну слава богу.

Мачеха уже месяцами надоедала всем бесконечной болтовнёй о ребёнке. Ладно, может и не всем. Отец прислушивался к каждому её слову, будто она была Святым Павлом, проповедующим Евангелие. Моей маме он никогда не уделял столько внимания. Иначе я не была бы школьным фриком.

Три недели назад миссис Колинз начала пору ношения деловых костюмов, а затем джинсов и футболок по пятницам.

С каждой неделей пятница переносилась на день. Сегодня новой пятницей был вторник. Она встала за стол и сверкнула своей вечной улыбкой.

— Мистер и миссис Эмерсон, я так рада вас видеть, но наша групповая терапия лишь на следующей неделе.

Приподняв брови, отец вопросительно посмотрел на Эшли, которая поражённо замерла с открытым ртом.

— Нет. В семейном календаре чётко отмечено...

Я перебила её:

— Я сказала им прийти на этой неделе. — Миссис Колинз сделала эту странную штуку, когда весь её рот двинулся вправо.

— Я знаю, что у нас был суровый сеанс на прошлой неделе, но ты действительно считаешь, что тебе нужно было приводить телохранителей?

— Эхо? — спросил папа. — Что случилось на прошлой неделе?

Моё сердце сжалось и ухнуло вниз. Его беспокойство казалось настоящим. Я бы всё отдала, чтобы так оно и было. Я встала и подошла к окну. Ученики сновали по парковке, прежде чем направиться домой. У этого сеанса было столько же шансов на провал, как и у того, что был на прошлой неделе.

— Кое-что хорошее.

— Замечательно. Этой семье не помешает парочка хороших новостей. — Голос Эшли резал мне слух как наждачная бумага кожу. — Я читала в журнале, что дети чувствуют негативную энергию.

С одного из мест выехала машина, открывая вид на Ноя, сидящего на капоте его ржавой тачки рядом с каким-то парнем с кучей пирсинга и татуировок и байкершей Бет. Его друзья уставились на меня, когда тот одарил меня своей коварной улыбкой. Они меня пугали. Улыбка Ноя заставляла меня трепетать.

Не то чтобы мне стоит трепетать из-за Ноя Хатчинса. Я встречалась с Люком, а не с ним — если можно было так назвать один монолог Люка по телефону и одно неловкое групповое свидание в местной пиццерии.

Я вздохнула и выбросила Люка из головы. Мы с Ноем заключили договор, и я намеревалась выполнить свою часть сделки. План был прост: мне нужно было перенести свою встречу, чтобы он перенёс свою утреннюю терапию на место моей дневной.

Поскольку наши встречи по времени рядом друг с другом, один из нас будет отвлекать миссис Колинз, пока другой просмотрит папки.

— Эхо? — потребовал ответа отец, в его голосе всё ещё слышался намёк на беспокойство. — Что хорошего?

Глубоко вдохнув, чтобы успокоить волнение, сжимающее мой желудок, я повернулась к нему лицом. Я и так питала отвращение к конфликтам. Конфликты с отцом я просто ненавидела.

— Почему ты не рассказывал мне, что я выиграла Губернаторский кубок?

— Что, прости? — Теперь всякое беспокойство покинуло его тон.

К моему волнению присоединилась нотка боли. Почему, ко всему прочему, он забрал у меня и рисование?

— Я так хотела выиграть. Ты мог рассказать мне хотя бы об этом.

Миссис Колинз насторожено разглядывала меня и держала руки на коленях. Я ожидала, что она вскочит с места и начнёт защищаться, но она оставалась раздражающе спокойной. Эшли положила руку на ладонь отца.

— Оуэн? — Мне показалось, или в её голубых глазах мелькнула вина?

Пугая меня до чёртиков, его лицо приобрело непривычный серый оттенок.

— Ты помнишь? — Его глаза округлились, придавая папе потерянный и необычайно грустный вид.

Я думала, он хотел, чтобы я вспомнила. Мой лоб сморщился в недоумении. Разве не в этом весь смысл терапии?

Серый сменился красным, когда он повернулся к миссис Колинз.

— Это неприемлемо. Мы виделись с двумя психотерапевтами и получали три разные оценки её психологического состояния. Каждый из них имел своё мнение на счёт того, как с ней поступить, но после её нервного расстройства каждый из них сказал нам оставить тот день в покое. Я знал, когда вы попросили положить в эту комнату ленту, что мы должны были отказаться от этой программы. Как вы могли заставить её вспомнить?

— Я никого не заставляла, мистер Эмерсон. Я просто клала ленту на стол во время её терапии. Это называется десенсибилизация. Её разум решил, что эти воспоминания безопасны, потому она их вспомнила.

Встав со стула, отец пробежался рукой по волосам.

— Боже, Эхо. Почему ты не сказала раньше? Ты должна понять...

— Мистер Эмерсон, остановитесь! — Миссис Колинз пыталась сохранить спокойный голос, но я услышала лёгкое повышение тона. — Она вспомнила лишь о ленте. И только.

Грудь отца быстро вздымалась и опускалась. Затем, будто чтобы доказать, что невозможное возможно, он придвинул меня к себе и обнял. Одна из его рук прижала мою спину. Другая — голову. Я замерла.

Объятия были тёплыми. Я чувствовала себя в безопасности. Как когда я была ребёнком, и моя мама закатывала истерику, а я пугалась. Воспоминания о моей маме с округлёнными глазами, что-то бессвязно кричащей, и спутанными рыжими волосами, вылезаящими из хвостика, заполнили мою голову. Я бежала к отцу, и он прижимал меня к себе... как сейчас. Он защищал меня, держал в безопасности.

Я слушала его сердцебиение и чуть не позволила себе обнять его в ответ. Каблуки цокнули по полу, когда Эшли заёрзала.

Невероятная боль впиалась мне в сердце, и я оттолкнула его.

— Ты выбрал её.

Папа протянул ко мне руку, его рот приоткрылся.

— Что?

— Ты выбрал Эшли. Она прокралась в наш дом и разрушила нашу семью. Ты выбрал её, не нас.

— Эхо, нет. Всё было не так. — Мольбы Эшли были жалкими и ненастоящими. — Я любила тебя, а затем влюбилась в твоего отца. Брак твоих родителей распался задолго до развода.

Моя нога застучала по полу. Лгунья. Она была лгуньей.

— Да, из-за тебя.

— Мы уходим домой. Это семейный вопрос. — Отец потянулся за курткой, и Эшли встала. — Миссис Колинз, я ценю желание штата записать Эхо в вашу программу, но я считаю, что моей семье следует записаться на личное консультирование к кому-то другому.

Я запаниковала. Ной ждал на парковке своей очереди, чтобы дать начало нашему плану. Пока я ужасно лажала. Отцу нужно остаться, пока я не преуспею в своей цели. В теории, в этой комнате находился один мой союзник.

— Миссис Колинз?

Она кивнула.

— Мистер и миссис Эмерсон, при всём уважении, это именно тот вопрос, который должен обсуждаться здесь.

Отец протянул Эшли её пальто.

— Я сам в состоянии решить, что приемлемо для моей семьи. Мой развод с бывшей женой и брак с Эшли не имеет никакого отношения к потере памяти Эхо.

— Позволю себе не согласиться. Это проблемы, с которыми Эхо нужно справиться.

О, боги. Они уйдут, и я так никогда и не узнаю, что со мной случилось. Я должна была что-то сказать, чтобы они остались.

— Она мне нравится.

Все трое замерли.

— Вот почему я привела вас сюда. — Я сосредоточилась на словах, которые репетировала с того момента, как мы с Ноем придумали наш план. — Я хотела сказать, что мне нравится работа, которую нашла для меня миссис Колинз, и что мне надоело ей врать. Я не в порядке и я не чувствую себя счастливой дома. Она мне нравится, и я хочу продолжить наши встречи.

И, как ни странно, я не моргнула.

Губы миссис Колинз приподнялись, именно та реакция, на которую я надеялась. Чтобы план Ноя сработал, она должна считать, что я ей доверляла.

Теперь, если бы я могла построить машину времени, вернуться на двадцать минут назад и не говорить отцу, что я чувствовала на самом деле, мой план снова бы вернулся на нужную позицию. Окунать Эшли в грязь было приятно, но это лишь разочаровало моего отца. Я вздохнула. В попытках возместить ему это, я стану единственной первокурсницей, всё ещё пытающейся получить высший балл по АСТ.

— Прости, папочка. Я немного перешла границу. — Гр-р-р. Я лучше бы съела таракана, чем сказала следующие слова. — И ты, Эшли. Я была слишком груба с тобой.

Но честна.

Отец кивнул и помог Эшли надеть пальто.

— Я не виню тебя, Эхо. — Он уставился на миссис Колинз, давая ясно понять, кого он винил в моем всплеске гнева. — Если ты хочешь и дальше видеться с миссис Колинз, то я тебе позволю. Но только на экспериментальной основе. Это значит, что следующие ваши сеансы будут тщательно рассматриваться.

Эшли погладила живот.

— Я рада, что ты делаешь успехи, Эхо. Тот день, когда ты получила ленту, был прекрасен. Тогда я впервые почувствовала, что мы трое были настоящей семьей.

— Почему там не было мамы? — Тишина. Рука Эшли замерла в движении, а отец будто окаменел. Я продолжила: — Ты сказала трое. Мама бы ни за что не позволила тебе лишиться её этого мгновения. Она любила мои картины. Она поощряла меня больше, чем вы двое вместе взятые.

В моей голове запульсировала чёрная дыра, из которой проникло мелкое воспоминание.

— Я пригласила её на церемонию, и она согласилась. — Восхищенный голос моей матери заполнил мой разум. — «Я бы ни за что не пропустила это, моя маленькая богиня.»

— Ты задаёшь хорошие вопросы, Эхо, и я счастлива, что ты хочешь продолжить работать со мной. Но, мне кажется, на сегодня достаточно, — сказала миссис Колинз, возвращая меня к настоящему. — Мы можем продолжить с этого места на следующей встрече.

Кстати, о следующей встрече... Я снова сбивалась с курса. Мне нужно было подстроить всё для Ноя.

— Папочка, есть ещё кое-что.

Он схватился за переносицу, без сомнений, молясь о том дне, когда я уеду в колледж и покину его дом. Тогда он сможет сосредоточить всё своё внимание на своей новой семье — нашей замене.

— Да?

— Если миссис Колинз не против, я бы хотела перенести наши консультации на час раньше. Я хочу вновь присоединиться к команде поддержки или, по крайней мере, помогать им с тренировками.

Эшли подпрыгнула, и я подумала забрать свои слова назад, просто чтобы побесить её. Обеспокоенные морщинки вокруг глаз моего отца уменьшились, а на его губах появился намёк на улыбку.

— Конечно. Тебе нужны деньги на новый наряд или костюм? — Он достал кошелёк и протянул мне пару зелёных долларов с нолями.

Я покачала головой и слегка улыбнулась. Я сделала отца счастливым.

Часть меня взлетела до небес.

— Нет. Нет, спасибо. Мне нужно много тренироваться. Я пока не уверена, понадобится ли мне костюм. Я могу не пройти отбор.

— Всё равно возьми деньги... на случай, если понадобятся. — Он настойчиво встряхнул руками. Я взяла деньги, чувствуя легкий стыд и вину. Я никогда не намеревалась присоединиться вновь к команде поддержки — это был повод для Ноя, чтобы перенести его встречи на моё время. Теперь мне придётся принять предложение Натали. Если присоединение к группе поддержки вызвало у отца улыбку в мою сторону, а не Эшли, хоть на пару минут, я это сделаю.

— Эхо, ты не против оставить меня с Эшли наедине с миссис Колинз? Нам нужно кое-что обсудить.

Не-а. Я надеялась, что миссис Колинз скажет отцу, что чтобы он ни хотел ей сказать, он может говорить при мне, но не повезло.

— Почему бы тебе не подождать в главном офисе? Я бы хотела договориться о нашем расписании до того, как ты уйдешь.

Я закрыла за собой дверь. Поскольку весь персонал был уже отпущен, в офисе царила устрашающая тишина.

— Сработало?

Испугавшись, я сбила чашку с карандашами со стола. Ной стоял, опираясь на дверную раму, и смеялся.

Я занялась тем, что начала поднимать их.

— Кажется, да. Папа и Эшли за то, чтобы перенести мои встречи, но миссис Колинз ещё не дала своё подтверждение. И я, вроде как, только что вновь вступила в команду болельщиц. А ты что здесь делаешь?

— Снаружи холодно, а здесь тепло.

У меня больше не осталось с чем возиться, потому я оперлась на стол и попыталась не пялиться на Ноя. Но мне хотелось. Он снял куртку, его чёрная футболка идеально облегла его тело. Сегодня во время ланча Грейс начала воротить нос, заметив край его татуировки на правом бицепсе. Я молча соглашалась с комментарием Лилы: «М-м-м...»

Мои внутренности растаяли, когда Ной выдал свою игривую улыбку и посмотрел на меня так, будто я была голой. Когда-то Люк вызывал у меня бабочек в животе. Ной породил птеродактилей-мутантов.

В офисе миссис Колинз хлопнула закрывающаяся дверь кабинета, что вернуло меня к реальности.

— Что, если миссис Колинз увидит тебя? Нас не должны видеть вместе.

Он усмехнулся.

— Ты же моя наставница, помнишь? Она ожидает увидеть нас вместе. Кроме того, я пропустил свою утреннюю встречу, и она послала мне записку, информируя, что я должен показаться как можно быстрее. — Он вытянул руки. — Так что, вот он я.

— Когда ты получил записку?

— На первой паре.

Я громко втянула воздух.

— И ты только сейчас пришёл? — Я не могла представить, как можно пропустить терапию, и уж тем более проигнорировать просьбу взрослого.

— Это всё часть плана, Эхо. Расслабься.

Стуча ногой по полу, я тихо радовалась закрытой двери.

— Думаешь, она знает, что мы что-то задумали?

Ной пересёк комнату. Задняя часть моей шеи покрылась теплом, когда его тело коснулось моего. Одним беспечным движением, обозначающим, что ему была неведома эта жара, присущая лишь пустыне Сахара, он оперся бедром на стол. Парень зажал одну из моих кудряшек между своими пальцами.

— Ты параноик. Я рад, что ты не накурилась тогда со мной. Ты бы испортила весь кайф. — Он отпустил кудряшку.

Я сложила руки на груди, пытаюсь проигнорировать теплоту в щеках, и ответила так сухо, как только могла:

— Спасибо. Ничто так не поднимает самооценку, как хамство со стороны наркомана.

Мои пальцы барабанили по рукаву в такт ноге.

— Что там происходит?

— Отец и Эшли находятся там с миссис Колинз, обсуждают меня.

Ной поднял телефон из-за стола.

— Хочешь послушать, о чём они говорят? Я не раз видел, как этот трюк проделывала миссис Маркос. У миссис Колинз отстойный телефон, даже не издаёт биканья, так что миссис Маркос быстро ознакомилась с этим предметом роскоши.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Ной нежно прижал два тёплых пальца к моим губам. Он приподнял бровь и сверкнул пиратской улыбкой.

— Тс-с-с.

Он убрал пальцы, оставляя мои губы на растерзание холоду, и нажал кнопку на громкоговорителе. В моей крови забурлил адреналин, а в голове стало легко. Я никогда не совершала столь неправильных поступков в своей жизни. Я наклонилась ближе, чтобы лучше слышать.

Говорил отец:

— ... не понимаю. Одно дело, если Эхо хочет обсудить с вами свои чувства по поводу развода. Я поддержу любые усилия, чтобы восстановить её отношения с Эшли. Но всё остальное вы трогать не имеете права. Она, определённо, вновь вливается в колею. У неё одни пятерки. Она активна в нескольких кружках и возвращается в команду болельщиц.

— Оуэн прав, — сказала Эшли. — В социальном плане Эхо отлично справляется. Она гуляет с друзьями, болтает по телефону и переписывается. Они с Люком снова встречаются. Девочка будто вновь возвращается в свою старую шкуру.

— Чего мы с Эшли пытаемся добиться, — добавил отец, — это чтобы Эхо снова стала Эхо. Служба Опекы Детей имела полное право вмешаться после произошедшего, но сейчас это лишнее. Её мать больше не проблема. У Эхо новая работа, признаю, вы были правы. Починка машины была её здоровым способом оплакать Айреса. Терапия была нужна, когда она не справлялась, но теперь Эхо не просто справляется. Она живёт.

— А её потеря памяти? — спросила миссис Колинз. — Ночные кошмары? Её бессонница? Тот факт, что девочка отказывается показывать кому-либо свои руки?

Мой желудок сжался. Я нуждалась в ответе отца, но, к моему крайнему ужасу, Ной Хатчинс уже услышал слишком много. Я потянулась, чтобы прервать связь, но Ной покачал головой и положил руку мне на спину.

Испытывая слабость от нервов, я покачнулась вправо. Ной сделал маленький шаг в мою сторону, придвигая меня к себе легким давлением в спину. Мне не стоило его касаться, но я хотела узнать ответ, и мне нужно было положиться на кого-то. Всего один раз — в это единственное мгновение — я положусь на него. Я позволила своим мышцам расслабиться, когда он пригладил пальцами кудряшки у моих лопаток.

— Хотите честно услышать моё мнение, миссис Колинз? — спросил отец.

— Да.

— Вы правы. Она не на сто процентов в порядке, но Эхо делает успехи по сравнению с

прошлым годом. Оставьте прошлое позади. Пусть она попытается жить дальше со своей нынешней жизнью.

— Никогда не вспоминая произошедшее? — надавила миссис Колинз. — Не справляясь с зарытыми внутри эмоциями?

— Думаю, будет лучше, если она никогда не вспомнит. Я испытываю трудности с пониманием, как родная мать могла навредить ей. Как может ребёнок понять грань безумия? — отец замолчал. — Кошмары — это плохо. У Эхо есть проблемы, но я боюсь, что правда лишь навредит ей, а не поможет. Когда первый психолог надавил на неё, чтобы она вспомнила, разум Эхо дал трещину. Что, если в вашем случае это повторится? Вы хотите рискнуть здравомыслием моего ребёнка?

Я прижала ладонь ко рту, чтобы сдержать рвущийся поток слов и рвоты. Ной прервал связь и положил телефон на место в другой части стола. Комната накренилась, и между моей грудью начал появляться пот. Даже мой папа верил, что если я попытаюсь вспомнить, то потеряю голову... снова.

— Эхо? — глубокий, хриплый голос Ноя отозвался во мне, но я не смогла на него посмотреть.

Сжав губы, я покачала головой и вцепилась в свои волосы.

— Я никому не расскажу. Клянусь.

Ной откинул мои волосы за плечи и заправил выбившуюся прядь на ухо. Прошло так много времени с момента, когда кто-то касался меня подобным образом. Почему этим кем-то оказался Ной Хатчинс и почему сейчас?

— Посмотри на меня.

Я встретила с его тёмно-кариими глазами. Его пальцы поглаживали мою ладонь. Ощущение щекотало меня как весенний ветерок и в то же время ударило как волна, бегущая с океана. Его взгляд передвинулся на мои прикрытые руки.

— Ты же этого не делала, не так ли? С тобой это сделали? — Никто никогда не задавал этого вопроса. Они пялились. Шептались. Смеялись. Но никогда не спрашивали. Весь мой мир обрушился, когда я ответила:

— Да.

14 - Ной

Я опёрся на свой шкафчик, рассматривая школьников, спешащих на ланч.

Исайя и Бет стояли напротив меня рядом с боковой дверью, ожидая, пока коридор расчистится. Если Эхо собирается подходить к своему шкафчику перед ланчем, ей придётся пройти по этому пустынному помещению, чтобы добраться до кафетерия. Мне нужно было знать, перенесла ли она время своей встречи. Вот, что я твердил себе. Наш план не сработает, если ей не удастся это сделать.

Если честно, она играла на моих нервах. Девчонка отказывалась устанавливать со мной зрительный контакт во время математики и вылетела из комнаты в то же мгновение, как прозвенел звонок. После её вчерашнего приёма она покинула офис. В одно мгновение я

чувствовал, как она расслабила своё тёплое тело в моих объятиях, наслаждаясь моими утешениями и силой. В следующее — она исчезла.

— Чувак, ты меня слушаешь? — спросил Исая. Мимо нас прошли две блондинки, дефилирующие в обнимку. Одна усмехнулась, глядя на обрисованную татуировками руку Исая. Он усмехнулся, оценивая их грудь.

— Ага. — Нет. Что-то насчёт машин и его фиговой работы в местной автомастерской.

— А вот и нет, — сказала Бет. — Ты высматриваешь Эхо Эмерсон. — Она подёргала бровями. Часть меня жалела, что я спросил у неё о прошлом Эхо. — Ещё не переспал с ней?

— Нет. — Взгляд, которым я на неё посмотрел, заставлял футболистов накладывать в штаны.

Бет просто пожала плечами и закатила глаза.

Она начала крутить не прикуренную сигарету в руке, с нетерпением ожидая, когда учителя зайдут в столовую, чтобы тихо открыть боковую дверь.

— Чего ты вообще с ней носишься? Каждый раз, когда она проходит мимо, ты пялишься на неё как хитрый койот на дорожного бегуна. Либо трахни её, либо двигайся дальше. Ты и бывшая мисс Популярность никогда не станете звёздами выпускного балла.

Мы могли бы. Если бы жизнь была другой, если бы родители не умерли, если бы система не выносила мне мозги, если бы... я заканчиваю на «если бы».

— Она мой репетитор и помогает мне с кое-чем. Оставь это — и её — в покое.

— Только не говори, что не думал об этом, дружище. У неё... Как там Бет говорила? Ах да, у неё сексуально тело, — сказал Исая.

Бет скользнула левой рукой под локоть парня и щёлкнула зажигалкой. Исая отпрыгнул в сторону, сбивая пламя со своей рубашки.

— Ты сумасшедшая.

— В точку, — ответила она.

Коридор наконец-то расчистился от учеников и преподавателей. Бет открыла боковую дверь, высунула наружу голову и подожгла сигарету. Она сделала долгую затяжку и выдохнула дым за дверь.

— Может, ты слишком долгое время был один. Что случилось с той тёлочкой, Беллой?

— Мы не переживём ещё одну Беллу. Помнишь, какой приставучей она была? — спросил Исая.

Она стряхнула пепел.

— Да, уже и забыла. Вычеркнем Беллу из списка. Как на счёт Розаны? Она буквально выбегала за дверь каждый раз, когда мы с Исайей спускались вниз.

— Я спал с Розаной, а не Ной. У него была Роза.

Наша прогулка по переулкам памяти пованивала свалкой.

— Я не одинок. И мне не нужна девушка. Заканчивай, Бет.

— Я не против, если ты переспшишь с Эхо. Полный вперед. Вообще-то, я даже останусь на ночь дома у мамы и позволю Исаяе занять мою спальню, если тебе нужна будет приватная ночка. Но вот в чём правда, Ной. Эхо, может, и крутится на окраине, учитывая, что она стала мазохисткой и всё такое, но она всё ещё популярная цыпочка. В итоге она тебя бросит и будет обращаться как с дерьмом. — Она сделала ещё одну затяжку. — У таких людей, как мы, нельзя вечно вырывать сердца. А она — потрошитель.

Мышцы на моём затылке напряглись.

— В последний раз говорю, я не сплю с ней или кем-либо ещё. Но назови её мазохисткой ещё хоть раз, и я буду поджигать каждую пачку сигарет, которую ты купишь.

Бет рассмеялась.

— Господи, Ной. Как всё печально. Не говори потом, что я тебя не предупреждала.

— Если вы двое закончили, я бы хотел поесть. Единственное, что было в холодильнике этим утром, был кусочек болоньи и горчица, — сказал Исая.

Бет выкинула сигарету за дверь и закрыла её.

— Только горчица. Я съела болонью на завтрак.

Она так и не пришла на ланч. Весь её стол был занят отверженными фарфоровыми куклами, но Эхо не было. Сначала я не переживал. Терпеливо ждал, что она покажется на физике, а затем на бизнес-технологиях. Ни на одно занятие она не пришла. Хотя любимые приятельницы Эхо нашли способ меня отшить. Каждая задрала свой маленький носик вверх, глядя в мою сторону. Я просто улыбнулся, досаждая им до чёртиков.

— Здорова, мужик, — сказал Рико Вега, садясь рядом со мной в конце кабинета испанского.

— Здорова, — ответил я. — Почему они позволяют тебе ходить на испанский, когда ты говоришь на нём половину чёртового времени?

— Почему они позволяют кучке *gueros* [12] ходить на английский? Вы, гринго, должны быть тупыми, чтобы не выучить его за восемнадцать лет.

Прежде чем я успел вернуть ответное слово, Эхо зашла в кабинет.

Вид у неё был как у загнанного в клетку зайчика, но, по крайней мере, на этот раз она встретила со мной глазами. Пока её выскочки не вмешались и не направили её к месту в начале.

— Почему Лида так сердито поедает тебя глазами, *hombre* [13]? — спросил Рико. — Хотя я был бы не против, если бы такая лакомая *culo* [14] признавала моё существование. — Рико сморщил губы, посылая мокрый поцелуй в сторону Лилы. Я засмеялся, когда та откинула свои золотые волосы через плечо и уставилась в досуха вытертую доску.

Миссис Бэйтс, ходячая реклама презервативов, перевалилась через дверной проём. У неё скоро должна была быть тройня.

— *Hola* [15]. Сегодня мы будем работать над нашим разговорным испанским.

Комната наполнилась восторгом. Разговорный испанский означал распределение по группам и ничего не деланье всю оставшуюся часть пары. Мы с Рико стукнулись кулаками. Мне нужно было поспать.

— Да-да. Не радуйтесь. Я уже выбрала вам партнёров. Я ожидаю потока испанской речи в кабинете. — Она села на стул, и он заскрипел, когда её задница коснулась сидения. — Лила Маккормик... вашим партнёром будет Рико Вега.

Лила застонала.

— Нет.

Рико дважды ударил кулаком в сердце, а затем поднял палец в небо.

— *Gracias a dios* ^[16].

Лила подошла к доске.

— Прошу, миссис Бэйтс. Я всё сделаю. Только дайте мне Эхо в партнёры.

Миссис Бэйтс скривилась и потёрла рукой живот.

— Мисс Маккормик, похоже, что я сочувствую вашему положению? Садитесь вместе с Рико. Ной Хатчинс, вы в паре с Эхо Эмерсон.

Лила схватилась за волосы и понизила голос:

— Нет.

Миссис Бэйтс продолжила со своим списком назначенных партнёров, пока Лила склонилась перед ней на колени, моля о пощаде.

Рико засмеялся.

— Пойду, подниму свою партнёршу с пола.

Подходя к Лиле, он закричал:

— *Casate conmigo, diosa* [17].

Эхо собрала книги и отправилась в долгое путешествие по проходу ко мне. У вселенной было странное чувство юмора. В прошлом семестре мы едва с ней переглядывались. Теперь нас пихали друг к другу при каждом случае. Не то, чтобы я был против. Она заняла место Рико и устала на парту из поддельного дерева.

— Впервые сзади? — спросил я. Все пары распределились, большинство сдвигали парты вместе, чтобы остальные не слышали их отстойный испанский. Когда она ничего не ответила, я продолжил: — Я впечатлен. Последовательница правил прогуляла сегодня пару уроков.

— Нет, не прогуляла. Миссис Колинз освободила меня, чтобы я подготовилась к сдаче АСТ. Я сдаю его на выходных. — Она глубоко вдохнула, из-за чего её грудь поднялась. На лбу девушки появились взволнованные морщинки. — Ной, насчёт вчерашнего...

Вчера Эхо позволила мне мельком заглянуть в свой мир. Меньшее, что я мог сделать, это выпустить её в свой. Даже если это меня чертовски нервировало.

— *Mi primer padre adoptivo me pegaba.*

«Мой первый приёмный отец бил меня».

Её широкие глаза встретились с моим взглядом.

— *Lo siento.*

«Мне жаль».

Я постучал карандашом по парте и продолжил говорить на испанском:

— Теперь мы в расчете. У тебя есть грязь на меня, и я знаю кое-что о тебе. Можно перестать меня избегать.

Она закусила губу, мысленно переводя, прежде чем ответить:

— *Tu hablas bien ell espanol.*

«Ты хорошо говоришь на испанском».

Эхо послала мне мягкую, скромную улыбку, говорящую, что у нас всё хорошо.

— *Mi madre era una profesora de espanol.*

«Моя мама была преподавателем испанского».

Я никому никогда не рассказывал об этом раньше. Изображения моей смеющейся матери, говорящей со мной на испанском, наполнили мою голову.

— *Mi madre era una artista. Muy brillante.*

«Моя мама была художницей. Гениальной».

Нога Эхо начала качаться под партой.

Мы сидели в тишине. Бормотание ломаного испанского и английского распространялось по кабинету. Вскоре ручка в её руке застучала в такт ноге. Я понимал её ритм. Это чувство, когда всё внутри скручивает так, что если ты не найдешь способ для облегчения, то взорвёшься. Я жаждал предоставить ей покой.

Я положил свою ладонь поверх её. Моё собственное сердце отдыхало, пока я гладил пальцем гладкую кожу девушки. Она уронила ручку и схватила пальцами рукава — её вечная защитная реакция.

Нет. Если она что и хочет схватить, то пусть это буду я. Мой палец прошёлся между её и рукавом и освободил мертвую хватку Эхо на ткани. Я обхватил пальцами её хрупкую руку.

Прикасаться к Эхо было так легко и привычно...

Её безмянный палец скользнул по моему, вызывая электрический поток в моей крови. Она снова им двинула. Только на этот раз движение было медленным, целенаправленным и самым соблазнительным прикосновением во всём мире. Всё внутри меня требовало коснуться её ещё.

Бет была одновременно права и не права. Эхо никого не могла ранить, особенно когда сама казалась такой ранимой. Но нужда, которую я чувствовал — быть тем, кто удержит её мир от разрушения, — лишь подтверждала теорию девушки. Я влюблялся в неё, и это сводило меня с ума.

Громкоговоритель в классе запищал. Эхо убрала от меня свою руку, положив конец, наверное, самому эротическому моменту в моей жизни.

Я заерзал на стуле, пытаюсь взять себя в руки.

— Миссис Бэйтс? — позвала миссис Маркос по громкоговорителю. — Мне нужен Ной Хатчинс, его вызывают в офис миссис Колинз.

— Вы слышали, мистер Хатчинс. Идите.

Я не сомневался, что наш мозгошредер был зол на меня. Вчера я ждал недостаточно долго, чтобы узнать, зачем меня позвали. Когда Эхо ушла из офиса, я последовал её примеру. Отчасти чтобы убедиться, что она нормально дошла до машины, отчасти потому, что меня трясло от подслушанного. Разборки с миссис Колинз требовали от меня ста процентов, а узнав об Эхо, я даже и близко к пятидесяти не был.

вернуться
вернуться
вернуться
вернуться
вернуться

Я встал, чтобы уйти, наполовину обрадовавшись, наполовину разочаровавшись. Я нашел связь с девушкой, но не так, как рассчитывал. Эхо положила свои спрятанные за рукавом пальцы мне на запястье. Её шея и щёки покраснели.

— Я поменяла время. Встречаюсь с ней в 15:45 по вторникам вместо 14:30.

Желая быстрого напоминания о нашем утерянном моменте, я коснулся пальцем её руки.

— Я знал, что ты меня не подведёшь.

Когда я прошёл в главный офис, миссис Колинз вышла из своего с пальто и сумочкой в руках.

— Отличное чувство времени. Рада видеть, что ты вернул куртку... она тебе понадобится.

— Что?

Она закрыла дверь офиса.

— Мы уезжаем на экскурсию. Пошли. — Миссис Колинз протиснулась мимо меня. В моей голове по-прежнему было пусто, пока я наблюдал, как она идёт по коридору. Впервые я скучал по навеки утерянным мной клеткам мозга.

— Шевелись, Ной.

Я догнал её справа, когда она вышла на учительскую парковку.

— Куда мы идём?

— Ты не показался на свою встречу прошлым утром и не пришёл, когда я попросила. — Она вытащила пульт и нажала на кнопку. На чёрном «Мерседесе» вспыхнули огни. Понял.

— Безответственно. Садись.

Я открыл дверь и меня поприветствовал запах кожи. Мои внутренности сжались. Я это уже проходил.

— У меня осталось четыре месяца до выпуска, они не могут снова меня перенаправить в другое место.

Осознание ошибки моей привязанности к Бет и Исайе пришло в жизнь. Злость и боль пронзали иголками мою грудь. И Эхо...

Миссис Колинз закрыла дверь со своей стороны и наклонилась к приборной доске.

— Пока в твоём нынешнем приёмном доме не наступит опасная ситуация, тебя не перенаправят. Садись, или пропустишь всё веселье.

Веселье? Я скользнул на сидение. Двигатель заурчал, приходя в жизнь. Она вдавила педаль газа, и машина рванула вперёд. Дамочка резко повернула вправо, и резина завизжала, когда мы выехали на главную дорогу. Я схватился за ручки сидения.

— Какой хрен выдал вам права?!

— Следи за выражениями, Ной. Штат Кентукки. Почему ты пропустил свою встречу?

Я любил быструю езду. Мы с Исайей гоняли на машинах всё прошлое лето. Чего я не любил, так это безумных женщин среднего возраста, которые не могли вести прямо.

— Не хотите съехать к обочине и дать мне сесть за руль?

Миссис Колинз рассмеялась и подрезала трактор, выезжающий на автостраду.

— Ты бунтарь. Сосредоточься, Ной. Встреча.

Ах, да. Эхо прошла через ад, чтобы передвинуть свою встречу. Я мог, по крайней мере, изменить своё время, прежде чем стану частью шаровой молнии, когда мы врежемся в этот танкер.

— Большинство вечеров я работаю и закрываю заведение. Утром вставать трудно. Я думал, может, мы могли бы перенести наши сессии на время после занятий?

Она пересекла три линии и свернула.

— Сегодня твой счастливый день. Так случилось, что у меня окно на 14:30 по вторникам. Но я требую, чтобы ты успевал приходить вовремя на первые пары. Эта отговорка сработает только с нашими встречами.

— Жёлтый свет. Жёлтый свет! — И она проехала прямо на красный.

— Господи Иисусе, вам нельзя водить.

— Боюсь, что мы опоздаем. — Она заехала на забитую парковку, и первое же место оказалось свободным. — Нужно оплатить его.

Она выпрыгнула из машины и побежала к городскому конференц-центру. Не будучи способным вообразить хоть что-то, что могла бы предложить мне миссис Колинз, ради чего стоило бежать, я лениво последовал за ней. Я вошёл в здание через пару секунд после неё и увидел, как дамочка зашла в аудиторию.

Я схватил дверь прежде, чем она захлопнулась, и часто заморгал, когда толпа вокруг начала хлопать. Ряды стульев смотрели на большую деревянную сцену. Комната была забита людьми. Миссис Колинз помахала мне, чтобы я отошёл вбок, и мы оба облокотились на стенку. Она прошептала:

— Отлично, мы как раз вовремя.

Полный мужчина в рубашке и галстук опёрся руками на подиум.

— Я имею честь представить победителя конкурса «Юных Авторы» среди вторых классов, Джейкоб Хатчинс!

Моё сердце врезалось в рёбра, пока я с дикими глазами искал брата. Он быстро шёл на сцену по среднему проходу с конца комнаты. Я сделал шаг вслед за ним, но миссис Колинз положила ладонь на мою руку и покачала головой.

— Это его момент.

Я отвёл от брата взгляд, чтобы посмотреть, где он сидел.

Рядом с его пустым местом сидели Кэрри и Джо. На коленях у женщины устроился Тайлер, его голова покоилась на её плече, он осматривал помещение.

Всё внутри меня скрутилось от боли и облегчения. Мои братья. Я был в одном зале со своими братьями.

Глаза Тайлера встретились с моими, и его губы растянулись в улыбке. Я резко втянул воздух, чтобы подавить миллионы эмоций, поедающих меня.

Тайлер помнил меня.

— Спасибо, — выдохнул я, не зная, кого благодарил и почему... Миссис Колинз — за то, что привела меня сюда, Тайлера — за то, что вспомнил меня, или Бога — за обе вещи.

Миссис Колинз следила за моей реакцией, но мне было плевать. Я помахал Таю и, продолжая чудо, он помахал в ответ.

Джо заметил движение, оглянулся и увидел меня.

Его лицо побледнело, и он покачал головой, делая Тайлеру замечание, показывая на сцену. Тай отвернулся.

— Он вспомнил тебя, — сказала миссис Колинз.

— Если этот мудака продолжит в том же духе, он и забудет так же быстро. — Я хотел вырвать братишку из их злой хватки.

Миссис Колинз вздохнула.

— Следи за выражениями, Ной.

Джейкоб улыбнулся от уха до уха, когда пожал руку мужчины на сцене. Тот вручил ему трофей.

— Расскажи зрителям о своей книге.

Братишка уверенно прошёл к микрофону его высоты и обратился к толпе.

— Я написал о человеке, которого люблю больше всех, о моём старшем брате Ное. Мы живём отдельно, потому я написал о том, что, по моему представлению, он делает, когда мы не вместе.

— И что же? — подтолкнул его полный мужчина.

— Он супергерой, который спасает людей в опасности, потому что он спас меня и брата от смерти в пожаре пару лет назад. Ной лучше Бэтмена. — Толпа засмеялась.

— Я тоже тебя люблю, братишка.

Я не мог сдержаться. Видеть его там, всё ещё поклоняющегося мне, как когда ему было пять... это было слишком.

Улыбка Джейкоба достигла нового уровня восхищения.

— Ной! — Он указал прямо на меня. — Это Ной. Это мой брат Ной! — Игнорируя приёмных родителей, Джейкоб спрыгнул со сцены и побежал по среднему проходу.

Джо опустил голову, а Кэрри потеряла глаза. Джейкоб кинулся мне в руки, и толпа взорвалась аплодисментами.

— Я скучал по тебе, Ной. — Голос Джейка дрогнул, вызывая слезы в моих глазах. Я не мог заплакать. Не перед Джейкобом и миссис Колинз. Мне нужно было быть мужчиной и оставаться сильным.

— Я тоже скучал, братишка. Я так горжусь тобой.

Я продолжал обнимать Джейка, ища глазами Тайлера. Он прильнул к Кэрри, и то, что должно было быть моментом радости, слегка затмилось этим видом. Джейкоб был моим, и чем быстрее я смогу забрать Тая и помочь ему вспомнить его настоящую семью, тем лучше.

15 - Эхо

Я стояла снаружи девчачьей раздевалки, мои руки потели, а нога бесконтрольно стучала по полу. Зачем я сказала отцу, что присоединилась к команде болельщиц?

Моя папка. Я хотела, нет, *нуждалась*, нет, была полностью одержима идеей увидеть свою папку. Сегодня Ной проходил мимо меня в коридоре и, одарив своей озорной улыбкой, пробормотал:

— Дело сделано.

Он успешно поменял время своих встреч на моё. Теперь нам нужно было обдумать наш незрелый план. Он почему-то верил, что вместе нам удастся отвлечь миссис Колинз. У Ноя уверенности хоть отбавляй. Что касается меня? Ну, игра определённо стоила свеч.

Дверь в раздевалку открылась, и Натали вышла с двумя другими старшекласницами. Они перестали смеяться, когда заметили меня, и натянули улыбки на лица. Натали, с другой стороны, засветилась как солнышко.

— Тащи сюда свою задницу и переодевайся, девочка моя. Разминка через пять минут.

— Я как раз собиралась войти. — В роман Стивена Кинга. Молодая девушка, трагически получившая шрамы, пытается вернуться к нормальной жизни, лишь чтобы обнаружить, что та вовсе не ждёт её возвращения. Я зашла в раздевалку, где все младшекласницы команды сплетничали и смеялись.

— Привет, — послышался слабый голос в конце комнаты. Все девушки замерли и уставились на меня, будто из моих глаз сейчас выстрелят лазеры, или ещё что похуже... например, я закатаю рукава и покажу им свои демонические шрамы.

— Привет, — ответила я.

Я бы лучше посмотрела повторы плохих комедий семидесятых годов, чем переоделась в этой комнате, но стоять как идиотка тоже не казалось отличным вариантом. Почему у меня не было уверенности Ноя? Ему было плевать, что думают остальные.

Хоть мне и не хватало уверенности, я всегда могла притвориться. Мысленно я вторила себе: «Представь, что ты Ной. Или лучше байкерша Бет», — я высоко подняла голову и пересекла полную девушек раздевалку, направляясь к уборной, где могла переодеться в кабинке. С уверенностью байкерши Бет или нет, я ни за что не буду раздеваться перед ними.

Пытаясь избавиться от напряжения, сотворённого моим дефилированием по подиуму, я закрыла кабинку и переоделась. Если вхождение в раздевалку у меня ассоциировалось со вступлением в роман Стивена Кинга, тренировка по танцам должна показаться началом ужастика.

К счастью, раздевалка уже опустела к тому времени, как я поспешила присоединиться к разминке. В коридоре две старшекласницы хихикали у фонтанчика с водой.

— Ты можешь поверить, что Эхо Эмерсон присоединяется к команде болельщиц? Какой кошмар.

— Будто если Люк по ней сохнет, то у неё есть оправдание делать вид, что она не фрик.

Я нырнула обратно в уборную. Сердце ухнуло, желудок поднялся до горла, моя напускная

уверенность разбилась на мелкие осколки.

Я шла по коридору в своих джинсах, коричневой хлопковой рубашке и облегающей майке. Каждые пять дней в неделю до выпускного мне приходилось убивать ещё час свободного времени. Может, только четыре. Я могла вновь перенести занятия с Ноем на понедельник после школы.

Я завернула за угол и часть моей души сделала глубокий вдох, когда я заметила картины, заполняющие стены. Я последовала за дорожкой из рисунков в свою когда-то любимую комнату — художественную мастерскую.

Несколько холстов стояли на мольбертах, ожидая возвращения своих мастеров. Миска с пластиковыми фруктами стояла на столе посередине круга из мольбертов.

Я по очереди оценила каждую картину. Мне понравилось, как на первой использовали тени. На второй уделили особое внимание деталям. На третьей?

— Рада видеть тебя, Эхо. — Моя бывшая учительница искусства Нэнси вышла из соседней тёмной комнаты и стала скользить между мольбертами и столами ко мне. Она настаивала, чтобы ученики звали её по имени.

Женщина презирала правила и формальности. Её волосы, платиновые локоны с чёрными прядями, являлись свидетельством её характера.

Я указала на третий рисунок.

— Абстрактный экспрессионизм?

От её неистового смеха комната завибрировала. Она поправила свои очки в роговой оправе.

— Ленивая ученица, которая думала, что на моём предмете легко получить пятёрку. Она считает себя импрессионисткой.

— Какое оскорбление.

— Знаю. Я спросила, знает ли она, что такое импрессионизм, и когда та покачала головой, я показала ей твои картины. — Нэнси посмотрела на каракули перед собой, будто пыталась найти в них что-то приемлемое. — Я скучала по тебе.

Знакомая вина прокралась внутрь меня.

— Мне жаль.

— Не стоит, дитя. Это не твоя вина. Твой отец проинформировал меня, что тебе больше не позволено ходить на занятия по искусству. Я поняла это так, что никогда больше не увижу тебя.

Я подошла к четвёртому рисунку.

— Красивые линии.

— Ты продолжаешь рисовать?

Надеясь сделать вид, что я безумно заинтересовалась в цвете, выбранном для банана, я склонила голову. Но мне не было интересно. Чёрная дыра в моей голове увеличилась, прерывая все мысли о картине.

— Нет, но делаю наброски. Чаще всего карандашом. Некоторые углем, но только дома.

— Я бы с радостью на них посмотрела.

Нэнси схватила альбом, который я вытащила из сумки. Она села на стол с фруктами и открыла его.

— О, Эхо. Просто удивительно.

Я пожала плечами, но она не заметила, была слишком поглощена моим альбомом.

— Мы победили.

Она оторвала взгляд от набросков и молча посмотрела на меня. Я продолжала занимать себя работами других художников.

После пары секунд она вернулась к изучению моих рисунков Грейс.

— Нет, ты победила. Я едва ли вложила в это свою лепту. — Она сделала паузу. — Ты помнишь?

— Нет. — Конечно, Нэнси пожалеет меня и заполнит некоторые пробелы в моей памяти. — Ты была там?

— М-м-м, подруга. Ты так и хочешь натравить на меня своего отца и миссис Колинз. Мистер Эмерсон ещё ладно, но эта женщина? — она пожала плечами. — Между нами говоря, она меня пугает. Такие дружелюбные — самые подозрительные.

Я приснула, понимая, насколько скучала по честности Нэнси.

— Хотела бы я вспомнить. — Пятый холст был совершенно пуст. Ниже лежали неиспользованные масляные краски и кисти. — Ты не против?

Нэнси почесала подбородок и окинула меня своим классическим задумчивым взглядом.

— Ну, он ведь только сказал, что ты не можешь посещать уроки, но рисовать не запрещал.

Я взяла толстую кисть, окунула её в чёрную краску и нарисовала круги на холсте.

— У меня впечатление, будто в моей голове большая чёрная дыра, и она высасывает из меня жизнь. Не важно, как долго и сосредоточено я смотрю, я вижу лишь темноту.

Я выбрала широкую кисть и смешала чёрную и белую краску, чтобы создать разные оттенки серого.

— Но вокруг чёрного есть серые края, и они постоянно вспыхивают яркими цветами. Но на деле я никогда не могу схватить ни один из осколков воспоминаний.

Вцепившись в кисть, я уставилась на холст, который теперь отображал мой мозг.

— Хотела бы я, чтобы кто-то наконец сказал мне правду и покончил с этим безумием.

Тёплая рука крепко прижалась к моему плечу, выводя меня из транса. Вау, пять часов. Отец убьёт меня, если я не приду домой в ближайшее время. Нэнси положила руку мне на плечо, её взгляд был сосредоточен на холсте.

— Если это и безумие, то оно гениальное. Ты собираешься его закончить?

Впервые за два года я почувствовала, что могла дышать.

— Ты не против, если я буду к тебе приходить после уроков?

«На рисунке ниже линия AB была построена на пересечении линий AC и AD . Используя компас, C и D были отмечены на равном расстоянии от A на линиях AC и AD . Затем компас был использован для определения местоположения точки Q так, что Q равноудалена от C и D . С этими данными найдите меры BAC и BAD .»

Если бы Айрес был тут, он бы знал, что делать.

То есть, да ла-а-адно вам... в чём тут вообще вопрос?

Если он тут есть, то простой английский требовал знака вопроса. А эта треугольная фигура внизу, она должна чем-то мне помочь? Мне был нужен компас?

И почему у ответов внизу были цифры? В задаче не упоминалась ни одна чёртова цифра.

«Дыши, Эхо», — сказал бы мне Айрес. — «Ты сама себя запугиваешь. Сделай перерыв, и вернись к ней позже».

И он был прав. Айрес всегда был прав. Господи, как же я по нему скучала.

Я скинула учебник по подготовке к АСТ на пол и откинула голову на спинку дивана. Я ненавидела эту комнату. Липкие, цветочные розовые обои покрывали стены, соответствуя скучным шторам и обивке. В тот момент, как Эшли выкинула мою мать за дверь, она травмировала всех дизайнеров мира своим ремонтом. И хоть она заклеила обоями стены, чтобы уничтожить следы моей матери, но я-то знала, что оставалось под ними... фреска Греции, которую она нарисовала.

Обычно я занималась в машине Айреса, но Эшли доставала меня, пока я не притащила книги обратно в дом. Должно быть, я убила многих коров в прошлой жизни, раз Карма так меня ненавидела. Может, я умерла два года назад и неосознанно попала в ад. Обречённая провести остаток жизни с отцом и мачехой, и пересдавать АСТ снова и снова.

— Как прошла тренировка с командой поддержки? — спросила Эшли. Злая Ведьма и отец зашли в гостиную, держась за руки. Господи милостивый, должно быть я умерла, потому что если это не ад, то я ненавижу свою реальность.

— Хорошо. — Я моргнула пару раз. Дерьмо... я всегда моргала, когда лгала. Волнуйся, что они заметят, я опустила голову. Подождите. У папы были проблемы с

внимательностью, а госпожа Безмозглое Пугало не заметила бы и летающей обезьянки, если бы та врезалась ей в лицо.

Папа уселся в кресло, а Эшли устроилась на его коленях.

«Боже милостивый, прости за все мои грехи, но, честное слово, неужели я была такой плохой?»

Папа поцеловал её руку. Сглотнув желчь, я сосредоточилась на камине.

— Ты готова сдавать АСТ в субботу? — спросил отец.

Нравится ли курочкам быть посаженными в грузовик с логотипом «КФЦ»[1]?

— Конечно.

— Ты уже учила требуемый список слов. Сосредоточься только на математике. В ней у тебя проблемы.

Проблемы? Мои баллы с математики были куда выше среднего, но, естественно, этого было недостаточно.

Папа продолжал:

— Миссис Колинз освободила тебя от некоторых занятий, чтобы ты могла подготовиться?

— Да.

— Я заметила буклеты с рекламой Дня Святого Валентина в офисе. Вы с Люком пойдёте?

Когда Эшли пыталась выяснить какую-то информацию, её голос становился в высшей степени раздражающим. Собаки Оклахомы взвыли.

— Люк пригласил меня сегодня. Не волнуйся. Драгоценная репутация нашей семьи будет сохранена. Миссис Колинз никогда не узнает, что ты соврала, чтобы выставить себя в лучшем свете.

— Эхо!

Чёрт. Я скривилась от разочарования в голосе моего отца. Автоматическое извинение сорвалось с моих губ:

— Прости, Эшли.

Хотя это была правда.

— Всё нормально. Когда ты хочешь пойти за платьем?

Что??? Я оторвала глаза от камина и уставилась на неё.

Отец погладил её живот, пока она ласкала его щёку.

Ужас.

— Мне не нужно новое платье.

— Нет, нужно. Все твои вещи либо без бретелек, либо шириной со спагетти. Ты не можешь пойти на танцы со шрамами на виду.

— Эшли, — прошептал отец. Его рука замерла на её животе.

Горло опухло, как если бы кто-то душил меня, а живот сжался, будто в него ударили. Я села ровнее, и моя голова закружилась вместе с комнатой. Полностью дезориентирована, я опустила вниз рукава.

— Я пойду... пойду... наверх.

Эшли слезла с отца.

— Эхо, подожди. Я не то имела в виду. Я просто хочу, чтобы ты хорошо провела время. Чтобы ты потом могла смотреть на фотографии с этой ночи и вспоминать, как весело тебе было.

Я прошла мимо неё к лестнице. Мне нужно было в мою комнату. Единственное место, которое дизайн Эшли не смог полностью испортить. Место, где висели яркие картины моей матери, где над столом были прикреплены фотографии меня с Айресом, место, где мне было уютно.

Моё сердце болело. Я хотела большего, чем свою комнату, но это всё, что у меня было. Я хотела присутствия мамы. Может, она и безумная, но она никогда не расстраивала меня. Хотела присутствия Айреса. Я хотела присутствия человека, который любил меня.

Эшли крикнула мне с нижней ступеньки:

— Прошу, дай мне объяснить.

Я замерла в проходе в свою комнату. Если бы она никогда не входила в нашу жизнь, мама и Айрес всё ещё были бы здесь, я не была бы монстром со шрамами, и мне была бы знакома любовь, а не ненависть, бурлящая в данный момент в моих венах.

— Ты мне больше нравилась в роли моей няньки. Надеюсь, когда я окончу школу, то не превращусь в такую же королевскую ведьму, как ты. — Я хлопнула за собой дверью.

После этого милого обмена любезностями с Эшли я провела остаток ночи, прячась в своей комнате. Я лежала в кровати и пялилась на единственную её часть, до которой не добралась Эшли — потолок. Она покрасила созвездие моей матери. Ведьма сделала это, пока я приходила в себя в больнице. Когда-то мама часами валялась со мной в кровати и смотрела в потолок, рассказывая мне греческие мифы. Имея несколько хороших воспоминаний о моей матери, я только больше питала отвращение к Эшли за то, что она лишила меня одного.

Стук в мою дверь в 11:30 удивил меня. Правила в доме требовали извинений с моей стороны, а не наоборот. Наверное, Эшли хотела на себе показать, почему мои нынешние платья не подходили. Не было смысла откладывать неминуемое.

— Входи.

Я подпрыгнула, когда внутрь вошел папа. Он никогда не заходил в мою комнату. Первые две пуговицы его рубашки были расстегнуты, и его галстук висел свободно. Обеспокоенные морщинки собрались вокруг его усталых глаз. Он выглядел старым. Слишком

старым, чтобы быть женатым на двадцатилетней бимбо, и слишком старым, чтобы растить еще одного ребёнка.

— Ей жаль, Эхо.

Конечно, он пришёл от имени Эшли. Боже упаси, чтобы в этом доме хоть что-то не вращалось вокруг Эшли.

— Ладно. Моему извинению придётся подождать до утра. Я немного устала.

Мы оба знали, каким уклончивым оправданием это было. Мне повезёт, если я смогу поспать хоть час.

Удивляя меня ещё больше, отец сделал кое-что, чего не делал с тех пор, как я вернулась домой из больницы — он сел на мою кровать.

— Я собираюсь связаться с твоим соцработником. Мне не кажется, что твой новый терапевт нам подходит.

— Нет. — Сказала я слишком быстро, и он это заметил. — Я уже говорила тебе, она мне нравится. С ней легко говорить. Тем более, ты сам сказал, что дашь ей ещё один шанс.

— Я знаю, что ваши с Эшли отношения были натянутыми с тех пор, как ты узнала о наших отношениях, но ты стала набрасываться на неё чаще, чем обычно. Она беременна. Я не хочу, чтобы она испытывала стресс.

Мой большой палец начал качаться. Он что, умрёт, если начнёт любить меня?

— Я буду больше стараться. Просто позволь мне и дальше видеться с миссис Колинз. — Мне нужно было дать ему повод отступить. — Это она убедила меня сосредоточиться на друзьях и свиданиях. — Ложь.

Некоторые обеспокоенные морщинки разгладились.

— Не думаю, что дело в ней. Дело в тебе. Я оставлю эту тему, если ты исправишь своё поведение с Эшли. Она любит тебя. Когда-то ты восхищалась ей.

Да, когда на своё восемнадцатилетие она позволила мне остаться допоздна и есть попкорн, когда мне было шесть, или когда она разрешила мне накраситься на первый день моего четвёртого класса. Затем случилось нечто безумное... она переспала с моим отцом, и позволила моей семье погрязать в разрушении.

— Если ты действительно хочешь показать мне свои старания, позволь ей отвести тебя на шопинг. Она спланировала весь день и чувствует себя опустошённой из-за того, что расстроила тебя. Позволь ей повеселиться, и я позволю тебе не пересдавать SAT.

Я приподняла бровь. Отец никогда не шёл на компромиссы.

— Серьезно?

— Всё равно следующая дата сдачи SAT не подходит для крайних сроков подачи документов в колледж. Нам придётся работать с тем, что уже у тебя есть. Твои баллы достаточно хороши, чтобы ты поступила в один из лучших бизнес колледжей штата.

Обычно он добавлял «учитывая обстоятельства», но, должно быть, заметил, как я кривилась каждый раз, когда он говорил эти слова.

— Я рад, что вы с Люком снова вместе, и что ты идёшь на танцы в честь Дня Святого Валентина. Ты любила переодеваться и ходить на танцы. Я думал, что эта часть тебя умерла. — Он посмотрел на мои руки, скрытые рукавами. — Должен признать, я действительно горжусь тобой.

Да неужели. Я училась на одни пятёрки, делала всё, что он говорил, а он гордится тем, что я иду на танцы. Посмотрим, зайдёт ли он в мою комнату перед ними. Может, он сделает что-то сумасшедшее на выпускной, например, скажет, что любит меня. Отец похлопал меня по колену и встал с кровати.

— Папочка?

— Да?

— Ты хоть иногда проведываешь маму?

Обеспокоенные морщинки вернулись.

— Она больше не моя ответственность.

— Тогда моя? Я её единственный живой родственник.

Мускул на его челюсти дёрнулся.

— Твой соцработник никогда бы не позволил этому случиться, как и я. — Его глаза смягчились, челюсть расслабилась. — Ты боишься, что она причинит тебе вред? Больше она никогда этого не делает. Не беспокойся о ней.

Но я беспокоилась. Может, моя мама и сумасшедшая, и пыталась меня убить, но она всё равно моя мама. Кто-то же должен о ней заботиться, так?

16 - Ной

Я виделся со своими братьями. Кто же знал, что такое чудо может произойти? И мне снова доведётся их увидеть во вторую субботу февраля. Это нужно было отметить. Я надеялся, что Исая принесёт травку, поскольку я собирался закурить самый большой косяк, который кто-либо из нас когда-нибудь видывал.

Вернувшись вечером последним, я припарковал свой металлический кусок дерьма на улице. Дэйл сегодня отрабатывает смену на местном грузовом заводе. Мы не знали, сколько он будет работать в тот или иной день. Однажды я совершил ошибку, припарковавшись на подъездной дорожке у дома. Вместо того, чтобы перепарковать мою машину, Дэйл сбил зеркало с водительской стороны.

Свет горел в каждом окне в доме — плохой знак.

Я зашёл в крошечную гостиную и заметил кровавые полотенца.

— Какого хрена?

Мгновенно сбоку от меня появился Исая.

— Этот ублюдок избил её.

— Я в порядке. — Голос Бет дрожал. Она сидела на кухне с вытянутой на столе рукой. Её тётя Ширли обрабатывала несколько порезов и ожоги от сигарет.

Всё тело Бет тряслось как от приступа. Правая часть её лица была вся синей поцарапанной и опухшей, правый глаз заплыл. Её любимая футболка пропиталась кровью. Она подняла сигарету ко рту и сделала глубокую затяжку.

— Мамин новый хахаль носит кольцо выпускника. Наверняка украл у кого-то.

— Сукин сын. Какого чёрта ты пошла домой, Бет? Ты знала, что от этого мудака ничего хорошего ждать не придётся. — Три шага, и я присел рядом с ней на кухне.

Она сделала ещё одну затяжку, и из её левого глаза покатились слеза.

— У мамы день рождения, а этот тупой придурок не хотел ею делиться, так что... — Она пожала плечами.

Чистая ярость охватила моё тело, каждый мускул напрягся, готовясь к драке.

— Когда туда приедет полиция?

— Не приедет, — сказала Ширли. Она наложила повязку на ожог.

Я едва сдерживался.

— И почему же?

— Ей шестнадцать, мать при этом присутствовала. Они запрут мою сестру вместе с этим парнем. Я не согласна с её образом жизни, но не буду отправлять её в тюрьму, Бет в этом тоже не заинтересована.

Я ждал подтверждения слов со стороны Бет. Она положила сигарету в пепельницу, засунула новую в рот и начала возиться с зажигалкой. Та несколько раз кликнула, пока девушка безуспешно крутила колёсико. Я забрал у неё зажигалку и одним быстрым движением подкурил сигарету.

— Спасибо, — слабо сказала она.

Телефон позвонил один раз, два, три. Затем зазвонил мобильный Бет, играя «Любовную песню» группы «Зе Кьюрс» — рингтон её мамы. Её рука затряслась, когда она сбросила пепел.

— Она продолжает названивать. Хочет, чтобы я вернулась домой.

— Почему? — прошипел я.

— Он устал после моих избиений и лёг спать, отключился, не важно. Наверное, уже проснулся и соскучился по своей тренировочной груше.

Я раздражённо потёр шею.

— Звони в полицию, Бет.

— И что, по-твоему, будет с тобой и Исайей, если она это сделает? — На кухню забрел Дэйл, его тёмные волосы были зачёсаны назад после недавнего душа. — В последнее время твой соработник часто совал к нам свой нос, Ной. Если мы вызовем полицию, они поймут, что Бет всё это время жила здесь. Тогда мы можем подарить вам с Исайей прощальный поцелуй.

Голос Бет надломился.

— Я не могу потерять вас, ребята.

Вот и оно. Она сидела и истекала кровью потому, что любила меня и Исайю. Уже в миллионный раз я захотел, чтобы система опеки была человеком. Одним человеком, которого бы я мог назвать по имени, знать и держать ответственным за наши сломанные жизни. Но сейчас подойдёт и новый парень мамы Бет.

Я встал и поцеловал её в макушку.

— Ты готов, друг?

— Я уж думал, ты никогда не предложишь, чувак. — Исайя открыл входную дверь, его глаза излучали холод и опасность.

Здоровый глаз Бет расширился.

— Нет, — прошептала она.

— Я вас спасать не буду, мальчики, — сказал Дэйл.

— Мы и не просили, — сказал я и вышел за дверь.

По улице вильнула машина и влетела на газон в переднем саду. Пассажирская дверь распахнулась до того, как машина остановилась, и оттуда выскочила мама Бет. Её светлые волосы выпадали из хвостика, глаза были покрасневшими, под правым глазом формировался синяк.

— Я хочу увидеть мою девочку. Я должна сказать ей, что мне жаль.

— Иди к чёрту, — сказал Исайя. — Она не твоя кукла, чтобы играть в переодевания.

Фары «Бимера» продолжали гореть. С водительской стороны вышел крупный мужчина.

— Закрой рот. Скай хочет свою дешёвую дочурку. Скажите ей, чтобы выходила, или я сам за ней пойду.

Мы с Исайей стояли бок обок в молчаливом согласии, что убьём его прежде, чем он доберётся до входной двери. Перед глазами промелькнули мои братья. Как бы я ни хотел защитить Бет, я также должен был защищать и их.

— Уходи, пока я не вызвал полицию.

Чёрт возьми, этот парень должен был быть ростом минимум два метра, вид у него был знакомый. Он встал нос к носу со мной и с Исайей. От него разило алкоголем. Его глаза нервно скосились, а тело дёрнулось.

— Он под наркотой, чувак, — сказал мне Исайя.

Шикарно. Ночь перешла из разряда «лучшей» в «плохую» и в «Пилу» за рекордное время. Мужчина повернул кольцо на пальце. Оно было необычным — это чёртово кольцо Суперкубка.

— Вперёд, вызывай. Все меня любят. Я не попаду в тюрьму.

— А не тот ли ты придурок, которого вытурили из команды неудачников в паре часов езды отсюда? — сказал я, пытаюсь отвлечь его от дома.

Он пару раз моргнул, будто его разлагающийся мозг понял на три секунды, что 110-ти килограммовый полузащитник не должен заводить драки с шестнадцатилетней и её двумя друзьями-наркоманами.

— Я устал от этой херни, друг, — прошептал мне Исайя за секунду до того, как кинулся вперёд и ударил ублюдка в челюсть. Сила удара свалила бы меня наземь, но этот парень просто повернул голову. Чёрт возьми, всё это было жутко отстойно.

Придурок поднял кулаки, чтобы дать сдачи, но оказался на земле, когда я схватил его за колени. У меня была мимолетная мысль, что стоит поблагодарить моего тренера, мистера Грейвса, за три недели инструктажа по футболу.

Я откатился прежде, чем он успел нанести удар. Исайя подошёл слишком близко, и мужчина выбил у него землю из-под ног, а затем врезал по почкам, когда тот упал вниз.

Крики мамы Бет безумно раздражали.

Качок встал одновременно со мной, и я врезал ему по почкам до того, как у него появился шанс пнуть Исайю, который лежал на земле и пытался отдышаться. Наш соперник повернулся и махнул рукой, целясь мне в голову, но я увернулся и врезал ему в живот. Он застонал и покачнулся, но остался на ногах.

Мне нужно было уложить на землю этого неудачника. Я попытался вновь подбить его снизу, но прицелился слишком высоко. Мои бока заболели, когда он ударил меня по рёбрам. Мы врезались в его машину, а Исайя встал и стукнул мужика кулаком по спине.

Тихую ночь нарушил выстрел. Мы с Исайей замерли. Я молился богу, чтобы ничего тёплого и мокрого не начало покидать моё тело, и я имел в виду не мочу.

— Скай, забирай свой мусор и валите, это моя собственность, — сказал Дэйл удивительно спокойным голосом. Он стоял на передних ступеньках, в его руках покоилось охотничье ружьё.
— Мальчики, вы в порядке?

— Отлично, — сказал Исайя сквозь стиснутые зубы.

— Лучше не бывает. — Чёрт, мои костяшки гудели.

— Заходите в дом, пока Бет не закатила истерику, — сказал Дэйл.

Я оттолкнулся от «Бимера» и изо всех сил постарался не споткнуться по пути в дом. Исайя пошёл рядом со мной.

— Мог бы и предупредить, что мы будем драться с футболистом НФЛ ^[18].

— Это бы тебя остановило?

— Нет.

— Меня тоже. — Наш смех эхом раздавался в ночи.

Бет выплакалась и заснула... на руках у Исайи.

Я лежал на диване и смотрел какой-то фильм 80-х годов по телевизору.

Звук был таким тихим, что я где-то с час не мог понять, кто что говорил. Мои рёбра болели, костяшки зудели, но чёрт, было хорошо.

Дэйл и Ширли сказали Скай никогда не возвращаться, и что Ширли завтра заберёт вещи Бет. У этой парочки были свои недостатки, но в душе они были хорошими людьми.

Бет хныкала, переворачиваясь во сне. Исайя успокаивал её приглушёнными словами и гладил по волосам. Она крепче обняла его за грудь и практически залезла на него. Исайя продолжал гладить её по спине.

— Как давно ты втрескался в неё, друг? — спросил я Исайю.

Тот упёрся головой в стенку.

— Давно. Боялся сказать ей, но теперь... Я не могу продолжать позволять ей быть с парнями, которые просто используют её, или молча смотреть, как она идёт к маме, когда ей нужно почувствовать себя любимой. Что мне делать, мужик?

— Не того парня спрашиваешь. — Что я знал о любви?

Всё, что я знал, так это то, что Эхо Эмерсон не выходила у меня из головы.

Без сомнений, я хотел её. Я не мог избавиться от фантазий, как её тело будет извиваться от удовольствия под моим. Голос этой сирены, шепчущий моё имя. Но она привлекала меня не только в физическом плане. Я любил её улыбку, свет в её глазах, когда она смеялась, как она справлялась с моими нападками.

— Если поймёшь, дай мне знать.

17 - Эхо

— Прости, пожалуйста, — сказала я в третий раз. — Я не знала, что ты так спешишь.

Люк крепко держал меня за руку и тащил сквозь переполненный людьми магазин к кинотеатру. Когда толпа расступилась, он придвинул меня к себе.

— В этом я согласен с твоим отцом. Это машина. То есть, она шикарна и всё такое, но всё равно машина. Лучше продать её и заработать хорошие деньги, чем, наоборот, тратить их на неё вместе с личным временем.

Фильм начинался в 20:00 вместо 20:45, как он изначально сказал мне. Я назначила встречу с механиком на шесть, он хотел прийти домой и посмотреть на тачку Айреса. Этим утром я снова сдала АСТ, пришла домой, случайно заснула (у меня был дневной кошмар — если так можно назвать ночной кошмар, проявляющий себя днём), а затем проснулась меньше чем за двадцать

минут до приезда механика. Люк терпеливо прождал целых десять минут, прежде чем сказать ему уйти, потому что у нас свои планы. Механик ушёл, сказав, что пришлёт мне смету.

— Это всё, что у меня осталось от Айреса. — Мы ступили на застланный ковром пол кинотеатра. Я выдернула руку. — Я думала, ты поймёшь.

Свидание с Люком проходило точно так же, как я помнила — по крайней мере последние два месяца наших отношений, только без облапываний. На прошлых выходных, когда у нас было групповое свидание, я спросила, можем ли мы замедлить развитие событий, и он согласился — на первые пару свиданий. Меня не покидало предчувствие, что сегодня обещанию Люка не лапоть меня придёт конец. Пока что наша вторая попытка встретаться шла на дно.

Люк упёр руки в бока.

— Хорошо, что Стивен и Лила пришли вовремя за билетами. Все распроданы. — Эгоцентричный, эгоистичный придурок...

— Ничего не выйдет, — сказала я.

Он сжал кулаки, а затем заставил себя расслабить руки.

— Слушай, я хочу, чтобы всё вышло. Ты просто злишься, потому что я поддерживаю твоего отца по поводу этой дурацкой машины. Лила встречается со Стивеном. Грейс — с Чедом. Мы с тобой идеально подходим друг другу. — Он погладил меня по щеке. Раньше это прикосновение превращало меня в лужицу у его ног. Теперь я чувствовала лишь мозоли, бородавки и сухую кожу. — Знаю, трудно вернуть былые отношения. Думаю, наша проблема в том, что мы слишком медлим. Я заслуживаю награду за то, что держал свои руки подальше от тебя. — Люк сделал шаг ко мне, скользнул рукой по моей спине и прижал меня к себе. Все мои мышцы напряглись. Вся ситуация казалась противоестественной.

— Пошли, посмотрим фильм, а потом можем пойти ко мне. Думаю, ты почувствуешь себя куда лучше, когда я помогу тебе вспомнить, в чём мы были так хороши. — Его дыхание обволакивало моё лицо, как и, клянусь, несколько капелек его слюны. Напомните, зачем я это делаю?

— Эхо! Вот вы где. Зал уже переполнен. — Лила подбежала ко мне. Обрадовавшись, что она нарушила наш интим, я отступила от Люка.

Стивен и Люк обменялись странным мужским рукопожатием. Первый указал на зал №3.

— Пойдёмте. Фильм уже начинается. Мы не смогли достать шесть мест рядом, но оставили вам два позади.

Стивен дал «пять» Люку. Боже, как же он будет разочарован, когда поймёт, что сзади ничего не произошло.

Парни пошли впереди, а мы с Лилой отстали. Она спросила:

— Ты в порядке?

— Не думаю, что у нас с Люком что-то получится. Он совсем не изменился. — Почему с этим у меня тоже должны были быть проблемы?

Почему всё не могло быть таким же простым, как в девятом классе?

Ли́ла сделала глубокий вдох и поджала губы.

— Позже поговорим. Давай насладимся фильмом, ладно?

Она догнала Стивена, и Люк взял меня за руку.

— Тебе просто нужно сосредоточиться на том, чтобы стать такой, как прежде. Знаешь... нормальной, — сказал он.

Ли́ла послала мне умоляющий взгляд. Я уселась на место рядом с Люком и дала ему обвить себя руками. Все мы стремились к нормальной жизни. Но пока она означала лишь ещё больше страданий.

В первые пять минут фильма мы увидели подростка, окончившего школу и подавшегося на флот.

Через десять минут мы наблюдали, как он стал выпускником учебного лагеря. Через двадцать минут фильма я почувствовала рвотный позыв.

Тошнота охватила моё горло, язык, казалось, опух в десять раз, и я не смогла дышать. Не важно, как сильно я пыталась всосать в себя воздух, он так и не наполнял мои лёгкие. Я вспрыгнула с места и кинулась по темным ступенькам под звуки мужчин, вызывающих в агонии к Богу и их матерям.

Я бросилась в женский туалет, распахнула дверь и припала к холодной раковине. Зеркало отразило сущий кошмар. Рыжие кудри прилипли к моему потному лбу. Всё моё тело тряслось, как при землетрясении.

Картина, как друзья парня ступали на самодельное взрывное устройство, мелькнула в моей голове. О Боже... Айрес. Неужели с ним случилось то же самое? Кричал ли он от боли? Знал ли, что умирает? Лицо окровавленного актёра слилось с лицом моего брата. Моё тело дёрнулось вперёд, желудок сжало, и я закашлялась от рвотного позыва.

Он был мёртв и умер в страданиях и ужасе.

Дверца в туалет открылась. Невысокая пожилая дама посмотрела на меня сочувствующими глазами.

— Проблемы с мальчиком?

Я выдернула салфетку, чтобы промокнуть глаза и спрятать лицо.

Резко втягивая воздух, я напомнила себе, что пришла сюда, чтобы побыть нормальной, а не устраивать спектакли.

— Да.

Дама улыбнулась мне в зеркало, моя руки.

— Такая симпатичная девушка, как ты, быстро найдёт кого-то нового. Кстати говоря, очень милые перчатки. Не часто увидишь молодую девушку в них. — Она ушла.

Мой мобильный завибрировал в заднем кармане. Сообщение от Люка: «Ты где?»

«Безумствую в женском туалете». Я ни за что не могла вернуться обратно: «Слишком жестокий фильм для меня. Встретимся после».

Я ждала пару секунд, и мой телефон снова завибрировал: «Круто, увидимся».

20:30. У меня были два с половиной часа свободного времени до конца фильма. Такова моя жизнь.

Буфет находился прямо рядом с залом. Мне нужно было что-то выпить. Но я, как истинная идиотка, не взяла денег, даже сумки. Люк настоял, чтобы я оставила её дома. Бла-бла-бла... наш первый совместный поход в кино... бла-бла-бла... он за всё заплатит... бла-бла-бла... он взял меня на самый жуткий фильм в мире.

Работники буфета убирались и готовились к закрытию. Но несколько местечек оставались открытыми, чтобы подкормить ночных пташек. Я направилась к одному из них — забегаловке, у прилавка которой стояли стулья.

Я села на один и стала наблюдать, как какой-то высокий парень жарит бургеры. Лиле бы понравилась его попка.

— Простите?

Повар обернулся, и я соскользнула со своего места.

— Ной?

Он сверкнул своей игривой улыбкой.

— Привет, Эхо. Соскучилась?

Я снова села.

— Нет. — Немного.

Ной собрал бургеры с гриля, положил их на булочки и выкрикнул номер. Тут же подошла девушка и забрала их. Он пошёл к прилавку.

— Чем могу помочь?

Его красная бандана убирала назад тёмные волосы, которые обычно лезли в глаза. Я любила его глаза. Шоколадно-карие, полные озорства и искры, готовые зажечь мировой пожар.

— Можно стакан воды, пожалуйста? — И пусть она будет бесплатной.

— Это все?

Мой живот заурчал достаточно громко, чтобы Ной услышал.

— Да, все.

Он налил стакан и передал его мне.

— Уверена, что не хочешь бургер? Большой сытный бургер на поджаренной булочке с соленой картошкой сбоку?

Я втянула ледяную воду через трубочку. Забавно, но вода не вызывала у меня такого теплого, приятного чувства, как бургер с картошкой.

— Всё нормально, спасибо.

— Устраивайся поудобнее. Видишь тот сочный кусок мяса вон там? — Он указал на противень. Запах вызвал у меня слюнки во рту. — Он мой. Когда он дожарится, моя смена на сегодня закончится.

Он вернулся к грилю и положил восхитительный кусок мяса на булочку, накрыв его разными овощами. Затем он набрал картошки на тарелку.

— Эй, Фрэнк. На сегодня все.

Кто-то сзади крикнул: «Спасибо, Ной». Он снял бандану и фартук и бросил их в контейнер. Затем оставил передо мной на прилавке тарелку, налил себе колы и обошёл вокруг, чтобы сесть со мной.

— Разве ты не должна быть на свидании со своим обезьяноподобным парнем?

Он впился зубами в свой бургер. Я наблюдала за каждым аппетитным движением.

— Я была на нём. То есть, нахожусь. Люк всё ещё в зале. Но он мне не парень. Не сейчас. Он был... очень давно, но не теперь. Мы просто, ну, знаешь, встречаемся. Вроде того. — Верно? И почему я лебежу?

Ной пережевывал свою еду и сузил глаза.

— Если ты на свидании, то почему не сидишь с ним в зале? — Я разглядывала его картошку. Та выглядела такой золотистой и хрустящей.

— У тебя есть деньги? — спросил он.

— Что?

Он потёр вместе пальцы.

— Деньги? Баксы? У тебя есть они с собой?

Не зная, к чему он вёл, я покачала головой. Парень потянулся через прилавок и схватил нож. Он разрезал бургер на две части и поставил тарелку между нами.

— Вот. Только не ешь всю картошку.

— Ты серьезно?

Ной откусил ещё кусочек от своей половинки.

— Ага. Не хочу, чтобы мой репетитор умер от голода.

Я причмокнула губами как мультяшный персонаж и впилась в сочный бургер. Когда ароматное мясо коснулось моего языка, я закрыла глаза и застонала.

— А я думал, что девушки так выглядят только при оргазме.

Я подавилась бургером. Ной подавил смешок, подав мне стакан воды. Если бы только, выпив её, с моего лица сошёл этот дурацкий румянец...

— Кажется, я пропустил твой ответ на предыдущий вопрос. Если ты на свидании, то почему делишь со мной ужин, пока Люк ласкает себя в одиночестве?

Я прочистила горло.

— Тебе обязательно быть таким грубым?

— Нет. Я перестану, если ты ответишь на вопрос.

— Мы опаздывали, и я не знала, какой фильм он выбрал, пока тот не начался. «Враги на войне» слишком жесток для меня. — Я перемешала воду трубочкой, пытаюсь звучать естественно, пока образы войны мучили мой разум.

Ной сжал салфетку в руке, его игривое настроение исчезло.

— Так почему он не здесь, с тобой?

Хороший вопрос.

— Я сказала ему остаться и досмотреть фильм. Он давно его ждал.

— Ты заслуживаешь лучшего. — Он подтолкнул ко мне тарелку, доев свою часть гамбургера, но оставив картошку.

Например, парня, который поделится со мной ужином и отдаст всю картошку? Парня, который нарушит правила, чтобы я могла подслушать, как отец разговаривает с моим терапевтом? Парня, который отдаст мне свою куртку, когда будет холодно? Парня, от лёгкого прикосновения которого моё тело начинает пламенеть? Но Ной не мог желать такую девушку, как я.

Я закончила есть гамбургер и подтолкнула к нему тарелку.

— Спасибо. Думаю, пора мне отпустить тебя домой.

— И что ты собираешься делать?

Несколько подростков собрались рядом со столиком посреди пустого буфета. Уборщик поставил табличку, предупреждающую о скольком полу. Бездомный парень схватился за свою тележку и уставился на меня с Ноем с другой части комнаты. *«Ой, даже не знаю. Поброжу в одиночестве, наверное, под конец окажусь мертвой на дне тележки этого парня».*

— Может, пойду в игровую, в надежде, что кто-то оставил для меня жетон на столике, и сыграю в бильярд.

Ной приподнял бровь.

— Ты играешь в бильярд?

— Айрес научил меня. — Смех брата во время игры заменил крики в моей голове.

Ной спрыгнул со стула и взял меня за руку. Жест застал меня врасплох и заставил сердце дрогнуть. Он потащил меня с моего места.

— Пошли. Посмотрим, научил ли Айрес тебя играть в бильярд так же хорошо, как математике.

Мы пошли в игровую, и Ной подвинул руку, чтобы прижаться своими пальцами к моей промежности. Моё сердце забило галопом. Это был Ной Хатчинс. Ной Хатчинс, который был против длительных отношений. Или просто отношений. Ной Хатчинс, который хотел лишь девушек на одну ночь. Наркоман. Моя противоположность. И, на данный момент, он был всем, чего я хотела.

18 - Ной

Эхо спряталась за пеленой волос в тот же момент, как наши пальцы переплелись. Я уже месяц не курил травку, но почему-то я парил над землёй, кровь в моих венах стала горячее, я был словно под кайфом. Нет, не под кайфом. Я чувствовал себя... непобедимым.

— Можно задать тебе вопрос? Если что, я не подразумеваю под ним издевки, — сказал я.

Её рука ослабла, но я вцепился в неё, не позволяя Эхо убрать ладонь.

— Наверное...

— За твоим именем скрывается какой-то тайный смысл?

Мы дошли до аркады. Несколько школьников собрались вокруг игры в стрелялки. Звук летящих пуль прерывался криками из игры. Студент колледжа переворачивал страницы комикса, сидя за стеклянным прилавком, полным дешёвых призов из скибола [19]. Я сжал крепче руку Эхо и провёл её мимо игр к пустым бильярдным столам позади.

Затем, с неохотой, отпустил её и вставил несколько долларов в автомат с жетонами.

вернуться

— Мама была помешана на греческой мифологии. Я названа в честь горной нимфы Эхо.

Имя Айреса тоже начинало приобретать смысл. Я вставил две монеты по 25 центов, и из отверстий сразу покатались шары. Эхо немедленно кинула их на стол.

— Восемь или девять?

— Восемь. — С девятью шарами игра усложнялась. Я уже планировал выложиться процентов на шестьдесят, надеясь, что Эхо хорошо проведёт время.

— И что за миф с ней связан?

Она поставила шары в треугольник, а затем убрала его.

— На самом деле их несколько. Ты разбиваешь.

Я встречал нескольких девушек, как она: боящихся разбивать, потому что они не могли выбить более двух шаров из группки. Лучше пусть она разобьёт и загонит хотя бы один шар в лузу, чем ничего.

— Дамы вперед. — Я не мог дождаться, чтобы эта игра закончилась, и я мог научить её правильно разбивать.

Из-за мысли о том, как её тело, прижатое к моему, склонится над столом, джинсы стали тесноваты в определённом месте.

— Тебе конец, — пропела она, и мои губы изогнулись в улыбке от её вспышки самоуверенности. Эхо крутила своим кием как воительница, направляющаяся на битву, ни разу не отрывая взгляда от белого шара. Она склонилась над столом. Я сосредоточился на её упругой заднице. Моя сирена убивала меня с каждым мгновением. Когда она прицелилась, Эхо потеряла всякое сходство с той хрупкой девушкой в школе — она стала снайпером.

Быстрый и громоподобный стук шариков застал меня врасплох.

Они покатались в лузы в таком спешном успехе, что я потерял им счёт.

Эхо обошла стол, снова крутя своим кием, изучая оставшиеся шарики, как четырехзвёздочный генерал — карту.

Чёрт... а девчонка умела играть!

— Мои — полосатые, — крикнула она. Эхо склонилась над столом, чтобы ударить во второй раз. Её прекрасная грудь была единственным, что я замечал, но мне хотелось большего, чем просто смотреть, я хотел...

— Лучше спрячь свой язык обратно в рот. Если он высохнет, останется неприятный привкус. — Она одним ударом отправила два шарика в лузы.

— Что же я могу поделать, если ты сексуальная. — Мне нравилось, когда она ставила меня на место. — Так что там за миф?

После ещё двух ударов она, наконец, промазала. Теперь была моя очередь. Шестьдесят процентов выкладки не станут для неё помехой. Чёрт, да даже ста процентов могло оказаться недостаточно.

Я обследовал стол, пока Эхо устраивалась на стуле.

— Зевс любил поразвлечься с нимфами на земле, а его жена Гера не совсем одобряла внерабочие занятия своего мужа. Потому он послал Эхо, прекрасную древесную нимфу, отвлечь Геру, пока он будет «отдыхать». Та всё поняла и наказала Эхо, забрав её голос, проклиная нимфу повторять то, что говорят другие. После этого девушка влюбилась в придурка, который не ответил ей взаимностью. С разбитым сердцем, она бродила по лесам, плача, пока от неё ничего не осталось, кроме голоса, который до сих пор разносится по земле.

Некоторых из нас называли в честь личностей из Библии, других именем, выбранным наугад в детской книге. Эхо назвали в честь шизанутого греческого мифа. Я забил два шарика в правую лузу.

— Твоей маме не нравились обычные сказки?

Эхо рассмеялась.

— Это и были мои сказки. Я росла, понимая историю за каждым созвездием. Какой греческий бог на кого злился. Любовь, похоть, злость, месть. Долгое время я засыпала с включённым светом.

Я промазал и едва сдержался, чтобы не выругаться. Эхо продефилировала к столу с хитрой усмешкой на губах. Я ничего так не хотел, как убрать поцелуем эту маленькую ухмылку с её лица. Вместо этого я дернул за один из её шелковых рыжих локонов. Её смех щекотал мне кожу.

— Твоя очередь отвечать на вопрос, — сказала она.

— Валяй.

— Почему ты так хочешь заглянуть в свою папку? — Она прицелилась в восьмой шарик и ударила по нему.

Уже много лет никто, кроме Киши или миссис Колинз, не задавал мне столь личных вопросов. Я вставил ещё пару центов в стол.

— А ты расскажешь, почему хочешь посмотреть в свою?

Эхо снова расставила шарики.

— Ты уже знаешь большую часть. Разбивай.

Чувствуя лёгкую слабость, я опёрся на кий.

— У меня есть два младших брата. Джейкобу восемь, Тайлеру четыре. После смерти родителей нас разлучили. Они живут в плохих условиях. Я хочу доказать это и выиграть опеку над ними после окончания школы. В этой папке есть их адрес. Если я смогу поймать этих ублюдков на горячем, что они причиняют вред моим братьям, тогда я заберу их, и мы снова станем семьей. — Я разбил шар с большей силой, чем намеревался. У меня из головы не выходило воспоминание о лице Тая, которое было всё в кровоподтеках. Мои братья не станут жертвами, как Бет, и не превратятся в жестоких оболтусов, как я.

Биток отскочил несколько раз, ударив по группке шаров.

— Цельные. Твоя очередь отвечать.

— Мама ранила меня, но я этого не помню.

Её голос был равнодушным, но я знал: Эхо хотела заглянуть в свой файл так же сильно, как я в свой. Я рассказал ей свою историю и хотел услышать её.

— Расскажи то, что знаешь.

Эхо перекаtywала кий в руке.

— Мы мало знакомы.

Как, чёрт возьми, мне заставить её доверять мне? Она доверяла, на определённом уровне. Но не так, как мне хотелось. Моя школьная репутация с девушками шагала впереди меня, как

команда болельщиц перед оркестром. Чёрт, а что, если она мне доверится? Что я буду с этим делать?

Я опёрся бедром на стол.

— Что, если только один из нас сможет добраться до папок? Я рассказываю тебе это дерьмо не потому, что фанат групповой терапии, а потому, что, если у тебя появится возможность проникнуть в наши файлы, мне нужно, чтобы ты нашла информацию о приёмных родителях моих братьев. Фамилию, адрес, номер телефона. Если я загляну в твой, что мне искать?

Разрази меня гром, если она не превратилась в вампира. Вся кровь ушла с её прекрасного личика.

— Поклянись, что никому не расскажешь.

Что может быть хуже, чем считаться мазохисткой и самоубийцей?

— Что бы это ни было...

— Поклянись, — прошипела она. Наклон её головы, то, как вспыхнули и сузились её тёмно-зелёные глаза, будто у дикого животного — все предупреждало меня, что отшутиться будет не лучшим решением.

— Клянусь.

Эхо оставила свой кий у стены и подошла к столу.

Судя по всему, игры на сегодня кончились. Она взяла биток.

— У моей мамы биполярное расстройство. Ну, знаешь, маниакально-депрессивное. Есть два вида биполярного расстройства, у мамы первый. Не то, чтобы он был самым худшим вариантом, скорее, как пятибалльный ураган или десятибалльное землетрясение. Годами ей ставили неверный диагноз, а когда мне стукнуло шесть... — Эхо перекатила шарик на стол, разбрасывая другие. — У неё случился серьёзный срыв, но нам помогли. Мама была замечательной, когда пила свои таблетки.

Она обняла себя руками и уставилась в стол. Её нога стучала по полу.

— Я знаю лишь ту малую часть информации, что мне рассказали друзья и папа. Она перестала принимать лекарства, у неё случился маниакальный припадок, я пришла к ней домой, и мама попыталась убить меня.

Я боялся двинуться, дышать, существовать в этот момент. По телевидению подростков изображали счастливыми, беззаботными. Мы с Эхо никогда не узнаем такой жизни. Мои родители умерли. Система опеки издевалась надо мной, когда должна была защищать. Эхо... Эхо предал человек, который должен был пожертвовать жизнью, чтобы защитить её.

Она поднесла ладонь ко лбу.

— Ты знаешь, каково это, не помнить что-то? Мама любила меня. Она бы не причинила мне боль. Знаешь, каково это, терпеть ужасающие кошмары ночь за ночью? Одним вечером я ложусь спать, моя жизнь идеальна, а затем просыпаюсь в агонии двумя днями позже, в больнице, и весь мой мир разрушен. Мне нужно знать. Если я узнаю, то, возможно, смогу снова

почувствовать себя целой. Может... — Эхо напоминала мне статую святой, которую мама когда-то поставила у себя в саду. Руки распростерты, стремясь найти ответ у Бога, который ненавидел нас обоих. — Может, я снова смогу стать нормальной.

— Расскажи мне об Айресе. — Я искал любую мелочь, за которую можно было уцепиться.

Случилось чудо — моя просьба отвлекла её от депрессивных мыслей. Она моргнула, возвращаясь к пиканью и биканью видео аркады.

— Айрес любил машины. Он спас свой «Корветт» 1965 и потратил годы, работая над ним. Вот почему я преподаю тебе. Мне нужны деньги, чтобы закончить работу над машиной.

Значит, она не была ботаном, желающим заработать дополнительные баллы или отработать практику. Она хотела почтить память о брате — своей семье. У нас с Эхо было больше общего, чем я думал.

— Что с ней не так?

Она взяла свой кий и вернула его на стойку.

— Понятия не имею. Насколько я знаю, нужны новые свечи зажигания и газ за двадцать долларов. Или какая-то большая и дорогая деталь. Сегодня я вызвала механика, чтобы он на неё посмотрел, но меня преследует чувство, что он отправит меня в химчистку.

— Я знаю одного парня, гения по части машин. Он бы многое отдал, чтобы коснуться «Корветта» 65-го года. Не против, если он посмотрит твою машину?

На её губах снова расцвела улыбка сирены, а глаза девушки засияли.

— Я только за. Определенно, за.

Она, скорее всего, растеряет долю своей радости, встретив Исайю.

— Исайя может показаться грубоватым, но он хороший парень. Не хочу, чтобы ты удивлялась, когда он окажется кем-то вроде меня.

Её смех был подобен музыке.

— Что, ты не тусуешься с миссионерами в своё свободное время? А я-то думала, что когда все остальные идут домой и надевают свои домашние штаны и футболки, ты напяливаешь рубашку-поло и брюки цвета хаки.

Никто, кроме Исайи и Бет, не дразнил меня. Обычно люди обходили меня стороной.

Да, эта маленькая нимфа полностью наслаждалась игрой.

— Продолжай, Эхо. Люблю прелюдию.

Она смеялась так громко, что хлопнула ладонью по рту, что совсем не сдержало её хихиканья.

— Ты такой самоуверенный. Думаешь, если девушки тащатся от тебя и дают залезть себе в трусики с первой попытки, то я последую их примеру? Подумай дважды. Кроме того, у меня теперь есть твой номер. Каждый раз, когда ты будешь пытаться сделать из себя такого мрачного и опасного, я буду представлять тебя в розовой рубашке в полоску, с поднятым

воротником, и плиссированных брюках-чивос.

Ну уж нет. Я кинулся на Эхо, чувствуя себя тигром, загоняющим жертву.

Она попятилась к стенке, но я продолжал наступать. Затем прижался к ней, ощущая каждый чувственный изгиб. Я хотел коснуться каждого дюйма её тела. Её сладкий запах пьянил меня.

Глаза девушки насмешливо смотрели на меня, но улыбка испарилась, и она прикусила губу. Черт, она хоть знала, что делала? Для девушки, пытающейся держать меня на расстоянии, она делала всё, чтобы завести меня.

— Что ты там говорила? — Я опустил голову и вдохнул тёплый аромат корицы у её шеи, проводя носом по нежной коже.

Её грудь стала быстрее подниматься и опускаться. Моя рука растворилась на линии её живота, в сантиметре от бедра. Я колебался между тем, чтобы поднять или опустить руку, оба варианта удовлетворили бы мои желания.

— Ной, — выдохнула она, неосознанно исполняя одну из множеств моих фантазий, включающих Эхо. Если я всё сделаю правильно, возможно, она воплотит ещё парочку. Едва задевая губами кожу, я коснулся её щеки и спустился ко рту. Её ногти щекотали мне грудь, сводя с ума. Желание поцеловать её стало единственной причиной дышать.

Её руки сильнее надавили мне на грудь, и наши губы соприкоснулись.

— Не могу. — Она оттолкнула меня. — Я... я... не могу. — Юмор исчез без следа, её глаза были широко распахнуты. — Я на свидании с Люком и это... — она указала на нас, — неправильно. Ты Ной Хатчинс, а я не из тех девушек, которые занимаются «этим» с... с...

Я закрыл глаза, чтобы вернуть хоть какой-то контроль над своим телом. А затем закончил за неё:

— Со мной.

— Да... нет... не знаю. Я хочу нормальных отношений, Ной. Ты можешь мне это дать?

Забавно, при этих словах она тянула за перчатки на своих руках.

— Когда же ты поймёшь, что это невозможно для таких, как мы? — Не знаю, кого я хотел ранить больше — себя или её.

Она могла притворяться, но Эхо никогда не вернётся к девушке без шрамов.

Чёрт, может, я сказал это, чтобы напомнить себе, что парень, как я, никогда не получит Эхо.

Она резко развернулась, от неё веяло той же яростью, которую я видел в первый день в офисе миссис Колинз.

— И что прикажешь делать, Ной? Сдаться, как ты? Стать наркоманкой, пропускать школу? Забить на всё?

— Это куда лучше, чем притворяться тем, кем не являешься. Почему тебе так важно быть с парнем, который кинул тебя, чтобы посмотреть чёртов фильм?

Эхо потерла лицо двумя руками, её злость испарялась.

— Ты отведёшь меня на танцы в честь Дня Святого Валентина? Буду ли я больше, чем очередная девушка на твоём заднем сидении, или стану поводом для шуток между тобой и твоими друзьями?

«Не знаю».

Правда застряла у меня в горле. Я хотел сказать, что она будет гораздо большим, но не мог. Я ни к кому не привязывался, и вот передо мной стояло это прекрасное создание, спрашивая именно об этом.

Она провела рукой по волосам.

— Всё нормально. Не напрягайся так из-за этого. Я твой репетитор, а ты... ты нуждаешься в помощи. Мы будем работать вместе, чтобы залезть в наши папки, и жить своими жизнями. Мне нужно идти. Спасибо за ужин и игру.

Эхо проскользнула мимо меня, возвращая меня к реальности.

— Подожди.

Она оглянулась через плечо. Вокруг её глаз обозначились тёмные круги, а плечи были ссутулены. Как так получилось, что я не замечал её изнеможение? Она рассказывала о кошмарах. Когда она спала в последний раз? Не моё дело... и моё молчание это подтвердило.

Когда я ничего не сказал, лучшее, что случилось со мной за последние три года, ушло. Чёрт, я был идиотом.

19 - Эхо

Десять тысяч долларов. Вот сколько механик захотел за починку машины Айреса. Потому я подниму цену до десяти долларов в час и, если мне повезёт, Ной будет учиться у меня два часа в неделю. Если я отниму федеральные, государственные, местные налоги и страховку, то смогу получить машину к... никогда.

Лучи солнца проникали через щели в жалюзи.

Свет идеально падал на фотографию на моей тумбочке со мной, Айресом и мамой.

— Привет, красавица. — Люк зашёл в комнату, закрывая за собой дверь.

С быстротой кролика, я вскочила с постели, схватила рубашку и натянула на голову, а что важнее, на руки.

— Что ты здесь делаешь?

— Я же говорил, что могу заехать. — Он пересёк комнату и плюхнулся животом на моё лиловое одеяло.

— Нет. Что ты делаешь здесь, в моей комнате? — На моей кровати?

— Твой папа и Эшли сказали, что я могу подняться к тебе.

Я приподняла бровь.

— Папа? Сказал, что ты... можешь ко мне... подняться?

— Да. Думаю, ты недооцениваешь его. Теперь он клёвый. Совсем не такой, какой был, когда мы раньше были парой.

— Раньше. Раньше у нас были крепкие отношения. Теперь... мы встречаемся. — «Пара» подразумевала серьёзные отношения, а единственное, к чему я сейчас относилась серьёзно, это к своему нежеланию, чтобы Люк находился в этой комнате, особенно на моей кровати. Со мной. — А как же утренний баскетбол со Стивеном и ребятами по воскресениям? — У парня с восьми лет был один и тот же утренний ритуал.

— Встречусь с ними через полчаса. Знаю, ты сегодня идёшь на шопинг, и хотел поговорить с тобой перед ним. — Он положил свою ладонь поверх моей и погладил меня пальцем.

— Слушай, я собираюсь снова это сказать, поскольку вчера ты ничего не ответила. Мне жаль. Серьёзно, Эхо. Я понял про связь с Айресом только после фильма, клянусь.

— Всё в порядке.

«Правда... мы в расчёте. Ты отвёл меня на дерьмовый фильм. Я ушла и чуть не поцеловала очень сексуального парня. Который заставляет пальцы на моих ногах сжиматься и делится со мной едой. По которому мне правда нужно перестать страдать, поскольку, Бог тому свидетель, он не думает обо мне.»

Люк перевёл взгляд на фреску моря на моей стене.

— Не могу поверить, что ты всё ещё хранишь эту хрень. После того, что с тобой сделала твоя мать.

Я положила руку на сжавшийся живот.

— Она всё равно моя мама.

Моё сердце ухнуло, когда глаза парня расширились, глядя на меня, как на безумную.

Люди не единожды смотрели так на маму. Оказаться теперь на её месте было отстойно.

— Это всё?

— Нет. Ты же знаешь, что я считаю тебя очень сексуальной. — Люк выглядел голодным, но я сомневалась, что он хотел доесть остатки бублика на моей тумбочке. — А те платья, которые ты носила на танцы, были такими бунтарскими. — Он закрыл глаза и облизал губы. Могу поспорить, парень вспоминал вечер встречи футбольной команды в девятом классе.

Голубое атласное платье, короткая юбка и заднее сидение отцовского «Линкольна». Даже у меня остались тёплые воспоминания о той ночи.

Он открыл глаза, и голод из них исчез.

— Но я тут думал, какое платье ты собираешься одеть. Знаешь, чтобы тебе не было стыдно.

Вау. Может, ему стоит пойти на танцы с Эшли.

— Ты спрашиваешь, открою ли я вид на свои шрамы?

— Да. Нет. Да. — Подвигаясь ближе ко мне, Люк стал массажировать мою ногу. Я боролась с желанием отпрянуть. — Я хочу тебя, Эхо. Ты это знаешь. Это ты жмёшь на тормоза, когда дело доходит до физического контакта... не я. Если быть честным, я чертовски от этого устал. Есть куча девчонок, которые с радостью переспят со мной.

Люк любил пафосные монологи, в отличие от меня. Я перебила его:

— Ну так иди к ним. Ты не заставишь меня спать с тобой из чувства вины.

Слава Богу, он убрал руку от моей ноги.

— Не так я всё планировал.

— Так скажи, как именно ты всё себе представлял? Думал, что можешь сказать мне, в каком ты ужасе от мысли, что я открою вид на свои шрамы, и я кинусь в твои объятия, после чего мы займёмся сексом? — Он склонил голову. Вот дерьмо. Он действительно так всё себе и представлял. — Выметайся.

— Да ладно тебе, Эхо. — Я забыла, как быстро он умел двигаться. Парень скользнул по кровати и положил тяжёлую руку на мою талию, чтобы я не отодвинулась. — Я всё ещё люблю тебя.

Забавно, как слово «люблю» могло растопить мою ярость.

Мышцы моего живота расслабились, как и всё тело.

Чувствуя мою податливость, он скользнул двумя руками вокруг меня и прижал к своей груди.

Когда-то я любила валяться с Люком, особенно когда он говорил, что любит меня. Однажды, мой мир вращался вокруг него. Я скучала по тем дням. Скучала по уверенности, что кто-то любит меня, и лежа сейчас, я поняла, что скучала по ответной любви со своей стороны.

— Я никогда не переставал любить тебя. Было больно, когда ты рассталась со мной. — Парень погладил рукой мою спину. Сейчас его касание казалось знакомым и правильным. Знакомое казалось правильным.

— Тогда почему так сильно давил на меня из-за секса? Почему не мог подождать, пока я не буду готова? — Моё сердце тоже разбилось, когда я бросила его, но меня тошнило от постоянных ссор. Он давил на меня каждую секунду — прося, желая большего.

— Не знаю. Я хотел узнать, каково это, заниматься сексом. Думал, если дам тебе время, мы сойдёмся через пару недель, но потом... — Благодаря моим друзьям, он знал, что случилось потом. — Можно спросить?

Я не была уверена, что хотела услышать очередной «вопрос» Люка, моё тело поднялось и опустилось с раздражённым вздохом.

— Конечно. — Почему бы и нет?

— Ты ещё любишь меня?

Я облокотилась и заставила себя посмотреть на Люка.

Действительно посмотреть: на его голубые глаза, чёрные волосы и лицо, которое я когда-то любила целовать и ласкать.

— Я всегда буду любить тебя, но я не влюблена... пока нет. Даже в самых диких мечтах я не представляла, что ты захочешь снова быть со мной после того, как я стала фриком.

Его палец погладил мою щёку.

— Ты никогда не была фриком, Эхо. Не для меня. Я провёл полтора года, ожидая, пока ты разберёшься в себе. Мой мир будто стал на место в тот день, когда ты вернулась в кафетерий. — Мои глаза расширились. Вау. Просто вау.

— Я хочу, чтобы ты снова в меня влюбилась. Думаю, нам нужно продолжить с того, на чём мы остановились. Мы должны переспать.

Я так резко втянула воздух, что громко ахнула.

— Что?

— Не сейчас, но скоро. Могу поспорить, если мы это сделаем, ты снова в меня влюбишься.

Я понимала, что походила на золотую рыбку в маленьком аквариуме, с постоянно открывающимся и закрывающимся ртом. Странно, но я добилась желаемого — я могла заняться сексом с кем-то, кто любил меня — но я забыла добавить, что хотела любить этого человека в ответ.

— Не знаю.

Он просто улыбнулся.

— Поспи. Утро вечера мудренее.

Поспать. Ах, как смешно.

— Святые угодники, Эхо! Ты впадаешь в зимнюю спячку на полтора года, а затем пробуждаешься с фанфарами! — Лила закончила переодевать свой церковный наряд в обтягивающий розовый свитер и голубые джинсы. — Люк признался, что всё ещё тебя любит — кстати, я же говорила!

А вонючий Ной Хатчинс пытался тебя поцеловать. И ты ещё жаловалась, что умрёшь девственницей?

Я продолжала рисовать, лежа на кровати, которую Люк покинул за пару минут до прихода Лилы.

— Не особо пока рассчитывай на это.

— Ха! — Она подобрала свои золотистые волосы в хвостик. — Люк буквально молит тебя об этом, а Ной... ну, судя по тому, что я слышала, заниматься сексом Хатчинс умеет лучше всего.

— От кого слышала? — спросила я слишком быстро и со слишком большим энтузиазмом. Я

упёрлась глазами в свой набросок и заставила себя продолжать работать над ним. Может, Лила не заметила мой внезапный и громкий всплеск.

Подруга плюхнулась на кровать.

— О-о-о, моя малышка Эхо влюбилась в мальчика-игрушку. Я бы с удовольствием посмотрела на него без футболки. Могу поспорить, ради таких кубиков умереть можно. Эмма из группы поддержки развлекалась с Ноем, в перерыве между своими парнями прошлым летом. Хотя, скорее, это она была у него на закуску. Девушка сказала, что он просто снёс ей крышу.

Кончик моего карандаша сломался. *«Козёл, козёл, козёл, козёл. Невероятно сексуальный, очень милый козёл.»*

— Та-а-ак, и кого ты выберешь? Парня, который тебя любит, или парня, которого ты хочешь?

Как такой вопрос мог прозвучать из уст кого-то столь неземного? Хорошая волшебница Глинда была той ещё пошлячкой.

Смысла прятаться за своим блокнотом для набросков больше не было. Я откинула его и сломанный карандаш на тумбочку.

— Люк, может, и любит меня, но он не особо задумчив.

Лила прилегла рядом со мной и взяла меня за руку.

— Твоя правда. Он погружен в себя и узко мыслит – лишь о том, что ему угодно. Но у тебя есть к нему чувства.

— Но я не влюблена в него. — Не то чтобы я была влюблена в Ноя.

Я тяжело вздохнула. Боже упаси, если я хоть три секунды не буду думать о нём.

— Хатчинс сексуален, — сказала Лила, — но ты знаешь, что это ни к чему не приведёт. Ты только начала возвращаться к своей прошлой жизни. Если вы начнёте встречаться — это будет социальным кошмаром. Кроме того, у тебя нет к нему чувств.

Парень поделился со мной габмургером и заставил смеяться. Не вежливым подсмеиванием. Не искусственным. Громким смехом, из-за которого люди оглядывались. Из-за которого молоко носом идёт. И я рассказала ему о маме, после чего он нашёл способ поднять мне настроение.

— Эхо, — сурово сказала девушка. — Пожалуйста, скажи, что у тебя нет чувств к этому парню.

— Это не важно, — пробурчала я. — Он не пойдёт на танцы в честь Святого Валентина.

— Ага. Очень странный ответ, но сойдёт. Итак, меняем тему. Тебе нужно начать пить противозачаточные. — Уже второй раз за день у меня появились схожие черты с золотой рыбкой.

— Вовсе нет.

— Ещё как да. Ставлю свою сумку с «Большим Буддой», что ты присоединишься к остальным за обеденным столом и дело будет сделано к выпускному. Не знаю, правда, с кем. — Она тут же прошептала «Люк», прежде чем вернуться к нормальному тону. — Но тебе определённно нужно

начать пить противозачаточные.

Противозачаточные? Это означало разговоры о сексе, а я считала себя счастливицей, поскольку избежала его с любым из своих родителей.

— Папа сойдёт с ума.

Лила скатилась с кровати, взяла меня за руку и потянула.

— Э нет, подруга, не будем доводить папочку до приступа. Настало время шопинга!

Пятью мучительными часами позже, Эшли и Лила наконец выбрали мне платье на танцы. Если только я не собиралась появляться в наряде матери невесты, я не могла найти что-нибудь с длинными рукавами. Мы остановились на чёрном атласном платье без шлеек со средне обтягивающей юбкой и подходящими чёрными атласными перчатками до бицепсов.

Мы с Лилой попивали латте за столиком в ресторанном дворике, пока Эшли расплачивалась с баристой.

— Сейчас, — прошептала девушка.

— Что сейчас? — У меня жутко болели ноги и голова.

— Мачеха вне себя от радости из-за нашего девичника. Придерживайся сценария и всё будет в порядке.

Мои глаза расширились. *«Вот дерьмо»*. «Сейчас» означало время, когда мы уговорим мачеху купить мне противозачаточные.

Эшли села за стол.

— С вами было так весело, девчонки! Помните, как мы ходили на шопинг каждые выходные?

«Да. До того, как ты ударила маму в спину и стала спать с моим отцом.» Лила стукнула меня под стулом.

— У меня болезненные месячные.

Нога заболела, когда Лила снова сильно ударила. Эшли заморгала, определённо удивившись.

— Что, прости?

Подруга прочистила горло.

— Думаю, Эхо имела в виду, что мы счастливы проводить с тобой время, поскольку нам нужно кое-что обсудить. Чисто девичий вопрос. Знаешь, который мужчинам понять не дано. Видишь ли, за последний год её месячные стали очень тяжелыми, и спазмы ухудшились. Правда, Эхо?

— Оу, — просто сказала я, пытаюсь не таращиться.

Выходило отстойно. Она снова меня пнула. — То есть, да. Много крови и спазмов. Просто вау. О

чень жуткие спазмы. Буквально адские! Да, я ненавижу спазмы. Спазмы, спазмы, спазмы. — На этот раз Лила наступила мне на ногу.

— Как лучшая подруга Эхо, я посоветовала ей поговорить с тобой. Когда мои месячные стали приносить столько боли, мама посадила меня на таблетки.

Лицо Эшли затухло на мгновение, пока она переводила взгляд с меня на Лилу. Кто же победит? Жена, знающая, что мой отец раздавит в руке свой «БлэкБерри», если узнает, что его единственная дочь пьёт противозачаточные, или женщина, отчаянно желающая почувствовать себя лучше после того, как разрушила мою жизнь?

— Да. Да, Лила. Ты была права, когда сказала Эхо обратиться ко мне. — Слабая улыбка коснулась её губ, но глаза Эшли всё ещё метались от беспокойства.

— Как долго это длится?

Никогда.

— Почти год.

— Почему ты не подошла ко мне раньше, милая?

Я пожала плечами. Эшли сделала долгий глоток своего латте.

— Как твои дела с Люком?

Чёрт.

— Эшли, мы можем сосредоточиться на моих проблемах с месячными?

Её глаза прояснились. Вина победила.

— В понедельник у меня встреча с моей акушеркой. Почему бы тебе не присоединиться, она тебя осмотрит и пропишет таблетки. У меня назначен ультразвук. Твой отец будет занят, а я была такой расстроенной, когда мы не узнали пол ребёнка в прошлый раз. Как же восхитительно, что ты увидишь своего братика или сестричку, правда?

На секунду мне показалось, что Эшли запоёт от счастья. В этот раз, вместо пинка, Лила потянулась под стол и взяла меня за руку. Я сжала её ладонь и ответила:

— Да. Восхитительно.

20 - Ной

— Ну, хватит уже дуться. Если бы ты с ней переспал при первой встрече, как я тебе и советовала, то не крутился бы сейчас, как чёртов крендель. — Бет стукнула подносом о столик.

Я оттолкнул свою пиццу и отклонился на спинку стула. Сегодня Эхо мимоходом встретилась со мной взглядом, но на этом всё. Как она и сказала, девушка вернулась к своей жизни, а я, в теории, к своей. В чём проблема? Без неё моя мне не нравилась.

Исайя поставил поднос по другую сторону от меня.

— Оставь его в покое, Бет. Иногда сердцу не прикажешь. — Мудрые слова от парня, который

игнорировал свои чувства к Бет.

Та нахмурилась и пронзила вилкой куриную лепёшку. Она не убирала волосы с лица, чтобы прикрыть синяки, которые невозможно было скрыть с помощью косметики.

— А что грызёт тебя, Исайя? Ты стал почти таким же задумчивым, как Ной. Только не говори, что тоже влюбился в какую-нибудь недостижимую глупую девицу.

Парень сменил тему:

— Итак, Бет, слышал, миссис Коллинз позвала тебя в свой кабинет.

— Зачем? — поинтересовался я. Достаточно того, что это женщина влезла в жизнь одного из нас.

— Предполагаю, один из моих учителей настучал на меня, заметив синяки. Я сказала, что упала с лестницы папиного дома. — Она подмигнула Исайе, и оба рассмеялись со своей шутки. Оба понятия не имели, кто их отцы.

Моё сердцебиение ускорилось, когда я заметил вспышку красного у входа в кафетерий. В углу дальней от меня двери замерла Эхо и быстро осмотрела комнату. Она крепко прижимала к груди учебники, зажав рукава кофты. Наши взгляды встретились. Её зелёные глаза растаяли, и она одарила меня своей прекрасной улыбкой сирены. Мои губы изогнулись, и я жестом указал ей присоединиться к нам. Какого чёрта я делал?

Бет, судя по всему, научилась читать мысли.

— Какого чёрта ты делаешь?

Глядя на широко распахнувшиеся глаза Эхо, я быстро повернулся к Исайе:

— Хочешь поработать над «Корветт» 1965-го?

— Хочу ли я миллион долларов? Да, чёрт возьми!

— Есть планы после школы? — спросил я. Эхо оглянулась на свой столик, затем снова на меня. *«Ну давай, моя маленькая сирена. Иди ко мне».*

— Мы давно не прогуливали, — сказал Исайя.

— Я в игре, — вставила Бет. — И мне не нужно оправдание с машиной, чтобы прогулять.

— Никаких прогулов. — Я не отводил взгляда от Эхо. Она перенесла вес с одной ноги на другую. Ей нужна была причина, чтобы подойти. Я поднял свой учебник по математике и ткнул на обложку. Девушка выдохнула, её кудряшки дрогнули от порыва воздуха. Наконец, моя нимфа направилась ко мне.

— Привет. — Поздоровалась она так тихо, что мне пришлось напрягать слух. Её глаза скользнули по мне, Бет и Исайе, затем снова ко мне.

— Хочешь присесть? — спросил я, зная ответ. Стоя рядом с моим столиком, она нарушала сотню светских правил своих двинутых маленьких друзей.

— Нет, меня ждут друзья. — Она выделила слово, прежде чем намеренно оглянуться на столик

с девушками, которые внимательно следили за нашим общением. «Очко в твою пользу, Эхо». Я такого натворил в субботу, что она даже не считала нас друзьями. Бет улыбнулась и насмешливо помахала в сторону приятельниц Эхо. Та съёжилась, а я внутренне вздрогнул.

— Что тебе нужно, Ной? — Она смотрела на Бет, пока задавала вопрос, а затем сузила глаза на мне.

— Это Исайя.

Она приподняла брови.

— Ладно.

— Он посмотрит на машину Айреса после школы. Мы можем позаниматься у тебя дома, пока он будет оценивать уровень ущерба.

Её лицо прояснилось.

— Правда?

— Что «правда»? — спросил знакомый голос. Чёрт, это её горилла-переросток. Только я начал затягивать Эхо в свои сети, как её парень-неудачник вмешался и закинул руку ей на плечо.

Эхо продолжала светиться от радости.

— Исайя согласился посмотреть на машину Айреса.

Уголки моих губ приподнялись, а Люка — опустились.

— Когда? — поинтересовался он.

— Сегодня. После школы, — ответил Исайя. Он заёрзал на стуле, чтобы парень мог хорошо его рассмотреть: серёжки, тату — панк во всей своей красе.

— Эхо! — позвала одна из её подружек.

Она оглянулась, затем закопалась в сумке.

— У меня назначена встреча после обеда, но после школы я свободна.

Девушка наклонилась и написала свой номер телефона на салфетке.

Её кофта задралась, открывая вид на декольте. Я окинул Исайю таким взглядом, что он сразу понял — смотреть не стоит; а улыбка, которой я одарил парня Эхо, когда она подвинула ко мне салфетку, заставила кулаки этой гориллы сжаться.

— Мой телефон будет выключен, — сказала девушка. — Но напиши мне свой номер, чтобы я отправила тебе адрес. Увидимся после школы, ребята. — Она отошла, но Люк за ней не последовал. — Ты идешь?

— Сперва возьму что-нибудь поесть.

Эхо прикусила нижнюю губу и украдкой глянула на меня, прежде чем уйти. Значит, для меня ещё не всё потеряно. Мне дали ещё один шанс.

Стул заскрипел по полу, и Люк сел за наш столик.

— Да что с вами такое сегодня, популярные вы наши? Можно оставить нас, лузеров, в покое? — буркнула Бет.

Люк её проигнорировал.

— Мы играли друг против друга в баскетбол когда-то.

Исайя и Бет резко повернули ко мне головы. Я никогда не обсуждал с ними свою жизнь до приёмной семьи. Я сложил руки на груди.

— Да. Было дело.

— Я защитил тебя, и ты надрал мне зад. Твоя команда выиграла. — Он вспоминал эту игру, будто она была только вчера. Для меня же это было миллион лет назад. Эти воспоминания принадлежали мальчику, который умер вместе со своими родителями в пожаре.

Когда я не ответил, парень продолжил:

— В тот день победа была за тобой, но не сейчас. Она — моя. Не твоя. Мы друг друга поняли, амиго?

Я хмыкнул.

— Насколько я знаю, Эхо сама может выбирать. Если ты недостаточно мужик, чтобы её удовлетворить, то... — Я вытянул руки; моя репутация говорила сама за себя.

Люк резко встал с покрасневшим лицом.

— Подойдёшь к ней, и я выбью из тебя всё дерьмо.

Наш король выпускного бала, должно быть, никогда в жизни не дрался. Его тело тряслось. Я продолжал сидеть, зная, что моё спокойствие напугает его больше.

— Ну давай. Я сделаю тебя, как в баскетболе. Только на этот раз судья тебя не спасёт.

Люк пихнул стул к нашему столу и спешно удалился. Бет и Исайя разразились смехом. Я присоединился к ним, пока не заметил ужас на лице Эхо. Прежде чем я успел встать, она сбежала из кафетерия. Чёрт возьми.

Эхо жила в одном из лучших районов города. Не пафосно богатом, но там, где в саду перед домом росли большие деревья, с хорошим озеленением, двухэтажными кирпичными домами и качелями на крыльце. Когда-то я жил в подобном месте — раньше. Могу поспорить, весной место цветёт и благоухает. Должно быть, пахнет нарциссами и розами — как пахло у меня дома. Но теперь всё, что я мог учуять, были грязь и холод. Ненавижу февраль.

Когда мы закрыли машину, открылась дверь в двухместный гараж.

Эхо припарковала свой «Додж Неон» на узкой полосе бетона рядом с домом, оставив в гараже

один лишь красный «Корветт». Со стороны водителя виднелась нога в джинсах.

— У меня встал от одного её вида, чувак, — сказал Исаяя, пока мы шли по тропинке.

— Это любовь, — ответил я, надеясь, что он имел в виду тачку, а не Эхо.

Не хотелось бы бить кого-то, кого я считал семьёй.

Бет проскользнула между мной и Исаяей.

— Скорее, это проблемы с головой.

— И то, и другое. Господи, это оригинальные крылья [20]? — Исаяя погладил машину.

Я зашёл в гараж, и меня окутало теплом. Со стропил свисал обогреватель и несколько лампочек. В тот момент, как мы вошли, за нами закрылась гаражная дверь. У задней и левой стены выстроились лавочки. На досках висели инструменты. В ящиках валялись фотографии людей и машин.

— Может, если бы ты так обращался с девушкой, то у тебя появился бы шанс на серьёзные отношения. — Бет присела на лавочку.

Исаяя ухмыльнулся, исследуя тонкие линии на капоте.

— Если я встречу девушку, которая будет мурлыкать, как эта киска, то буду ласкать её всю ночь.

— Ребята, вы накурились? — послышался голос Эхо из машины. Хриплость и настороженность в её тоне вызвала у меня чувство, будто кто-то вонзил когти мне в сердце.

Бет нахмурилась.

— К сожалению, нет. Твоё до тошноты хорошее поведение плохо влияет на моих мальчиков. — Бет целыми днями жужжала мне на ухо из-за этого. Но мы все были больше, чем просто наркоманы-неудачники, и я хотел доказать это Эхо.

Она оставалась за водительским сидением, не показывая лицо. Я сосредотачивался на машине, делая вид, что имел хоть малейшее представление, о чём там бормотал Исаяя. Один шанс. Вот, что я выбил себе. Если я налажаю сегодня, то буду наблюдать за жизнью Эхо с парнем-гориллой. Всё внутри меня сжалось. Чёрт. Я нервничал из-за девчонки.

Исаяя продолжал поглаживать капот, бормоча несурезицу. Он кидался такими словами, как «крылья», «хром», «тушка» и «скосы».

— Можно перейти ко второй базе? — Глаза парня скользнули по салону, затем по мне. Он склонил голову в сторону Эхо, прежде чем провести рукой под капотом, ожидая, пока она его откроет.

Чёрт. Исаяя никогда не славился наблюдательностью. Моя стычка с Люком, должно быть, разозлила её. Я подошёл к водительскому месту, чтобы перевести фразу своего туповатого лучшего друга.

— Он хочет, чтобы ты открыла капот.

Эхо держала на коленях альбом, её пальцы касались фотографии. На лице девушки снова появилось это растерянное выражение. Такое же, как в прошлом семестре, когда она зашла в кабинет за секунду до звонка, притворяясь, будто других не существовало. Только сейчас я понял, что она не притворялась. В тот момент Эхо жила в своём маленьком мире.

Она говорила, что у неё была назначена встреча, но больше никакой информацией не делилась.

Что-то пошло не так? Я присел рядом с ней, понижая голос, чтобы только она расслышала мою взволнованность:

— Эхо.

Очнувшись от своих мечтаний, она сделала глубокий вдох.

— Да. Капот.

Девушка скользнула рукой под приборную панель и потянула за рычаг.

Глаза Исайи заблестели, когда послышался щелчок замка, и дверь в его волшебный мир открылась.

— Бет, ты должна это увидеть.

— Твоё помешательство на машинах выходит за рамки естественного. — Она делала вид, что ей плевать, но оттолкнулась от лавочки и подошла. — Как ты вообще уговариваешь девушек, чтобы они с тобой переспали?

— Да ладно, ты же знаешь, что слова «большой блок V-8» заставляют твои трусики увлажниться.

— О, детка, — сухо сказала Бет, — возьми меня прямо сейчас.

Эхо внимательно посмотрела мне в глаза.

— Вы точно не накурены?

В моей голове возникло пару саркастических ответов, но я напомнил себе — один шанс.

— Это твой дом, я бы не посмел проявить к тебе такое неуважение.

Правый уголок её губ дернулся.

— Спасибо. — Девушка закрыла альбом. — Готов окунуться в мир физики?

Я оглянулся.

— Где?

— Обычно я учусь здесь.

— Да ты шутишь. — Серьёзность в её зелёных глазах подсказывала мне, что нет, как и сумка с учебниками на пассажирском месте. — Знаешь, большинство людей используют столы и стулья.

вернуться

Эхо пожала плечами, доставая учебник физики и ставя сумку на пол рядом со мной. Она понизила голос.

— У большинства людей нет шрамов на руках, и они не ходят на «настоятельно рекомендуемую службой опеки детей» терапию раз в неделю. Мы будем учиться или нет?

Я открыл дверь и сел на пассажирское сидение. К панели была приклеена фотография Эхо, её руки были обвиты вокруг высокого парня с каштановыми волосами. Судя по всему, Бет забыла рассказать о парне в своей поучительной истории об Эхо. Представляете: наркоманка, которая что-то забыла.

— Кто это?

Нежная улыбка коснулась её губ, но не глаз. В них было столько боли, что я почувствовал, как нож пронзает мои внутренности.

— Это мой брат Айрес. Наша последняя совместная фотография. — Она рассеянно поглаживала альбом на коленях.

Исайя и Бет подтрунивали друг над другом, давая нам минутку приватности.

— Тебе повезло. Всё, что имело для меня хоть какое-то значение, сгорело в пожаре. Всё, кроме братьев. У меня нет ни единой фотографии родителей. Иногда я боюсь, что забуду, как они выглядят.

И звук их голосов. Глубокий смех отца, грудной хохот матери.

Аромат духов мамы, когда она собиралась на работу.

Запах папиного лосьона после бритья. Их крики поддержки, когда я закидывал мяч. Господи, как я скучал.

Я понятия не имел, что погрузился в собственную вселенную, пока холодные пальцы Эхо не сжали мои.

— Хочешь позаниматься чем-то нормальным?

Моё сердце сжалось от боли и удовольствия одновременно. Я неопишимо скучал по родным, и эта прекрасная нимфа меня понимала.

— «За» руками и ногами, — сказал я и открыл учебник по физике.

Звук захлопнувшегося капота напугал нас с Эхо. Мы провели два часа, готовясь к тесту по физике. Если я не сдам завтра это дерьмо, то уже никогда не смогу.

Не знай я его лучше, то решил бы, что Исайя переживал лучший момент в своей жизни, судя по сумасшедшей улыбке на его лице.

— Я знаю, как заставить её работать.

Эхо засветилась от счастья.

— Правда? — Она уронила учебник и выпрыгнула из машины.

Я поборол желание стать за ней и обхватить девушку руками, пока она прыгала от радости перед Исайей. На секунду мне показалось, что он готов присоединиться к её счастливым пляскам.

— Работа незначительная, нужно купить лишь пару частей. Я найду их на свалке. Понадобится время и, вероятно, примерно две сотни.

Глаза Эхо расширились, и моё сердце ухнуло. У неё не было денег. Сколько она могла заработать на занятиях с таким неудачником, как я? У меня были деньги. Я копил каждую копейку, чтобы переехать в свою квартиру после окончания школы и спасти братьев. Можно было бы одолжить их ей и участить наши встречи, пока она не наберёт достаточно денег, чтобы расплатиться со мной.

— Эхо...

Она кинулась на Исайю, крепко обнимая парня.

— Спасибо. Спасибо. Спасибо. Тебе сейчас дать деньги или потом? У меня наличка, если ты не против.

Тот побледнел и уставился на меня, прижав руки по швам.

— Клянусь, я не касался её, чувак.

— Да, но она касалась тебя. — Тёмные круги под глазами Бет намекали мне, что пора вмешаться.

Не обращая внимания на чёрноволосую угрозу позади себя, Эхо отпустила Исайю, светясь, словно Иисус появился и превратил воду в вино. Я почувствовал укол ревности. Чтобы не дать Бет разорвать Эхо на кусочки, я встал между ними.

— Я же говорил, что смогу помочь. — Было дерьмово с моей стороны пытаться напомнить о своих лаврах, но я не мог сдержаться. Мне хотелось быть её чемпионом.

Её щеки покраснели, а глаза заискрились.

— Ной. — Она ахнула. — Мы сделали это. Мы починим его машину. О, Боже, Ной... — Она вскинула руки мне на шею и прижалась головой к плечу.

Я замер. Обнял её — мягкую и тёплую, — закрывая глаза, наслаждаясь покоем, который принесла мне Эхо. Жизнь была бы почти замечательной, если бы я чувствовал себя так всё время. Я уткнулся подбородком ей в макушку, благодарно поглядывая на Исайю. Он кивнул и перенёс вес с одной ноги на другую, мельком взглянув на Бет.

Она схватилась рукой за горло, её лицо побледнело в неверии.

— Исайя, я... — Она попятилась на два шага, прежде чем повернуться и сбежать.

— Бет! — Исайя кинулся за ней. Дверь гаража хлопнула за ним.

Используя руки как оковы, я держал Эхо прикованной к себе, когда она отодвинула голову от моего плеча.

— Что случилось? — спросила она.

«Мои проблемные друзья портят мой момент».

— Исайя влюблён в Бет и не хочет в этом признаваться, а Бет вообще не жаждет любви. По крайней мере, не от парня, которого считает лучшим другом. Но твоё объятие немного взбесило её.

— О. — Она разомкнула руки на шее и оттолкнулась от моего тела, но я не был готов её отпустить — пока нет.

— Ной?

— Да?

— Я, в принципе, закончила тебя обнимать.

Я неохотно отпустил её. Один шанс. Один грёбаный шанс. *«И какого чёрта я теперь должен делать? Чего я хочу?»* Эхо. Ощущать её тело, прижатое к моему, чувствовать её заманчивый запах, позволять ей доводить меня до состояния, когда всё вокруг забывается, кроме неё.

Она собрала учебники в сумку и спросила то, что крутилось в моей голове.

— Что между нами происходит?

«Я не знаю». Я потер лицо ладонями, прежде чем взглянуть на неё. Намёк на её декольте выглядывал из-под футболки. Чёрт, она была сексуальна. И я очень её хотел. Будет ли достаточно одной ночи, даже если она подарит её мне? Эхо уже была моим тяжёлым наркотиком. Таких я намеренно избегал: крэк, героин, амфетамин. Таких, которые играют с твоим разумом, прокрадываются в кровь и делают тебя беспомощным, бессильным. Если она отдастся мне, смогу ли я отпустить её, или буду затянут в эту черную пелену, с крючками в коже, приговорённый к смерти эмоцией, которую я хранил для братьев — любовью?

— Я хочу тебя.

Эхо застегнула сумку и кинула её в дверь к дому.

Сумка с глухим стуком ударилась о дерево и сползла на пол.

— Да? Правда? Ведь мои шрамы такие сексуальные.

Такой она себя видела?

— Мне плевать на твои шрамы.

Девушка резко направилась ко мне, качая бёдрами из стороны в сторону, её глаза потемнели от гнева. Эхо прижалась своим телом ко мне, идеально подходя. Я выругался себе под нос, борясь за контроль над собой.

— И как же ты отреагируешь, когда мы будем так близко, и ты снимешь мою кофту? Всё ещё будешь хотеть меня, когда увидишь красные и белые полосы? Или будешь дёргаться каждый раз, когда случайно прикоснёшься к моим рукам и почувствуешь выпуклую кожу? А когда я прикоснусь к тебе?

Она отошла от меня, оставляя меня в холоде, после тепла её тела.

— Или запретишь это? Будешь указывать мне, как одеваться и что мне можно снимать?

Её ярость лишь подкармливала мою.

— Последний раз говорю, мне *плевать* на твои шрамы!

— Лжец! — рявкнула она. — Единственный вариант, при котором любому будет действительно плевать, это если он будет любить меня. Правда любить, достаточно, чтобы не обращать внимания на мои изъяны. Ты не любишь девушек. Ты занимаешься с ними сексом. Так как же ты можешь хотеть быть со мной?

Она идеально подвела мои итоги. Я не любил людей — только братьев. Эхо заслуживала большего. Кого-то лучше меня. «*Один шанс. Воспользуйся им или иди домой*». Поцелуй её и рискни проявить привязанность, или оставь её и наблюдай, как какой-то другой парень наслаждается тем, что могло быть твоим.

21 - Эхо

По окончании школы я планировала нарисовать мемориальную доску для миссис Коллинз «Терапия — отстой». В бело-розовый горошек, чтобы подходила к занавескам на её окнах.

— Прости, что пришлось поменять время нашей встречи и забрать тебя с бизнес-технологий. Конференция в Цинциннати была просто сказочной! Ты готова к завтрашним танцам в честь Дня Святого Валентина? Когда я была подростком, наши танцы проходили по пятницам, а не по субботам. — Миссис Коллинз начала рыться в растущей стопке документов и папок на столе в поисках моего файла. Как она могла положить его не на место? Благодаря её обильным заметкам, моя трёхдюймовая папка выросла до четырёх.

Женщина отложила файл в сторону, и мне бросилось в глаза имя — Ной Хатчинс. Мы не общались уже полторы недели. Ладно... не совсем так. На прошлой неделе он уделил мне тридцать секунд перед математикой, чтобы обсудить свой последний план атаки. Парень планировал прервать мой сеанс, чтобы спросить миссис Коллинз о каких-то бланках. Он надеялся, что она покинет офис, и я смогу заглянуть в наши файлы. Но всё произошло не так. Ной выбежал из её офиса за десять минут до конца его терапии и не вернулся.

Я хотела побеседовать с ним в понедельник, когда он, Бет и Исая заходили для очередной консультации/починки машины, но Ной строго придерживался разговоров о математике. Когда мы закончили с уроками, он стал общаться со своими друзьями, намеренно исключив меня из их круга.

Не то, чтобы я винила Ноя за то, что он избегал меня. Я много ужасов ему наговорила в гараже. И понятия не имела, как взять слова обратно. Кроме того, как мне вообще объяснить, почему я была в таком скверном настроении?

Чуть ранее в тот день я узнала, что Эшли носила мальчика в своём драгоценном животике. Она легла на стол, глядя на чёрно-белый плачущий экран, и сказала:

— Ох, Эхо. У тебя снова будет братик!

Снова. Будто я потеряла щенка, и она преподнесла мне нового. Меня не интересовала замена.

В тот день Ной пришел ко мне домой и взорвал мой мир, притащив с собой Исайю и его познания о машинах. Он не должен был приводить друга или делиться воспоминаниями о семье. Опять же, он показал, каким невероятно классным парнем он был на самом деле, и что сделала я? Плюнула ему в лицо, что он переспал с каждой девушкой, которая предлагала себя ему. Обвинила его в неспособности любить, потому что он не мог мне сказать того, что я так сильно хотела услышать. Что он хотел не только моего тела... что он хотел меня.

— Да. Я готова к танцам, — ответила я миссис Коллинз, возвращаясь к реальности.

— Фантастика! О, вот же она. — Женщина открыла мою папку и наградила себя глотком своего нового наркотика — диетической колы. — Сегодня я хотела бы обсудить твою маму.

— Что? — Никто не говорил со мной о маме.

— Твою маму. Хочу поговорить с тобой о ней. На самом деле, я хотела бы попробовать с тобой одно упражнение. Можешь описать её пятью словами или меньше?

Ненормальная. Прекрасная. Эксцентричная. Талантливая. Ненадёжная. Я выбрала безопасный ответ:

— Она любила греческую мифологию.

Миссис Коллинз села в кресло в своих джинсах и голубой рубашке.

— Когда я думаю о маме, то представляю печенье с шоколадной крошкой.

— Я почти уверена, что вы знаете — моя мама не из тех, кто готовит печенье. — Или вообще не из типичных мам.

Она хихикнула. Я не подразумевала это как шутку.

— Она рассказывала тебе эти мифы?

— Да, но больше сосредотачивалась на созвездиях.

— Ты улыбаешься. Не часто этого от тебя дождёшься в моём офисе.

Моя мама. Моя безумная, сумасшедшая мама.

— Когда она была в деле, то погружалась в него с головой, понимаете?

— Нет, объясни.

Я начала качать ногой.

— Она... э-э... даже не знаю.

— Что ты имела в виду под «в деле»?

Во рту пересохло, будто я не пила много дней. Я правда ненавидела говорить о ней.

— Сейчас я понимаю, что мои любимые моменты с ней были во время её маниакальных эпизодов. Жаль, что единственные хорошие воспоминания о маме теперь запятнались. Её улыбка заставляла меня чувствовать себя важной. Она рисовала созвездия на моём потолке флуоресцентной краской. Мы лежали в кровати, и она снова и снова рассказывала мне сказки. Иногда она трясла меня, чтобы я не заснула.

Миссис Коллинз постучала ручкой по подбородку.

— Значит, созвездия? Как думаешь, ты бы смогла их узнать сейчас?

Я пожала плечами, ёрзая на стуле. Моя нога неоднократно стукнула по полу. Какую температуру она держала в помещении? Под тридцать градусов?

— Наверное. Я давно не смотрела на звезды.

— Почему? — Отношение миссис Коллинз сменилось с добродушного лабрадора до чисто делового.

По моему затылку сбежала капелька пота. Я убрала волосы в пучок и придержала его пальцами.

— Э-э... не знаю. Из-за облачности? Я не часто выхожу гулять по ночам.

— Правда? — сухо поинтересовалась женщина.

Во мне вспыхнула ярость. Жаль, мои глаза не стреляли лазерными лучами.

— Думаю, я просто потеряла к ним интерес.

— Хочу показать тебе кое-какие картинки, которые могут вызвать твои воспоминания. Ты не против, Эхо?

Э... не совсем, но разве я могла отказаться? Я кивнула.

— Учительница по художественному образованию дала мне твои картины, которые ты нарисовала в девятом классе. Я могу ошибаться, но мне кажется, что это созвездия.

Миссис Коллинз протянула первую. Даже первоклассник мог бы её определить.

— Маленькая медведица, но в греческой мифологии она называлась Урса Минор.

Следующая картина была мне знакома, но другим — вряд ли.

— Водолей.

Третья поставила меня в тупик на секунду. Мой разум замешкался в сером тумане, который я так ненавидела. Я вытащила ответ, пока его не поглотила чёрная дыра. Мне мешало головокружение, позволяя лишь прошептать:

— Андромеда.

Сердце быстро забило в груди, и я отпустила волосы, чтобы смахнуть капельки пота со лба. В животе и горле появилось чувство тошноты. Господи, меня сейчас вырвет.

— Эхо, дыши через нос и попытайся опустить голову. — Я едва слышала слова миссис Коллинз из-за звона в ушах. Чёрная дыра росла, угрожая поглотить меня. Я не могла позволить ей это сделать.

— Нет. — Она не могла расти. И так была слишком большой, такое со мной уже происходило когда-то. В тот раз я чуть не потеряла рассудок.

— Что «нет», Эхо? — Почему она звучала будто издалека?

Я сжала руки у головы, будто это движение могло спасти меня от падения в тёмную пропасть. Вдруг яркий свет прорвался сквозь черноту, и на долю секунды я увидела маму. Она лежала рядом со мной на полу её гостиной. Рыжие вьющиеся волосы выпадали из золотого зажима. Её глаза были широкими — слишком широкими. Моё сердце забилось чаще. Мама потянулась ко мне, шепча слова:

— И Персей спас Андромеду от смерти. Айрес был нашим Персеем. Скоро мы будем с ним.

Острый укол страха — нервирующий, как когда ты смотришь ужастик «Пилу» — вызвал у меня волну адреналина.

— Нет! — закричала я, выставляя перед собой руки, чтобы она меня не коснулась.

— Эхо! Открой глаза! — прокричала миссис Коллинз, её тёплое дыхание грело мне лицо.

Всё моё тело дрожало, и я потянулась, чтобы восстановить равновесие, но была поймана миссис Коллинз. Я часто заморгала и покачала головой. Это не могло вновь происходить. Я не помнила, как встала. Несколько стопок с папками, которые раньше были на краю стола, теперь валялись на полу. Я быстро сглотнула, чтобы облегчить сухость во рту и успокоить нервы.

— Простите.

Женщина убрала волосы с моего лица, на ней застыло выражение радости и сострадания. Будь у неё хвост, она бы сейчас им виляла.

— Не стоит. Ты что-то вспомнила, не так ли?

«Не знаю. Вспомнила ли?» Я вцепилась в её руку.

— Она рассказывала мне историю Андромеды и Персея.

Миссис Коллинз сделала глубокий вдох, кивнула и помогла мне опуститься на пол рядом с перемешанными папками.

— Да, рассказывала.

Всепоглощающая жара, которую я чувствовала раньше, испарилась, на замену ей пришёл холод с липкими мурашками и бесконтрольной дрожью. Женщина вручила мне новую диетическую колу, прежде чем вернуться за стол.

— пей. Кофеин поможет. Думаю, на сегодня хватит. Если честно, тебе стоит пойти домой. Но это твой выбор, конечно же.

Я уставилась на бутылку, сомневаясь, что у меня хватит сил её открыть.

— Почему она рассказывала мне эти истории? И почему сказала, что мы скоро будем с Айресом? Забыла, что он мёртв?

Миссис Коллинз склонилась надо мной.

— Остановись. Ты сделала огромный прорыв, а теперь тебе нужно дать своему разуму и эмоциям отдохнуть. Эхо?

Она подождала, пока я не уделила ей всё своё внимание.

— Ты не потеряла рассудок.

Я резко всосала воздух. Я вспомнила кое-что и не потеряла рассудок. Во мне загорелась надежда. А вдруг это возможно? А вдруг я могу всё вспомнить и сохранить себя?

— Теперь скажи мне, домой или на учёбу?

Диетическая кола задрожала в моей руке.

— Не уверена, что я могу вернуться на учёбу.

Женщина ласково улыбнулась.

— Хорошо. Ты не против, если я выйду и наберу твоего отца с Эшли, чтобы рассказать, что случилось и что ты возвращаешься домой?

— Конечно.

— Кстати. Я горжусь тобой.

Миссис Коллинз закрыла за собой дверь. Слава богу. Последнее, что мне было нужно, это люди в офисе, которые могли бы застать меня в таком состоянии — дрожащей на полу, среди кипы папок. Папки. Папки!

Я осмотрела пол и тут же заметила папку Ноя, но моя лежала на столе... открытой. Она была там — каждый момент, каждый секрет, каждый ответ. Ной должен быть первым. Но мои глаза продолжали возвращаться к моему файлу. Желание заполнить свою чёрную дыру давило на меня. Но Ною нужна была мелочь, с которой можно быстро разобраться — фамилия, адрес, номер телефона и... я накричала на него. Сначала его папка, затем моя.

Передвигаясь на четвереньках, я вытащила его файл и быстро просмотрела страницы в поисках намёка на имена Джейкоба и Тайлера. Первая страница — ничего. Вторая — ничего. Третья, четвёртая, пятая. Я глянула на свою папку. Чёрт, у меня кончалось время.

Шестая, седьмая, восьмая. Девятая — Тайлер и Джейкоб Хатчинсы.

Отданные в приёмную семью штатом Кентукки после смерти своих родителей. Временно живут с Кэрри и Джо...

Дверь открылась, и я кинула папку на пол.

— Эхо, ты в порядке?

Я села на колени.

— Пыталась встать, но голова закружилась. — Моргнула три раза подряд.

Она кинулась ко мне, в её тоне слышалась забота:

— Мне так жаль. Я худший терапевт на свете! Оставлять тебя здесь, слабую, как котёнок. Твой отец наверняка лишит меня лицензии. — Миссис Коллинз помогла мне подняться. — Давай отведём тебя в медпункт, полежишь немного. Раскладушка там должна быть помягче, чем пол.

— Ной! — Мой первый зов он проигнорировал.

Медсестра, наконец, отпустила меня, когда от большой перемены оставалось десять минут. В тот момент, как я зашла в кафетерий, он, Исая и Бет выкинули свой мусор и ушли.

Может, он и не услышал меня тогда, но я была уверена, что услышал в коридоре. У меня едва хватило сил догнать его, когда троица направилась к шкафчикам на нижнем этаже. Вцепившись в перила для поддержки, я потащила вниз по лестнице.

— Ной, пожалуйста.

Они продолжали идти, но он быстро оглянулся через плечо и замер на месте. Парень уронил свои книги и кинулся ко мне, ловя меня в тот момент, когда я споткнулась на последней ступеньке.

— Что случилось? Ты неважно выглядишь.

Слабый котёнок? Скорее коматозная медуза. Мои ноги подкосились, и Ной помог мне опуститься на пол. Он сел рядом, сильной рукой поглаживая моё лицо.

— Ты чертовски пугаешь меня.

— Питерсоны. Приёмные родители Тайлера и Джейкоба — Кэрри и Джо Питерсоны. Прости. Миссис Коллинз вернулась до того, как я успела посмотреть оставшуюся информацию. — Я прислонилась горящим лицом к прохладной бетонной стене. Ох... как же хорошо.

— Никаких извинений. Я мог бы тебя расцеловать сейчас! — Судя по взгляду в его шоколадно-карих глазах, он говорил это всерьёз.

— Не стоит. Кажется, меня сейчас стошнит. — Я обожала его улыбку — отчасти озорную, отчасти загадочную.

— Ной, — позвал Исая. Он и Бет ждали в конце коридора.

Его рука опустилась с моего лица, и я вздохнула. Мы больше не были друзьями. Почему это ранило мне сердце?

— Иди. Я в порядке.

— Я буду через секунду. — Его глаза не отрывались от моих. — Так ты и в свой файл заглянула?

— Не успела. Твой я посмотрела первым.

Ной провёл рукой по лицу.

— Почему? Почему ты прочитала мой первым?

— Он лежал ближе. — Потому что я должна была это сделать... для него. — Кроме того, я кое-что вспомнила с той ночи. Немного, но достаточно, чтобы испугать меня до чёртиков. — И добавить топлива к моим кошмарам на недели. Кому нужно больше трёх часов сна? Не мне.

Прозвенел звонок, оповещающая об окончании перемены. Ной встал и помог мне подняться.

— Пошли, я отведу тебя на занятие.

Я взялась за его тёплую ладонь, просто потому, что хотела.

— Я иду домой. Чуть не поджарила себе мозги сегодня. Миссис Коллинз позвонила Эшли, чтобы сказать, что я уже в пути, и подозреваю, что она закатит истерику, если я вскоре не появлюсь. Не ожидала, что мне придётся бежать за тобой, фигурально говоря, через всё футбольное поле.

Он сжал мою руку.

— Да. Прости. Я был... придурком.

По крайней мере, он это признал. Я отпустила его и открыла боковую дверь.

— Всё нормально. Расскажи мне в понедельник, что я пропустила на занятиях.

22 - Ной

— Обязательно поговори с ними обо мне. Я хочу, чтобы твои братья знали, кто я такая, когда переедут жить к тебе. — Бет скрылась за облачком пара, поднимающегося из-под шипящего утюга. Она методично гладила рукава моей белой рубашки.

— Будет сделано. — Я продолжал чистить пару чёрных туфель, найденных мною в «Гудвиле». Они подходили, но были чертовски потёртыми.

Исайя спустился в подвал, схватил одну туфлю и тряпку и присоединился ко мне на диване.

— Зачем тебе это, чувак? Они твои братья. Им плевать, если ты появишься в порванных джинсах и старой футболке.

— Это не ради них. А ради моего соцработника и тех выскочек, их приёмных родителей. Всё, что я говорю и делаю, будет оцениваться. Мне нужно, чтобы они видели во мне добропорядочного гражданина. — Чтобы они доверили мне двух самых важных людей в моей жизни.

— Так... — Парень переглянулся с Бет. — Что происходит между вами с Эхо?

Утюг заклокотал, когда девушка поставила его на доску. Она осмотрела рубашку, не пропустила ли какую-то складку, прежде чем вручить её мне.

— А как же «чисто деловые» отношения? Знаешь, когда в дело не вступали эмоции и

похотливые мыслишки?

Я натянул рубашку. Тепло от глажки помогло мне облегчить напряжение в шее.

— Ничего не изменилось.

Бет устроилась рядом с Исайей, кладя голову ему на плечо.

— Тогда что произошло вчера?

Мне было сложно смириться с упрёками короля и королевы отрицания. Исайя и Бет жили в странном мире, где было неприято выставлять свои чувства напоказ, но эти двое явно тяготели друг к другу. Я нутром чуял, что в один день обнаружу их голыми в постели.

— Эхо удалось заглянуть в мою папку и найти фамилию приёмных родителей братьев. Я не в силах дать ей нормальных отношений, но могу предложить дружбу. Только настоящий друг мог пойти на такое.

— Или влюбленная девушка, — буркнула Бет.

Я влез в туфли и завязал шнурки. Был ли у меня больше чем один шанс? Моё прошлое говорило об обратном, но с того момента, как Эхо вошла в мою жизнь, со мной начали происходить чудеса.

— Как бы вы отреагировали, если бы я начал встречаться с ней?

Подруга фыркнула от отвращения.

— Купили бы клей для твоего разбитого сердца. Посмотри, сколько всего ты для неё сделал, и куда в итоге она идёт сегодня вечером? На танцы с королём Люком, а не с тобой.

Образ этой макаки с руками вокруг неё разгорячил мою кровь до температуры лавы. Я подавил свои эмоции. Единственной моей заботой были братья, и если я не подниму сейчас свою задницу, то опоздаю к ним на встречу.

— Увидимся позже.

Бет крикнула мне вслед:

— Скажи им, что тётя Бет их любит!

Я прошел мимо Дэйла и Ширли, обедающих и не признающих моего существования. Когда Тайлер и Джейкоб переедут ко мне, наша жизнь совсем не будет похожа на нынешнюю. Мы будем общаться каждую чёртову минуту. Я буду знать обо всём, что происходит в их жизни.

Когда я вышел наружу, моё свежевыбритое лицо стало покалывать от февральского воздуха.

— Эй! — крикнул из дому Исайя, следуя за мной. Он потянул за свою сережку, прежде чем заговорить:

— Слушай, чувак, я всё понимаю. Мы ни к кому не привязываемся. Стоит нам начать зависеть от чего-то или кого-то, как система вырывает это из наших рук. Но Эхо вне системы, приятель. Она девушка, которая вчера фигово себя чувствовала, но всё равно последовала за тобой, когда мы решили, что тебе стоит вести себя как придурок, вместо того, чтобы быть её другом.

Я провёл рукой по волосам, а затем вновь взъерошил их так, чтобы они лезли в глаза.

— Бет права.

— Бет не может объективно оценивать ситуацию. Если когда-нибудь скажешь ей, что я тебе это рассказал, ты покойник. Летом перед десятым классом Люк переспал с ней. Она вправду верила, что этот мудака любил её. Чувак, она была девственницей. Но после он ни написал ей, ни позвонил, ничего. Мы с тобой тоже те ещё козлы, но хотя бы не скрываем этого. Девушки не ждут от нас объятий или звонка.

У меня и раньше был повод надрать Люку задницу, но теперь появился ещё один. Бет была мне сестрой, плевать на кровные связи.

— Какое отношение это имеет к Эхо?

— Популярные мрази — у Бет они эквивалентны системе. Соцработники и судьи превращают нашу с тобой жизнь в ад. Люк и Грейс — это её монстры. Эхо и Люк были легендарной парочкой, когда мы учились в девятом классе. Она верит, что Эхо такая же, как и он.

— Но это не так, — сказал я, садясь в машину. Желание защитить девушку от всех наклёпов бурлило в моих венах.

Судя по тому, как Исая повержено сжал челюсть, он уже говорил об этом с Бет. Парень направился к дому.

— Знаешь, ты выглядишь так, будто собираешься на танцы.

Я показал ему средний палец и выехал со двора.

К моему удивлению, я обнаружил миссис Коллинз в комнате ожидания, сидящей в блестящем чёрном платье до колен. Обычно мне была ненавистна мысль, что мы с ней находимся на одном континенте, но сегодня? Плевать. Через пять минут я увижусь с братьями.

— Как оно, миссис Коллинз?

Она от души рассмеялась.

— Какая честь. Никогда бы не подумала, что окажусь среди привилегированного общества, которое ты одариваешь своим «как оно?».

— Может, вы никогда не бывали раньше на таких мероприятиях, но здесь всё не так уж формально. Гляньте-ка. — Я открыл сумку и достал коробку. — Я любил эту игру в детстве. Мы с папой постоянно в неё играли.

Я всегда играл чёрными, и он позволял мне сделать первый шаг. Тот, кто выстраивает четыре фишки вряд, выигрывает. Мне это удавалось чаще, чем отцу.

— Спасибо за подсказку. После нашей встречи я собираюсь на танцы. Кто же счастливица, которую ты сегодня поведёшь на праздник? — Эта женщина снова проделывала свою фишку: делала безобидный вид маленького щенка и при этом задавала вопрос, который мог мне

аукнуться, если я отвечу неправильно.

— Простите. Я не танцую.

— Какая жалость. — Она постучала пальцами по столу. — Что случилось с той девушкой, которой ты одалживал свою куртку в прошлом месяце?

Чёрт, сам завёл себя в тупик. Я уставился на дверь, молясь, чтобы через неё ворвались братья и спасли меня.

— Она с другим кавалером.

— Это её упущение.

Я сложил руки на коленях. Некомфортное молчание, растущее между нами, перешло на новый уровень. К этому моменту Эхо могла бы уже простучать своей ногой подземный путь в Китай.

Эхо, девушка, которая не могла выйти у меня из головы.

Секундная стрелка на часах над дверью громко отбивала счёт.

Где мои братья?

— Почему вы здесь?

Она приподняла брови и улыбнулась.

— Ной, мы это уже обсуждали. Как твой клинический соцработник я должна вмешиваться в каждый аспект твоей жизни. Это включает и твоих братьев.

— Ной! — Крик Джейкоба из коридора пронзил мне сердце. Я резко встал, чтобы найти его, но миссис Коллинз переступила мне дорогу.

— Нет. — Она прижала свою ухоженную ладонь к моей груди. — Поверь, с ним всё в порядке.

Будучи на добрых 30 см выше, я намеренно стал нависать над ней.

— На случай, если вы ещё не поняли, я вам не доверяю. А теперь уйдите с дороги, прежде чем я сам вас не подвинул.

Поразительно, но она не убрала руки.

— Сегодня утром у него был турнир по баскетболу, и на пути сюда мальчик заснул. Джо уложил его на диване в соседней комнате. У Джейкоба проблемы со сном, и у его приёмных родителей не хватило духу, чтобы разбудить его. Обещаю, у тебя будут твои два часа.

Я оглянулся на дверь, затем снова на миссис Коллинз.

— У вас есть тридцать секунд, чтобы объясниться, прежде чем я ворвусь в ту комнату. — Она сделала глубокий вдох, напрасно тратя моё время. — Один...

— Как думаешь, насколько здоровый сон у ребёнка, который пережил что-то ужасное?

Её слова мгновенно меня остановили, и я вспомнил о проблемах Эхо.

— Хотите сказать, он страдает от кошмаров?

— Нет, но я знаю одного такого ребёнка и могу тебе сказать, что за все три года он ни разу не смог проспать всю ночь.

Я закрыл глаза. Сколько в этом мире было несправедливости.

— Почему мне об этом не рассказали?

— Это личная информация. Кроме того, Джейкоб хочет, чтобы ты видел его таким же, каким он видит тебя — сильным героем.

Концовка её фразы взорвала мне мозг, но я не мог сосредоточиться на этой информации, когда мой братишка нуждался во мне.

— Личная? — Я открыл глаза, и комната окрасилась в красный цвет. — Я его брат!

Женщина вперилась в меня взглядом.

— Именно. Ты его старший брат, а не опекун. Ты знаешь, что у тебя нет доступа к личной информации.

Это правда. Я потерял все права на своих братьев в тот момент, как мой кулак соприкоснулся с челюстью моего первого приёмного отца.

— Ной! — Его душераздирающий крик раздался эхом в комнате. К чёрту.

— Пожалуйста, позволь Кэрри и Джо самим справиться, — молила миссис Коллинз, но я обошёл её и вышел из помещения. В коридоре стояла Киша, на руках у неё был Тайлер. А какое оправдание они придумали для него, чтобы держать от меня подальше? С этим я разберусь позже.

— Тащи свою задницу обратно, мальчик. Кэрри и Джо сами разберутся, — сказала она.

Я полностью её проигнорировал и прошёл мимо, на мгновение кладя руку на голову Тая. Из соседней двери доносились сдавленные крики. Я распахнул её и обнаружил приёмных родителей мальчиков, сидящих на ковре рядом с Джейкобом: его неконтролируемо трясло.

Глаза мужчины расширились, когда я зашёл.

— Что ты здесь делаешь?

Щеки и баскетбольная майка Джейка были мокрыми от слёз. Его лицо покраснело, руки были крепко прижаты к груди, он бормотал что-то неразборчивое. Я сел рядом с Кэрри, в дюймах от своего брата. Когда я собрался прикоснуться к нему, она схватила меня за запястье.

— Лучше не трогать, только хуже будет.

Я выдернул руку из её хватки и приложил её ко лбу Джейкоба, повторяя мамины движения.

— Эй, Джей, это я. Ной. Проснёшься ради меня, приятель?

Его тело задрожало, и он простонал:

— Ной.

— Ты не понимаешь, он без сознания. И не знает, что ты на самом деле здесь. — Женщина смахнула слёзы с глаз. — Мы знаем, что делать. Мы о нём заботимся. А не ты.

— Вижу, вы проделали великолепную работу. Вы, часом, золотых рыбок на досуге не убивали?
— Я подхватил брата и сел на диван, баюкая его в своих руках. Напевал ему на ухо любимую мамину песню.

Продолжал нащёптывать слова, пока его слёзы и конвульсии не сошли на нет. Наконец он открыл глаза, выражая, скорее, смиренность, чем недоумение.

— Ной?

— Привет, братишка.

Во время нашей встречи Тайлер нарисовал мне рисунок. Много-много рисунков. Он улыбнулся и обнял меня, прежде чем они ушли, но так и не сказал ни слова. Мы с Джейкобом раз сто сыграли в настольную игру, всё это время он сидел у меня на коленях. Когда Киша объявила, что наша встреча окончена, казалось, будто кто-то вырвал моё сердце, разорвал его на кусочки и облил спиртом. Джейк так крепко сомкнул руки на моей шее, что перекрыл мне дыхательные пути.

— Ной, мне страшно, — прошептал он.

— Джейкоб, время... — начала Кэрри.

Миссис Коллинз шикнула на неё и указала мне продолжать. Мои глаза расширились, и я прижал мальчика ближе к себе. Чёрт возьми.

Какие вопросы мне задавала миссис Коллинз?

— Чего ты боишься?

— Что, если случится ещё один пожар? Тебя не будет рядом, чтобы спасти меня.

— Я всегда смогу спасти тебя. — И это была правда. Я переверну планету с ног на голову. Я добровольно пойду в ад и останусь там. Я отдам всё ради него.

Братик шмыгнул, и его тело снова задрожало. Я рассеянно погладил его по спине.

— Всё нормально, братишка.

— Но если будет ещё один пожар...

Миссис Коллинз указала на Джейкоба, а затем на Кэрри и её жалкого мужа. Намёк был ясен как день. Я скорее вернусь к одним из своих прошлых приёмных семей, чем скажу ему довериться этим идиотам.

— Не будет другого пожара.

Женщина в отчаянии взмахнула руками и покачала головой.

Он прошептал мне на ухо:

— Откуда ты знаешь?

Я поцеловал малыша в щёку и ответил:

— Знаю.

Едва различимым голосом, Джейк попросил:

— Пожалуйста, не говори никому.

— Ни за что.

— Никому не говори что, Ной? — Миссис Коллинз посмотрела в двустороннее зеркало, поправляя причёску.

— А? — Я надел куртку и взял рисунки Тайлера.

— Джейкоб прошептал тебе, чтобы ты никому не говорил, и ты согласился. — Она повернулась и улыбнулась. — Я умею читать по губам.

Ну конечно. Чего, чёрт возьми, эта женщина не умела делать? Ах да, водить.

— Наверное, вы что-то не так поняли.

— Вот и нет. — Она расправила платье. — Что скажешь, не слишком вычурное? Я никогда раньше не была дежурным учителем на вечеринке. Не то, чтобы это имело значения, у меня всё равно нет времени переодеться. Секреты не помогут твоему брату.

Какого чёрта? Эта дамочка вообще в состоянии придерживаться последовательности в своих мыслях? Платье, дежурство на танцах, мои братья? К чёрту хорошее впечатление. Она влезла на территорию, от которой я бы предпочёл, чтобы она держалась подальше.

— Вы ничего не знаете ни обо мне, ни о моих братьях, потому предлагаю вам отвалить.

— Тяжело тебе живётся без доверия к кому-либо, — ответила она раздражающим голосом человека, который считал себя старше и мудрее. — Тебе только кажется, что весь мир настроен против вас с братьями. Ты не устал чувствовать себя несчастным? Не хочешь узнать, каково это, снова быть счастливым?

Да, но мир не работает по таким правилам... по крайней мере мой.

Она подняла рисунок, который нарисовал ей Тайлер.

— Ты не обретёшь счастья, пока не научишься доверять людям. И если начинать, то почему бы не с меня?

У меня на то было миллион причин.

Я натянула перчатки в миллионный раз за вечер.

Когда Люк предложил присоединиться к Лиле, Грейс, Натали и паре других девочек с их парнями и проехаться на лимузине, я тут же согласилась. Сделала ошибку, посчитав, что это сдержит Люка от того, чтобы обследовать мое тело своими ручищами. Как бы ни так.

Лимузин припарковался у школьного спортзала. Рука парня задела мою грудь, и он прошептал мне на ухо:

— Эхо, ты такая сексуальная.

Я отодвинулась от него, учуяв запах пива изо рта, и оглянулась, не заметил ли кто, что он меня облапал. Затем прошептала в ответ:

— Прекрати. Люди же смотрят!

Он допил остатки пива, снова прижимаясь ко мне.

— Скажи, что это случится сегодня. Родителей не будет до завтра, и твой папа сказал, что ты можешь гулять, сколько захочешь. У нас впереди вся ночь... — Его рука опустилась к моей заднице.

Замечательно... папа определённо хотел, чтобы меня затащили в постель. Я шлёпнула его по руке.

— Ты же обещал дать мне время, чтобы подумать.

— У тебя было его предостаточно. Ну давай, ты така-а-ая красивая. — Как прелестно, он уже пьяно растягивал слова, а мы ещё даже не станцевали первый танец.

Лимузин остановился, и Стивен открыл дверь.

— Дамы вперёд. — Он указал Лиле, чтобы та выходила, но я рванула из машины первой, да так, словно моя одежда загорелась.

Дальше вылезла Лиля. От неё тоже пахло пивом.

— Ты в порядке?

— Ага, — соврала я. Люк пометил свою территорию, ведя себя последние несколько недель эквивалентно школьному представлению о писающей на пожарный гидрант собаке — держал меня за руку, обнимал, сидел за мной за ланчем. Таким образом я снова влилась в общество. Для Лилы, Грейс и Натали жизнь, наконец, вернулась на круги своя.

Для меня же эта обыденность не была так уж хороша. Конечно, люди начали со мной общаться, но Люк в качестве парня и Грейс как официальная подруга не спасали меня от слухов и косых взглядов. Огромная зияющая дыра внутри меня не заполнилась, как я того ожидала. Откровенно говоря, она только увеличилась и углубилась.

— А вот и нет. — Лиля перестала говорить, когда Грейс приобняла нас.

— Я счастлива! — Девушка поцеловала меня в щёку, а затем Лилу. — Мы снова вместе.

Люк протянул мне руку. Я взяла её и позволила парню повести меня на танцы. Комитет, отвечающий за декорации, попытался переделать спортзал в райский островок. Три блестящих пальмы и фотография океана на стене не скрывали баскетбольных колец или трибуны, а также вонь грязных носков из мужской раздевалки.

Люк танцевал лишь медляки, оставляя меня на быстрые танцы с Лилой, Грейс и Натали. В это время он постоянно ходил в мужскую раздевалку вместе со своими друзьями. К сожалению, при каждом своём возвращении он выглядел всё более пьяным.

— Я слышала, что все собираются на вечеринку к Люку после окончания танцев, — сказала Грейс, когда мы сделали передышку и сели за столик.

Она положила голову мне на плечо, и моё сердце слабо дрогнуло от радости. Мне нравилось, что мы снова могли быть публичными друзьями.

— Он упомянул об этом. — И что мне стоит прокрасться в их раздевалку, чтобы выпить и расслабиться. Я наблюдала, как Лила и Стивен вертят задницами, ой, простите, танцуют на деревянном танцполе. Танцы были своеобразной лазейкой в школьных правилах о близости учеников.

— Ты готова? — спросила девушка.

— Давай подождём ещё одну песню, и тогда я смогу снова пуститься в пляс. У меня пальцы болят от этих туфлей. — Стоило мне снять каблуки, как кровь снова прилила к ногам. Я осмотрела тёмный зал и заметила своего кавалера, смеющегося с ребятами из баскетбольной команды. — Наверное, мне стоит потанцевать с Люком.

Грейс рассмеялась.

— Нет же, глупышка! К сегодняшней ночи. Я слышала, как он просил тебя сделать *это*.

Уровень моей крови и энергии упал к ногам и вытек из тела на пол. Тёмные мешки под глазами, которые я старательно скрыла косметикой, отяжелели. Я потёрла веки, надеясь оживиться. Нет. Я не была готова.

— Эй, красотка.

Люк одарил меня хитрой ухмылкой, появляющейся на его губах только тогда, когда он был пьян. Грейс хлопала меня по колену, оставляя наедине с парнем. Я не только не была готова, но ещё и должна была проинформировать его об этом. Отстойный выдался вечер. Я выдавила улыбку, когда он встал.

— Мы можем поговорить?

Его рука, мокрая от бог знает чего, коснулась моей щеки.

— Конечно. Через секунду. Мне нужно ещё выпить. — Его глаза засветились, будто он нашёл лекарство от рака. — Хочешь пойти? Мы уже дали выпить Лиле и Натали.

— Нет. — Заиграл третий медляк за вечер. Грейс помахала мне, её глаза наполнились отчаянием. Напоминали о том, чтобы я не испортила сегодняшние танцы. — Потанцуй со мной, Люк. Затем мы прогуляемся и поговорим, ладно?

Хорошо поговорим. О том, что действительно чувствуем. Это будет одна из тех безумных бесед, в которой ты узнаёшь что-то настолько сокровенное о человеке, что не можешь в него не влюбиться.

Я знала, что не была готова к сексу, и Люк ответит, что понимает. Что достаточно меня любит, чтобы ждать вечность, а затем расскажет что-то такое, что не говорил никому другому. Я смогу поделиться с ним своими страхами о том, что никогда не узнаю, что со мной случилось, и еще большими страхами, что мне откроется правда.

Парень скажет, что ему плевать на мои шрамы, что я могла бы показать их всему миру, и он всё равно бы остался со мной. А я?

Я влюблюсь в него и внезапно соглашусь сделать «это».

«Как с Ноем». Я отбросила эту мысль.

Касаясь его лица, я позволила своим пальцам в перчатках погладить его подбородок, как он и любил. Его губы дёрнулись вверх.

— Видишь, красотка, я же говорил, что мы снова сблизимся.

А мы могли... возможно.

— Да.

Он взял меня за руку и повёл на танцпол.

Вот она. Нормальная жизнь. Любящий парень, который принимает меня такой, какая я есть.

Естественно, это заполнит мою зияющую дыру. Я оглянулась на своих друзей и сверкнула искренней улыбкой Грейс, Натали и Лиле. Моё сердце запело, когда лица троицы загорелись, как бенгальские огни, зная, что впервые за очень долгое время они видели меня счастливой.

Счастье — оно было так близко, что я могла распробовать его на вкус. Тут я замерла. Мои ноги, сердце, счастье, я целиком — всё замерло. Мы прошли мимо танцпола и вышли в коридор, ведущий к уборной.

— Куда ты идешь?

— Я же сказал, в раздевалку.

Я выдернула руку.

— А как же танцы и наш разговор?

— Да-да, конечно, как скажешь. Позже. У нас заканчивается спиртное. Если не пойду сейчас, то упущу свой шанс. — Он даже не представлял себе, насколько был прав.

— Да, упустишь.

Его неменяемый мужской разум не додумался, что я имела в виду, потому парень поцеловал меня в щёку.

— Я знал, что ты поймешь. — И Люк ушел.

Я прислонилась к дверной раме. Часть меня была скрыта в тени школы. Другая освещалась лампами коридора.

Идиотка. Я была идиоткой. Я сморгнула пару раз, пытаюсь сдержать слёзы, и обхватила себя руками. Мне должно быть больно, но нет, я ничего не чувствовала.

Поскольку никогда не верила всей душой, что наша попытка воссоединиться закончится успехом. Я надеялась на это, но никогда не ставила своё сердце под угрозу. Душа болела от разочарования. Я пыталась пожить нормально, и попытка провалилась. Я... сплошное разочарование.

В отличие от тестов, эту часть своей жизни я не могла пересдать, стирая неудовлетворительный балл. Передо мной не было чистого холста, чтобы начать новую картину, или альбома для набросков. Мама подвела меня, а мои руки служили гарантией, что я всегда буду подводить себя.

— Я же говорил, что ты заслуживаешь лучшего.

Моё сердце дрогнуло от звука этого низкого игривого голоса.

— Ной?

Прямо как вор, он вышел из тени в белой рубашке, висящим на уровне третьей пуговицы черным галстуком, синих джинсах и чёрных армейских ботинках. Его тёмно-коричневые волосы, как обычно, лезли в глаза.

— Эхо, ты выглядишь... — Его глаза обследовали моё тело, а затем медленно поднялись к лицу. Губы парня расплылись в шаловливой улыбке. — Appetitно.

Я громко рассмеялась, из-за чего на меня уставилось несколько младшекласников, проходящих мимо. Впервые за долгое время мне было на них плевать.

— Appetитная, как куриные крылышки или сочный гамбургер?

От его смеха у меня защекотало в животе. Ной сделал шаг ближе, определённо нарушая моё личное пространство.

— Appetитная, в смысле твой парень идиот, раз оставил тебя здесь одну.

— Он не мой парень. — И никогда им не будет.

— Хорошо. Потому что я собирался пригласить тебя на танец. — Как по команде, заиграл очередной медляк. Ной не предлагал мне свою руку, чтобы повести меня на танцпол. Вместо этого, стоя между входом в спортзал и раздевалкой, он обхватил руками мою талию и потянул к себе. Господи, до чего же было хорошо — парень был тёплым, надёжным. Я скользнула руками к его шее, позволяя пальцам в перчатках задеть его кожу.

— А я-то думала, что ты не танцуешь.

Ной прижимал меня достаточно близко, чтобы разглядеть его шоколадные глаза.

— Так и есть. Ещё днём я не планировал сюда приходить. — Он сглотнул. — Эти танцы, похоже, чертовски важны для тебя. А ты... ты важна для меня. — Он перестал качаться из стороны в сторону и отвернулся. Моё сердце билось так громко, что он просто обязан был его слышать,

если не чувствовать через мою грудь.

— Эхо, я не могу сказать тебе, что будет дальше, так как сам не знаю. Я не держусь за руки в коридорах и не сижу за чужими столиками за ланчем. Но, клянусь... своими братьями, ты никогда не будешь для меня развлечением или просто девушкой на заднем сидении моей машины.

Близость его тела сделали невозможным выражение тысячи эмоций, бурлящих внутри меня. Мои пальцы поднялись с его шеи к голове. Я схватила парня за волосы и поманила его к себе. Я не могла ответить, но могла показать ему.

— Отойди от моей девушки, Хатчинс.

С быстротой льва, Ной вывел нас в коридор и отодвинул меня за себя. Он встал между мной и Люком.

— Она не твоя.

Лицо парня покраснело, и он сжал кулаки. Стивен, Чэд и пару других ребят вышли, спотыкаясь, из раздевалки. Их смех испарился, стоило им заметить Люка, Ноя и меня.

Вот дерьмо.

Мой бывший посмотрел прямоком на меня.

— Иди сюда, Эхо.

— Нам нужно поговорить. В спортзале. — И убраться отсюда.

К месту, где было много-много учителей, которые должны были предотвратить подобные ситуации. Я начала двигаться в сторону зала, но парни остались стоять.

Стивен подошел к Люку.

— Нехорошо подкатывать к чужой девушке.

Эй? Кто-нибудь меня слышал? Повторю вкратце: мне нужно было поговорить с Люком, и мы все собирались идти в зал, чтобы за нами могли приглядывать взрослые. Я обхватила пальцами руку Ноя и слегка потянула.

— Ной.

Он сжал мою руку в ответ, прежде чем отодвинуться.

— Почему бы тебе не пойти к девочкам? Я подойду через пару минут.

— Э-э, нет. Только вместе со всеми вами.

Люк с горем пополам подступил к парню.

— Да, иди, Эхо. — Только не это. Люк не собирался останавливаться. Вообще-то, он набрал скорость и врезался в Ноя. Оба ударились об стенку.

— Нет!

Мой бывший стукнул Ноя в челюсть. Из уголка его губ потекла кровь, когда он врезал кулаком по животу Люка и оттолкнул его от себя.

— Да ладно тебе, парень, — сказал Ной, вытирая кровь с губ. — Ты не хочешь этого делать.

— Я предупреждал, чтобы ты держался от неё подальше, — закричал Люк, снова бросаясь на Ноя. Будучи подготовленным на этот раз, он вновь заехал Люку по животу и толкнул его на пол.

— Отлежись, Мэннинг, — процедил он.

Парень попытался подняться, глядя исподлобья на Ноя. Я кинулась к ним. Это должно было прекратиться. Но я немного опоздала. Люк набросился на Ноя в тот же момент, как я ступила между ними. Внутренности моего живота превратились в цемент. Я утратила возможность дышать и почувствовала сильную боль.

— Эхо! — закричали голоса с разных сторон.

У меня слишком болел живот, чтобы двигаться, открывать глаза или говорить. О боже. В мои лёгкие не поступало воздуха. Я заставила себя открыть рот и попыталась всосать кислород. Не-а, ничего. Ещё разок... да! Небольшой, но всё равно вдох... а вот боли он принёс предостаточно. Одна моя щека коснулась холодного пола, а другую накрыли волосы. Чёрт. У меня ушёл час на эту причёску. Господи, кажется, я что-то пробила, например, печень.

— Боже... О боже, я ударил её, — бормотал Люк где-то неподалёку.

— Убирайся от неё, придурок, — рявкнул Ной. Тёплые пальцы коснулись моего лица, убирая назад волосы. Он понизил голос:

— Эхо, ты в порядке?

Всё те же тёплые пальцы покинули моё лицо, но затем накрыли мою руку. Я сосредоточила всю свою энергию, чтобы надавить на ладонь Ноя. Он надавил в ответ.

— Я позабочусь о тебе, обещаю.

— Что здесь происходит?

Я застонала, но не от боли, а из-за человека, вышедшего в коридор — миссис Колинз.

— Эхо? Эхо! — её каблуки спешно застучали, приближаясь ко мне. Ещё одна рука, холодная и нежная, коснулась моего лица. Я заставила себя открыть глаза и часто заморгала, чтобы в них перестало двоиться.

— Как ты?

Плохо.

— Нормально. — Несмотря на крики протеста каждого мускула моего тела, я подняла голову с пола. Ной поддержал меня за спину и помог сесть, находясь в сантиметре позади меня.

Добрые глаза миссис Колинз смягчились.

— Что случилось? — Она осмотрела коридор, принимая во внимание ситуацию. Забавно, друзья

Люка куда-то испарились. — Ной, у тебя кровь идёт.

Он вытер рот.

— Да, мэ.

— Ты Люк, верно?

Тот сидел у моих ног с широко распахнутыми глазами.

— Да.

Женщина тяжело вздохнула и покачала головой.

— Мне это совсем не понравится, так?

— Нет, не понравится, — ответил Ной.

— Я споткнулась, — вставила я.

Её губы сложились в тонкую линию.

— Что скажешь насчет губ Ноя?

— А я тоже споткнулся.

Она посмотрела на Люка.

— А откуда этот шикарный синяк на твоём подбородке?

Парень рассеяннo почесал его, но не отводил от меня взгляда.

— Я встрял в драку ранее этим вечером.

— Но не здесь, правильно?

— Нет, не здесь.

Миссис Колинз закрыла глаза и снова вздохнула. Мы втроём задержали дыхание, ожидая её вердикта. Наконец она открыла их.

— Люк, почему бы тебе не вернуться на танцы? Мне бы хотелось поговорить с Эхо и Ноем.

Тот продолжал на меня пялиться, будто физически не мог отвести глаз. Мой сбитый с толку разум наконец начал функционировать. Он смотрел не на моё лицо, а на руки. Перчатка на правой руке больше не скрывала мои шрамы от внешнего мира. Она безвольно свисала с моих пальцев. Внезапно, прямо перед моими глазами, она вернулась на место. Ной пробормотал пару слов, направленных в сторону Люка, кладя руку поверх перчатки, которую он поправил.

— Эхо, — сказал Люк. Я заставила себя посмотреть на него. — Я буду ждать. — Его взгляд снова скользнул по руке, отвращение было написано на его лице.

Не знаю как, но ему удалось зайти в зал, ни разу не споткнувшись.

Миссис Колинз присела на пол рядом со мной, снимая туфли.

— Видимо, придётся постирать это платье. Я надеялась избежать этого. У меня есть привычка забывать одежду в химчистке, и они, в итоге, её выкидывают. — Она достала салфетку из маленькой сумочки на её запястье. — Держи, Ной. Не нужно пачкать кровью весь коридор.

Тот присел у стены, устроив меня у себя между ног и прижимая к груди. Он взял салфетку, продолжая в защитном жесте придерживать меня рукой. Слишком устав, чтобы волноваться о том, что подумает миссис Колинз, я положила на него голову.

— Значит, Ной, Эхо — девушка с курткой?

Ной хихикнул.

— Да.

— Эхо, твой отец знает об этих отношениях?

— Вы поверите, если скажу, что даже я не знала о них?

В её глазах появилась смешинка.

— О да. — Она смотрела на нас, как на крыс в лабиринте. — Я должна была это предвидеть. Не сработала моя пресловутая интуиция. В любом случае, давайте-ка пройдемся в медкабинет. Медсестра сегодня работает, на случай всяких инцидентов и плохого самочувствия учеников.

Мы с Ноем в один голос начали отнекиваться.

— Я в порядке, — сказал он.

— Я тоже, — добавила я. — В смысле, в порядке.

— Ну, если вы уверены. — Миссис Колинз взяла туфли и поднялась с пола. — Я ожидаю от вас профессиональной дистанции на ваших дополнительных занятиях. Ной, я была очень довольна твоей посещаемостью и отчётами о прогрессе от твоих учителей. Но не дай бог я увижу изменения в худшую сторону, я тут же встряну между вами, не успеете и «групповая терапия» сказать. Я понятно изъясняюсь?

Мы оба пробормотали что-то в ответ и стали смотреть, как она исчезает в тёмном зале.

Ной закопался лицом мне в волосы. Его тёплое дыхание вызвало у меня мурашки по спине.

— А теперь скажи правду, Эхо. Ты в порядке?

— Да, — прошептала я, наслаждаясь ощущением его губ, ласкающих мою шею. — Ной?

— М-м? — От его хриплого голоса моё тело будто охватило огнём.

Мне не хотелось, чтобы это мгновение заканчивалось, но...

— Мне нужно поговорить с Люком.

Парень напрягся, затем поднял нас с пола.

— Я предложу лишь раз, Эхо. Мы с тобой будем вместе, но ты должна бросить этого идиота. Я буду ждать снаружи. У тебя есть двадцать минут.

Ноя ушёл. Я выпрямилась, волосы выбились из маминой заколки, и внезапно почувствовала себя одиноко. Я отцепила её, позволив волосам упасть на плечи.

Когда я зашла в зал, то едва могла разглядеть пол в паре шагов от себя. Сверкающий дискобол был единственным источником света.

К счастью, меня нашли друзья.

— Господи, Эхо! Стивен рассказал мне, что произошло. С тобой всё хорошо? — схватила меня Лиля. Мои туфли закачались в её руке.

По бокам от неё стояли Натали и Грейс.

В горле застрял комок. Станет ли она на мою сторону? Моя лучшая подруга с детского садика. Мы столько всего пережили вместе. Если я выберу, по ее мнению, не того парня, испортит ли она те отношения, в которых я так нуждалась?

Грейс убрала вьющиеся локоны с моего лица. Я её потеряю.

Определённо, но были ли мы настоящими подругами?

— Эхо? — подтолкнула меня Натали. Она сделает тот же выбор, что и Лиля. Как всегда.

— Мне нужно поговорить с Лилой, — сказала я. Увидев обиду в глазах Грейс и Натали, я спешно соврала: — Это насчет мамы.

Обе девушки ободряюще улыбнулись и отошли. Любые разговоры касательно моей матери ложились на плечи Лилы.

Подруга упёрла руки в бока.

— Я на это не куплюсь. Ты хочешь расстаться с Люком, и тебе нужно моё разрешение.

— Я не люблю его, и это не изменится. Я могу справиться с нашим расставанием и снова стать отбросом общества, но я не могу потерять тебя.

— Ты запала на Ноя Хатчинса? — Добрая волшебница Глинда внезапно стала... серьёзной. Во мне затрепетала радость и страх. Если я выберу Ноя, то могу разрушить единственную искреннюю дружбу, которая у меня когда-либо была.

Но одна мысль о его имени заставляла моё сердце пропустить удар. Вызывала улыбку на моём лице. Моё тело зудело от желания, чтобы он меня коснулся.

— Да.

Она обняла меня.

— Жду отчёта о его кубиках. С подробностями, а не в духе слюнявого бреда, что пишут в романах.

— А как же Грейс и Натали?

Лиля тяжело вздохнула и отступила.

— Ты знаешь, Нат будет не против. Я позабочусь о Грейс, но за это ты мне должна фотографию его пресса. В любом случае, до выпускного осталось всего лишь три месяца.

— Эхо? — позвал Люк позади меня.

Подруга поцеловала меня в щёку, впихнула мне в руки туфли и ушла, чтобы присоединиться к девочкам.

— Люк. — Я дёрнула за свои перчатки.

Он снял жакет и закатал рукава рубашки.

— Прости, что врезался в тебя. Я видел, что ты идёшь, но не мог остановиться.

— Всё нормально. — Я стала переминаться с ноги на ногу, ощущая, как бежит время. — Люк...

— Он коснулся тебя... Ной. Он увидел твои шрамы, не передёрнулся и коснулся их. — Парень почесал затылок. — Возможно, я последняя сволочь, но я не смог бы этого сделать. Касаться их или делать вид, что их не существует. Мне казалось иначе, но...

Я потеряла руки. Несмотря на заготовленную мной речь, его правда всё равно меня ранила.

— Люк, всё нормально, по правде говоря... — как же всё отстойно, — я не влюблена в тебя, и никогда не буду. Часть меня очень хотела, чтобы у нас с тобой всё вышло, но в итоге наши отношения стали работой. Раньше такого не было.

Он кивнул и опустил голову. Его плечи ссутулились, и парень уставился в пол на секунду, прежде чем вытереть нос. Затем он посмотрел на меня и выпрямился. Выдавил улыбку, но его голубые глаза оставались потухшими.

— Ко мне подошла Дина и попросила подвезти её на лимузине ко мне домой...

— Она может занять моё место. — Мне не нужно было объяснять, что я планировала уйти с Ноем.

Люк сделал шаг ко мне и прошептал на ухо:

— Я вправду любил тебя. — Не произнося слова «когда-то».

— Я тебя тоже. — Когда-то.

24 - Ной

Мне стоило закинуть её на плечо и вытащить из зала. Вместо этого, я, как идиот, дал ей выбор. Выбор вырвать моё сердце и вручить его обратно. Почему я не прислушался к Бет? Почему к Исайе? У неё уже был опыт с этими ребятами, а Исайя дал мне совет, к которому сам отказывался прислушиваться. Мне нужно обследовать чёртову голову.

Пятнадцать минут. К чёрту. Она не собиралась выходить, а я — продолжать ждать на морозе, как придурок. Меня ожидала вечеринка. Где будет множество девушек, желающих отдаться мне, а также куча курава и алкоголя, чтобы помочь мне забыться.

Я оттолкнулся от кирпичной стены спортзала, засовывая руки в карманы джинсов в поисках ключей. Дверь распахнулась, чуть не вписавшись мне в лицо. Я уж было открыл рот, чтобы

наорать на вышедшего козла, но вовремя остановился, столкнувшись лицом к лицу с моей личной сиреной, моей нимфой — Эхо. На этот раз она никуда не уйдёт.

Обхватывая девушку руками, я прислонил её к стенке.

— Скажи, что выбрала меня, Эхо.

Она облизала губы. Её зелёные глаза тлели, призывая меня к себе.

— Я выбрала тебя.

Впервые за три года кольцо, сжимающее мой желудок, ослабло.

— Ты никогда об этом не пожалеешь. Клянусь. — Позволяя рукам обследовать изгиб её талии, я прижался к её мягкому телу.

Я хотел её, целиком. Но Эхо заслуживала большего, чем короткого радостного возбуждения, и получше парня, чем я. Я должен был быть медленным и осторожным. Мне хотелось перевернуть её мир каждым прикосновением и каждым поцелуем, чтобы все её мысли вертелись вокруг меня. Я никогда уже не смогу прикоснуться к другой девушке, не думая о ней.

Я пообещал, что она будет для меня другой, и должен был сдержать слово. Отрываясь от Эхо, я взял её хрупкую руку в свою и повёл к машине.

— Поехали.

— Куда?

Я открыл пассажирскую дверь и повернулся к ней. Невинные глаза девушки расширились от недоумения. Она не должна быть со мной.

Мы оба прошли через ад, но Эхо заслуживала лучшего. Тем не менее, я был не так уж плох. Когда-то я был так же хорош, как она. Ей нужно было знать об этом.

— В одно особенное место.

— Так, я куплю тебе куртку. — И я говорил это на полном серьёзе. Я открыл дверь машины и накинул свою кожаную куртку ей на плечи. — На дворе февраль. Почему ты никогда не носишь чёртову куртку?

Эхо скользнула руками в рукава, закрывая глаза и делая глубокий вдох. Когда она, наконец, их открыла, то захлопала ресницами, окидывая меня взглядом чистого соблазна.

— Может, мне нравится носить твою.

Я сглотнул. У меня были планы, и они не включали себя поцелуи у машины. Чёрт возьми, она меня убьёт.

— Поздравляю, она — твоя.

Смех девушки согрел меня так, как не смогла бы ни одна куртка.

— Ты теперь во всём мне поддаваться будешь?

Похоже на то. Я переплёл наши пальцы и провёл Эхо по пустой улице к фонтану. Воду, струящуюся из трёх цветков, освещали красные и розовые огни.

— Как красиво! — Она посмотрела на фонтан, разглядывая различные цветы, выгравированные в металле. Нет, она была красивой.

— Я помогал построить их.

— Что?

Я кивнул в сторону домов, окружающих нас.

— Я помогал строить эти дома. Мама и папа были членами организации «Жилье для людей». Там они и познакомились. Вместо того чтобы гулять на вечеринках в Канкуне на весенних каникулах, они отправились на восток Кентукки и строили дома. Затем поженились.

Эхо отпустила мою руку и посмотрела на маленькие виниловые домишки с верандами и качелями. Папа убедился, чтобы они были в каждом доме. Когда она полностью обернулась, то заметила мемориальную доску сбоку фонтана: «В память о Дэвиде и Саре Хатчинс».

— Твои родители?

Моё горло напряглось, не давая возможности ответить. Я кивнул.

— Каждый раз, когда мне кажется, что я в тебе разобралась, Ной, ты меня удивляешь.

Вот поэтому я и привёл её сюда.

— Мы не закончили наш танец.

Её беспокойный взгляд прошёлся по окнам небольшого квартала. Везде были опущены занавески. В некоторых горел свет, в некоторых нет, но на нас никто не смотрел.

— Здесь?

— Почему бы и нет?

Эхо застучала каблуком по тротуару, явный признак того, что она волновалась. Я сделал осторожный шаг вперёд и взял её за талию прежде, чем она успела бы отпрянуть. Моя сирена взывала ко мне своим пением слишком долго, пленяя моё сердце, искушая своим телом, плавно сводя меня с ума. Пришёл час расплаты.

— Слышишь это? — спросил я.

Девушка подняла бровь, ничего не услышав, кроме звука капающей воды в фонтане.

— Ты о чём?

Я скользнул правой ладонью по её руке, прижимая её к своей груди, и начал покачивать нас из стороны в сторону.

— О музыке.

Её глаза заплясали.

— Может, скажешь, что я должна слышать.

— Медленную барабанную дробь. — Одним пальцем я начал выстукивать ритм на её пояснице.

— Акустическую гитару. — Я наклонился и стал напевать любимую песню ей на ухо. Меня опьянил её сладкий запах корицы.

Эхо расслабилась, идеально подходя моему телу. Мы плавно закачались, двигаясь под наш собственный такт, морозный февральский воздух приятно охлаждал кожу. На мгновение мы сбежали из ада. Ни учителей, ни терапевтов, ни друзей с их «лучшими побуждениями», ни кошмаров — только мы вдвоём, танцуем.

Моя песня закончилась, пальцы перестали выстукивать ритм, а мы — качаться из стороны в сторону. Эхо замерла, продолжая держать меня за руку и кладя голову мне на плечо. Я закопался лицом в её тёплых шёлковых кудряшках, прижимая девушку крепче. Эхо становилась для меня необходимой, как воздух.

Я опустил руку на её подбородок, поднимая голову. Стал поглаживать пальцем её тёплую гладкую щёку.

Моё сердцебиение участилось. На её губах заиграла улыбка сирены, когда она наклонилась ближе ко мне, и я почувствовал неоспоримое притяжение потерянного в море матроса к взывающей домой прекрасной богине.

Я поцеловал её в губы. Мягкие, пухлые, тёплые — такие, какими я их и представлял, и даже лучше, гораздо лучше. Эхо неуверенно ответила на поцелуй, как бы задавая любопытный вопрос, на который у меня был ответ. Я приоткрыл рот и стал ласкать её нижнюю губу, моля о разрешении. Гладкие руки девушки сомкнулись на моей шее и потянули за волосы, прижимая меня ближе.

Она открыла рот, её язык соблазнительно коснулся моего, из-за чего у меня чуть не подогнулись колени. Наш поцелуй стал набирать обороты, и во мне загорелось пламя. Её ладони поглаживали мою голову и шею, лишь распалая огонь во мне.

Забывая о каждом правиле, которое я сам себе придумал, я провёл руками по её спине, запутываясь в волосах и придвигая Эхо ближе к себе. Я хотел её. Я нуждался в ней.

Вдруг послышался звук захлопнувшейся двери, и Эхо вздрогнула. Она быстро отпрянула и повернула голову на звук двигателя. Мы наблюдали, как впереди загорелись красные фары, а затем исчезли, когда машина уехала дальше по улице.

Глаза девушки встретились с моими.

— И что это значит для нас?

Я прижался своим лбом к её.

— Это значит, что ты — моя.

25 -Эхо

Утро понедельника принесло новый этап моей жизни — публичные отношения с Ноем Хатчинсом.

Как только он подошёл ко мне со спины и поцеловал меня в шею, я стала разрываться между желанием прижаться к нему и убежать.

Каждый мускул моего тела кричал о том, чтобы я поддалась ему. Разум же твердил, чтобы я отодвинулась. Вздохнув, я последовала велению последнего.

— Ты нарушаешь множество школьных правил о публичном проявлении чувств.

Ной засмеялся, а я закрыла дверцу шкафчика.

— И что?

И что?

— Я не хочу получить наказание и остаться после уроков.

— Ты слишком напряжена. Кажется, я знаю, что поможет тебе расслабиться.

То, как его взгляд поглощал меня, намекало, что мне не стоит поддаваться на его уловки, но я не сдержалась.

— И что же?

Ной прижался ко мне своим телом, толкая меня к шкафчику.

— Поцелуй.

Я крепче ухватила учебники у груди и попыталась побороть желание уронить их и накинуться на него. Но это только бы поощрило его намерения подарить мне фантастический поцелуй. Как бы там ни было, поцелуи на публике точно грозили наказанием и опозданием на урок.

Я нырнула под его руку и вдохнула свежий воздух, радуясь любому запаху, не напоминающему мне о нём. Ной догнал меня, подстраиваясь под мой шаг.

— Знаешь, возможно, ты никогда не замечала, но мы с тобой вместе ходим на математику. Могла бы и подождать меня.

— И дать тебе шанс затащить меня в кладовку уборщика? Нет, спасибо.

Парень держал одной рукой книги, другую засунул в карман джинсов. Как и было обещано, он не держал меня за руку и не обнимал за плечи, но это не мешало ему уделять мне больше внимания, чем ученики в коридоре.

Мы зашли в кабинет математики, и, клянусь, каждый человек в комнате замер, наблюдая, как Ной остановился у моей парты.

— Мы с Исайей и Бет подойдём позже.

— Хорошо. — Уроки, починка машины и, надеюсь, немного поцелуев.

Он сверкнул своей озорной улыбкой и понизил голос:

— Миссис Фрост всегда опаздывает. Я мог бы поцеловать тебя и дать толпе то, чего они так хотят.

Это было бы шикарным началом урока. Я облизала губы и прошептала:

— Ты принесёшь мне столько неприятностей, Ной Хатчинс...

— Именно. — Ной погладил меня по щеке, прежде чем направиться к своему месту в конце класса.

Я устроилась на стуле и провела весь час, пытаюсь сосредоточиться на математике, а не на поцелуях Ноя.

Лиля оттолкнулась от стены и присоединилась ко мне по пути в кафетерий.

— Чего так долго? Где ты была?

— Мне нужно было сходить к шкафчику перед ланчем. — Вообще-то нет, но я использовала этот предлог, чтобы пройтись мимо шкафчика Ноя и украсть пару секунд его времени... или пару поцелуев. Я наконец поняла, почему он с друзьями предпочитал тусоваться в опустелых коридорах, а не в столовой.

— Ага. Так высокий и загадочный парень не составит нам компанию за ланчем?

— Не-а. — Я сделала попытку скрыть оптимизм в своём голосе, заставляя себя отнестись к этому нормально. В конце концов, у меня не было выбора. Наверное, я могла бы сесть с Ноем, если сильно того бы захотела. С меня было достаточно насмешек.

— Итак, как там поживает мой социальный статус?

— Опустился ниже плинтуса.

Миленко. Подруга могла бы и предупредить меня, прежде чем мы явились в кафетерий. Почему, ну почему Добрая волшебница Глинда не могла помахать своей волшебной палочкой и заставить жевунов полюбить меня?

Я вспомнила первый день девятого класса: люди постоянно пялились на меня и шептались за спиной. По крайней мере, в этот раз они не разглядывали мои руки, а переводили взгляд с меня на пустые столики Люка и Ноя.

— Бери поднос и пошли за едой, — буркнула Лиля, когда мы прошли мимо нашего стола. Натали слабо улыбнулась мне, а Грейс стала внимательно рассматривать банку от йогурта.

Моё сердце ухнуло. Мнение всей школы меня мало волновало, если честно. Их смех и тихие комментарии были неприятны, но значения не имели. А вот отторжение Грейс разбивало мне сердце.

Я поставила поднос за Лилой, не прикасаясь к еде.

Девушка набрала тарелку жареной картошки и взяла два шоколадных кекса с начинкой, чем несказанно меня удивила.

— Школа разделилась во мнениях. Дина рассказала друзьям, что Люк лишь использовал тебя, чтобы она приревновала, что возвращает тебя в мир жалких людей. Благодаря драке на танцах и твоим поцелуям с Ноем перед первым уроком, некоторые считают, что ты бросила Люка ради него, что официально ставит тебя на дорогу в мир чудил.

Класс. Может, я могла бы быть королевой чудил, правительницей всех эмоционально напуганных людей. Прямо как сводная сестра Доброй волшебницы.

— А остальная часть школы считает, что вы с Люком использовали друг друга, что он принадлежит Дине, а вы с Ноем сексуальная парочка. — Лила скромно улыбнулась и подмигнула, вручая деньги кассиру.

Я последовала за ней и заметила Люка, нависающего над Диной и улыбающегося, как дурак. Я действительно бросила его ради Ноя, но и он меня тоже. Говоря по правде, я использовала его, чтобы вернуться к нормальной жизни. Использовал ли он меня, чтобы вернуть Дину?

Девушка поймала мой взгляд и сощурилась. Люк одарил меня полуулыбкой, беря её за руку. Может, он и использовал меня, но я была не против. В этом случае наши две ошибки привели к грандиозному успеху.

— Дай угадаю, последнюю группу создали вы с Натали.

— Но ведь мы единственные, кто имеет значение, так?

Я присоединилась к подруге за прилавком с приправами.

— Если большинство учеников наградило меня званием чудилы, то почему мне так важно было появиться на ланче?

Лила выдавила медовую горчицу на свою горку картошки.

— Грейс.

Сидя рядом с Натали и ещё одной своей публичной подругой, девушка без остановки мешала йогурт.

— Я удивлена, что она ещё не приняла решение. Репутация против дружбы. Первое всегда выигрывает, не так ли?

— Она старается. Дай сплетням время утихнуть, и она смирится.

Да, возможно. Я поставила свой пустой поднос на стол.

— Передай от меня привет Натали, ладно?

— Куда ты?

— Рисовать.

— Как оно, миссис Колинз? — Я зашёл напрямик к ней в офис и устроился на стуле напротив. Мне нужно было где-то убить час перед началом пятничной вечерней смены. Пар и запах кофе поднимался от нетронутой чашки в углу её стола.

Женщина оторвалась от папки и слабо улыбнулась.

— Я впечатлена. Ты пришёл в тот же день, как я тебя позвала. Не думала, что увижу тебя вплоть до следующей недели.

— Вы написали волшебные слова: «Джейкоб» и «Тайлер».

— М-м-м. — Взгляд миссис Колинз вновь скользнул по файлу. Вокруг её глаз собрались морщинки, ей не хватало уже привычного щенячьего энтузиазма.

— С братьями всё нормально?

Она потёрла лоб, внезапно выглядя усталой. Я сел на край стула. Если эти ублюдки навредили моим братьям...

— Миссис Колинз, с вами всё хорошо?

— Да. Твои братья в порядке. Прости. — Она махнула рукой на папку, прежде чем закрыть её.

— Я немного отвлечена и истощена. Слава богу, сегодня пятница. — Женщина выдавила добрую улыбку, кладя руку на толстый файл. Тут я и заметил наклейку на нем. Это была папка Эхо. Мой желудок скрутило. Что-то было не так.

— Как ты знаешь, приближается пятый день рождения Тайлера, и я уговорила Кэрри и Джо позволить тебе дополнительную встречу с мальчиками.

— Да вы гоните!

Напряжение слегка сошло с её лица, и она хихикнула.

— Не гоню, но я бы предпочла, чтобы ты не выражался так при мне или при братьях. — Миссис Колинз взяла маленький белый конверт с края стола и вручила его мне. — Приглашение на праздник. Он очень важен для твоих братьев. Это эксклюзивная вечеринка в центре посещений, и ты — единственный гость. О, ну и я. Может, ты мог бы развесить шарик в комнате. Я принесу плакат «С днем рождения». Кто не придёт — тот дурак.

Джейкоб вывел каракулями моё имя на конверте. Никогда не думал, что настанет день, когда я смогу отпраздновать важное событие со своими братьями.

— Как вам это удалось?

— Я же говорила, если ты сосредоточишься на работе над собой, я позабочусь о твоей ситуации с мальчиками. Я всегда держу слово. — Она положила ладонь поверх папки Эхо и снова уставилась на неё. В чём была проблема? Она не могла сдержать обещание, данное Эхо?

Я попытался всё разузнать:

— Эхо хочет вспомнить, что с ней случилось. Как думаете, вы сможете помочь?

— Я не могу обсуждать её с тобой, как и тебя с ней.

Справедливо. Попытка номер два:

— Она рассказала, что случилось с её мамой. Вообще-то, она рассказала, что *ей* рассказали о случившемся с мамой. Это ненормально. Честно говоря, несмотря на её безумие, я не могу представить, чтобы любая приличная мать навредила своему ребёнку.

Миссис Колинз расслабилась в кресле, всё ещё выглядя усталой, но с загоревшейся искоркой в глазах.

— Ну конечно. У тебя ведь были очень близкие отношения с мамой.

Внезапно захотев побиться головой об стену, я сел пониже на стуле. Сам виноват.

— Да, так и было. — И как, чёрт возьми, мне вернуть разговор к Эхо?

Её щенячий энтузиазм вернулся.

— Джейкоб любит писать, но ты уже это знаешь. В любом случае Кэрри и Джо разрешили мне прочитать одну милую историю о том, как твоя мама объявила, что первая пятница каждого месяца будет днём семейной ночёвки. Звучало восхитительно. Это правда или выдумка?

Эта женщина жаждала доверия. Почему бы не кинуть собаке косточку?

— Правда. Мама и папа начали эту традицию, когда я пропустил свою первую скаутскую ночёвку в лагере «Тигров», так как заболел. Таким образом мама подняла мне настроение. — Она всегда находила способ сделать мой мир лучше.

— Остальная часть истории тоже правда? Страшилки, зефир на огне, что вы спали в палатке в гостиной? — Миссис Колинз засмеялась. — Ты, наверное, был крутым старшим братом.

Моя хватка на приглашении окрепла.

— Всё ещё являюсь таковым, хотя всё это не моя заслуга. Это была полностью родительская идея.

— Тогда почему в ночь пожара они были наверху, вместо того чтобы находиться в палатке с твоими братьями? — Её глаза пронзили меня. — Мне кажется, ты знаешь, почему Джейкоб страдает ночными кошмарами.

Я встал.

— Мне пора на работу.

— Ной, расскажи мне о той ночи. Дай возможность помочь твоему брату.

— Как помогаете Эхо? — Миссис Колинз заморгала. Хорошо... впервые мне удалось задеть за живое её, а не наоборот. — Так я и думал.

Шум воды, стекающей по металлической раковине, смешивался со стуком в кабинете. Учительница по искусствоведению занялась мойкой мисок, пока Эхо сидела на стуле с кисточкой в руке. На её щеке красовались несколько ярко-голубых пятен, и она создавала новые, рассеяно поглаживая указательным пальцем по подбородку.

— Я могу вам помочь? — Вода выключилась.

— Я пришёл за Эхо. — Работа подождёт. Если у неё были проблемы, я хотел об этом знать.

Девушка продолжила стучать пальцем по подбородку, рисуя новые пятна, пока смотрела на холст. Напряжённость её взгляда поразила меня.

Учительница спрятала миски и пошла к двери.

— Она не здесь. Удачи в обращении на себя внимания. Сделай мне одолжение. Если в итоге она закрасит всё лицо, возьми камеру со стола и сфотографируй это. Я добавлю фото к своей коллекции. — Она посмотрела на Эхо и улыбнулась. — Назову её «Смурфик». Кстати, классные татуировки.

— Я сосредоточенная, а не глухая, — пробормотала Эхо после ухода женщины.

Она положила кисть и попыталась умыть лицо тряпкой.

Голубой подчёркивал рыжий цвет её волос.

— Ты только размазываешь краску.

— Дурная привычка. — Она сдалась, оставляя пятна на щеке. Затем спрыгнула со стула и потянулась. — Что ты здесь делаешь?

На холсте простиралось ночное небо. Изгиб земли освещался огнём ярких жёлтых, красных и оранжевых оттенков.

Голубой быстро растворялся во мраке со звёздами, мерцающими в небе. Все говорили, что она художница, но я и понятия не имел...

— Эхо, это...

— Отстой, — она сморщила нос.

— Нет, серьезно...

— Не важно, — она закатила глаза. — Что тебе нужно?

— Ты.

Мне понравилось, как засветилось её лицо. Девушка встала на носочки и быстро чмокнула меня в губы.

— Если сделаю это ещё раз, то испачкаю тебя в краске.

Всё, что Эхо делала или говорила, имело сексуальных характер в моей голове, и я изо всех сил боролся, чтобы избавиться от образа её голой и покрытой краской.

— Миссис Колинз достала мне приглашение на день рождения Тайлера.

— Правда? Восхитительно!

— Да. — Но я тут не из-за этого. — Она просматривала твою папку и выглядела немного... обеспокоенной.

Улыбка Эхо исчезла. В течение недели её настроение ухудшалось с каждым днём, но я закрывал на это глаза, когда она оживлялась ради меня. Больше так не будет. Я хотел получить ответы.

— Ты не приходила на ланч на этой неделе. Малышка, что происходит?

Она пожала плечами.

— Ничего.

Я зацепился за её пояс и потянул к себе.

— Ной, краска!

— К чёрту. Я переоденусь. — Я поднял её за подбородок. — Я не силён в знаниях об обязанностях парня, но меня интересуют не только поцелуи с тобой.

— Знаю, и для меня это много значит. Просто... я даю Грейс время. — Она попыталась кривовато улыбнуться, но у неё не вышло.

Ранее на этой неделе девушка рассказала мне о своей дерьмовой маленькой подружке, и мой ответ вызвал слёзы у неё на глазах. К счастью, я быстро учусь, потому теперь держал рот на замке... по крайней мере, когда дело касалось Грейс.

— Из-за чего так расстроилась миссис Колинз?

— Не знаю.

Я сделал глубокий вдох, чтобы сдержать злость под контролем.

— Эхо, если ты мне не доверяешь...

Она подняла голос:

— Я не знаю! Миссис Колинз стала более серьёзной, задавала мне больше вопросов о маме, что я думаю о судебном приказании... а папа с Эшли стали ещё больше меня раздражать. Утром они забрали у меня машину и объявили, что будут отвозить и забирать меня со школы. Придумали какое-то отстойное оправдание, мол, хотят поменять в ней запчасти. Кто меняет запчасти «Додж Неона»? А я тебя скажу — никто! Может, Эшли и безмозглая, но даже она это знает! Она отвечает на все звонки дома, а мой телефон заблокирован. Папа говорит, что он всё исправит, но я ему не верю.

Миссис Колинз говорит с ней о судебном приказании? Отец забирает её машину и лишает способа коммуникации? В моих глазах загорелись красные огоньки. Мама Эхо замышляла что-то опасное.

— Мама с тобой связывалась?

Она откинула назад голову.

— Только не ты тоже.

Хорошо понимая, что это не ответ, я почувствовал угрожающий поток ярости внутри себя. Никто не смеет вредить моей девушке.

— Эхо?

— Нет. — С поражённым вздохом, она прислонилась ко мне. — Знаю, это безумие, но иногда я скучаю по ней.

Это действительно звучало безумно, но и вполне здраво. Я поцеловал её в макушку и погладил по спине. Либо Эхо не замечала признаков, либо отказывалась признавать их: её семья и миссис Колинз волновались, что её мать снова объявится. В моей голове разгорелась война, я разрывался между желанием рассказать ей свою теорию и оставить в счастливом неведении.

Но, опять же, они могли быть расстроены и по другому поводу.

— Дело во мне? Они так относятся к тебе из-за меня? — Эхо надавила на мои руки, и я отпустил её. Потер шею, чтобы расслабиться. — Всё нормально, можешь сказать мне.

— Эшли и папа даже не знают о тебе. Я собиралась представить тебя на выходных, когда мы пойдём гулять, но теперь я не уверена.

Её слова ошарашили меня.

— Я познакомлюсь с твоими родителями на этих выходных, и у нас есть планы?

Лицо девушки покраснело.

— Прости. Я, э-э, предположила, что, поскольку ты сказал, что я — твоя, что мы, вроде как, э-э, ну...

Чёрт, какой же она была милой, когда запиналась.

— Я планировал пригласить тебя завтра на вечеринку, но если ты задумала что-то другое, я не против. Как и насчёт встречи с твоим отцом. Правда, не могу пообещать, что он будет рад нашему знакомству.

Румянец на её щеках никуда не делся, но мне хотя бы удалось вызвать у неё улыбку.

— Нет, вечеринка подойдёт. — Она нахмурила лоб. — Хотя я не слышала, чтобы кто-нибудь её устраивал. С папой всё будет хорошо. Только не ругайся. Ты же способен на это, правда?

— Когда-то я был бойскаутом.

Эхо захохотала, затем вернулась к картине ночного неба, следы юмора исчезли с её лица.

— Картина действительно прекрасна, — сказал я.

— Мама постоянно рисовала созвездия. Теперь я застряла за тем же занятием. — Она сделала паузу. — В редких случаях, когда мама решала выполнить свой материнский долг, она рассказывала мне историю об Андромеде и Персее перед сном. Почему она рассказывала её в

день, когда навредила мне? Я так близка к правде.

Её боль ранила мне сердце, и на секунду я отключился от всех эмоций. Однажды она поймет, что была слишком хороша для такого неудачника, как я, и когда она уйдет, я не знаю, как справлюсь с болью. Эхо постукала кистью по лицу. Чёрт, она того стоила. Я вновь прижал её к себе, целуя девушку в шею.

— Тогда давай возьмемся серьезнее за это дело. Во вторник мы заглянем в твою папку.

27 - Эхо

— Что-то они долго думают. — Я выглянула из окна спальни в поисках признаков Ноя, придерживая домашний беспроводной телефон у уха. Никакого мобильного в течение следующих двадцати четырёх часов. Как же отстойно жили в девяностых.

— Ну да, ведь Ной — мечта каждого отца, — сказала Лила с нотками презрения. — И я поспрашивала у наших. Никто не устраивает вечеринку. Могу поспорить, его вариант включает в себя наркотики, машину и тебя на заднем сидении.

— Ты обещала поддерживать меня.

— Я обещала, что ты всегда будешь моей лучшей подругой. В любом случае я думала, что ты пообжимаешься с ним и забудешь об этом парне. А не отнесёшься к нему серьезно. — Подруга вздохнула. — Пошли со мной и Стивеном в кино. Бери Ноя, если это необходимо.

Образы его, гордо стоящего рядом со Стивеном возле кассы с билетами, заполнили мой разум. Ной согласился быть со мной, а не становиться лучшим другом популярных детишек.

— Может, на следующей неделе. — Или никогда. Громко зазвучал шум от двигателя приближающейся машины. — Мне пора. Ной приехал.

Я кинулась вниз по лестнице, надеясь открыть дверь раньше, чем это сделает Эшли. Или папа.

— Эхо. — Слишком поздно. Безмозглая курица проплыла в фойе. — Ты же знаешь отцовские правила. Он открывает дверь, пока ты ждёшь в гостиной. Мы должны познакомиться с твоим парнем.

«Мы» подразумевало Эшли, придумавшую эти правила, когда узнала, что я бросила Люка.

Папино кресло скрипнуло в гостиной, и он вышел в фойе. Его стандартные обеспокоенные морщинки вырисовывались чётче, чем обычно, а под глазами виднелись тёмные мешки от усталости. Судя по раздражённо сжатой челюсти, «своим» правилам он был так же рад, как и я.

Эшли завертелась перед зеркалом в коридоре. Наверное, мне стоило быть начеку, поскольку она славилась любовью к чужим мужчинам. Пока мне удавалось удерживать её от Ноя, поскольку мы занимались во время её любимого шоу.

Папа опёрся на угол стены, ожидая дверного звонка. Он закрыл глаза и откинул голову назад. Отец всегда ходил с обеспокоенным выражением испытывающего стресс человека, но сегодня он выглядел хуже, чем обычно. С таким лицом он ходил перед разводом с мамой или в день, когда я вернулась в школу после инцидента.

— Папочка, с тобой всё нормально?

Его глаза распахнулись.

— Да. Просто много работы навалилось.

Мы смотрели друг на друга с секунду, пытаюсь придумать тему для разговора или, чёрт, хотя бы членораздельное предложение. Где там застрял Ной? У него что, заржавел и выпал двигатель, что пришлось лично толкать машину во двор?

Папа прочистил горло.

— Что-то странное случилось с твоей телефонной карточкой, в понедельник ты получишь новый номер. Сделай мне одолжение и попытайся дать его только тем, кому он действительно нужен. — А то моя популярность грозила огромными счетами за телефон.

— А машина? — Она должна выглядеть как «Порш» после всех этих замен запчастей.

Прозвучал дверной звонок, спасая папу от ответа. Он положил ладонь на ручку и одарил меня взглядом, как бы говорящим: «Ты ещё можешь передумать».

— Мне вправду нравился Люк. Тебе стоит дать ему ещё один шанс.

Я засунула руки в карманы, вспоминая, что стоит прихватить перчатки, прежде чем уходить.

— Папочка, мне нравится Ной. Ты не мог бы попытаться не быть... — властным, контролирующим, злым — собой.

Его улыбка коснулась глаз. Но она исчезла так же быстро, как появилась, когда он открыл дверь. Они с Ноем обменялись приглушённым приветствием. Секундой позже вонючка Ной Хатчинс стоял в моём фойе, весь из себя сексуальный и не раскаивающийся за это. Когда папа повернулся спиной, чтобы закрыть дверь, Ной сверкнул озорной улыбкой и подмигнул.

Он сделал торжественное лицо, когда отец зашёл в гостиную, подзывая нас за собой. Ной пристроился рядом со мной и прошептал:

— Да он шутит.

— Если бы. — За мои восемнадцать лет у меня было только два парня, Люк и теперь Ной. Хотя термин «парень» ему не очень подходил. Мне нравилось считать нас... парой. Когда я была в восьмом классе, моё первое свидание прошло так: мама Люка подвезла его ко мне домой, чтобы мы посмотрели фильм. Тогда у папы не было таких глупых правил. Водительские права парня открыли перед нами новый мир, но к тому моменту у отца был целый год, чтобы привыкнуть к нему. Ной же взялся из ниоткуда.

Я села на диван и удивлённо взвизгнула, когда тот сел рядом со мной и положил руку мне на колено — движение, мгновенно отмеченное моим очень наблюдательным папочкой.

Моя явно беременная мачеха устроилась в кресле-качалке для ребёнка, купленное за триста долларов, а папа занял своё кресло с откидной спинкой.

— Итак, Ной, как вы познакомились с Эхо?

Ух ты, мне показалось или в комнате стало жарко? Я скользнула взглядом по парню, ожидая

увидеть панику. Вместо этого на его лице появилась спокойная улыбка.

— У нас совместные занятия.

Эшли просветлела и прижала руку к животу.

— Правда? Какие?

— Математика.

— И физика, — добавила я. — И бизнес-технологии.

— *Espanol*. — Он специально сказал это таким глубоким и сексуальным голосом? Его рука поднялась на миллиметр и сжала мою ногу, приятно давя на внутреннюю сторону бедра. Я убрала волосы с шеи, настолько жарко мне стало. Ной либо подавился слюной, либо подавил смешок.

К счастью, отец не заметил этого шоу.

— Чем занимаются твои родители?

О нет. Мне стоило подготовить их с Эшли к его семейной ситуации. Ладно, я подумывала об этом, но затем понадеялась, что эту тему не поднимут. Я открыла рот, но Ной ответил раньше:

— Ширли домохозяйка, а Дэйл работает на машинной фабрике.

Папа и Эшли обменялись долгим обеспокоенным взглядом.

Женщина заёрзала в кресле и приобняла двумя руками шар, обязанный заменить мне брата.

— Ты зовёшь родителей по имени?

— Они приёмные.

Клянусь богом, я услышала, как моргнула. Услышали бы и Эшли с отцом, да только они не моргали. Ной убрал руку и потёр затылок.

— В конце восьмого класса мои родители умерли в пожаре.

Папа сомкнул ладони и наклонился вперёд, прожигая парня взглядом. Эшли прикрыла рот рукой.

— О господи, мне так жаль.

Я придвинулась к краю дивана, желая убраться оттуда, прежде чем они спросят что-нибудь ещё.

— Наверное, нам пора. — Не то, чтобы я имела хоть малейшее представление, куда мы собирались.

— Куда ты везёшь мою дочь? — Обратился к Ною папа со злобой, которую, как мне казалось, он хранил только для мамы. Он определённо перестал слушать после слов «приёмные родители».

Температура поднялась ещё на десять градусов. Почему дорогие мне люди не видели, каким классным был Ной? Я задрала рукава, радуясь прохладному воздуху на коже.

— Эхо, стой! — Эшли поднялась с кресла.

Я замерла, а затем вспомнила, что она была ненормальной. Я шла на свидание, а не сбегала с Ноем в Вегас.

Сильная рука парня скользнула по моему запястью, прежде чем наши пальцы переплелись. Ощущение тёплой плоти поверх той части себя, которую я никому не позволяла видеть, не то что коснуться, вызвало у меня дрожь. Мои глаза расширились, когда я осознала свою ошибку. Вот из-за чего взбесилась Эшли. Что на меня нашло? Я никогда не задирала рукава. Обычно, наоборот, опускала их. Когда мне стало так... уютно с ним?

Парень погладил пальцем мою руку.

— Я планировал отвезти её к себе домой, познакомить с друзьями.

Ной мог сказать им, что вёз меня в неблагополучный район, чтобы купить травки, и его бы всё равно не услышали. Эшли окаменела, глядя на мои открытые шрамы, пока отец пялился на наши переплетённые руки. Я потянулась, чтобы опустить рукав, но Ной непринуждённо прижал ладонь к моей руке, останавливая меня. Из моих лёгких выбило весь воздух. Ной Хатчинс, да чего уж там, человеческое создание, открыто, нарочно касалось моих шрамов.

Мы с Эшли перестали дышать. Парень продолжал сидеть, будто ничего чрезвычайного не произошло.

— Когда Эхо нужно быть дома?

Возвращаясь к жизни, я ответила за них:

— Мой комендантский час начинается в одиннадцать.

— В полночь. — Папа встал и протянул руку. — У меня не было возможности должным образом представиться. Я Оуэн Эмерсон.

28 - Ной

Эхо молчала всю дорогу к Ширли и Дэйлу. Постоянно растягивая ткань, она без остановки натягивала перчатки и опускала рукава. Ей определённо нужно было время, чтобы отойти после этой интересной встречи. По радио играла моя любимая панк-группа, и я барабанил пальцами в такт по рулю. Мне всё ещё не верилось. Эхо Эмерсон сидела в моей машине, добровольно проводя со мной время. Маме бы она понравилась.

Вдоль улицы выстроились несколько старых колываг. Я так долго работал в вечернюю смену в «Солоде и Бургере», что забыл, каково это — развлекаться с друзьями. Конечно, они всё ещё были рядом, когда я возвращался домой, но к тому времени они были слишком обкурены для веселья.

Я припарковался позади гангстерского дерьма Рико.

Эхо посмотрела в окно на маленький домик.

— Где мы?

— Дома у моих приёмных родителей. Дэйл и Ширли сейчас в трейлере у озера.

Её нога застучала по полу, пока она рассматривала дом. Винил пора было менять или закрашивать. Однажды мы с Исайей помыли его и узнали, что когда-то винил был жёлтым, а не серым от покрывающей его грязи. Дом ничем не отличался от остальных по соседству — голый, без газона и аккуратно подстриженных кустиков.

На крыльце три больших силуэта курили сигареты и громко грубо смеялись.

Я вышел из машины и быстро обошёл её, чтобы открыть дверь перед девушкой.

Она встала, не отрывая глаз от дома.

— Сколько там людей?

— Где-то десять.

Конец февраля отметился относительно тёплыми вечерами, потому ночи были не столь невыносимыми. Тем не менее, Эхо засунула руки в карманы куртки, будто умирала от холода. Ну, на этот раз на ней хотя бы была куртка. Я хотел, чтобы она чувствовала себя комфортно, но и при этом повеселиться с друзьями, провести время со своей девушкой. Используя своё тело, я прижал её к машине.

— Будут Исайя и Бет.

Она подняла брови.

— Бет ненавидит меня.

Я рассмеялся, оценив её прямолинейность. Упёрся руками по бокам от неё, наслаждаясь ощущениями от прикосновения к её атласной коже.

— Ты — моя вселенная, так что это сравнивает счёт.

Глаза Эхо расширились, и она побледнела. Почему она расстроилась? Я осторожно проиграл в уме каждое слово, остановил, воспроизвёл, снова перемотал и остановил.

Уже давно не позволял себе влюбиться в кого-либо. Посмотрел в её прекрасные зелёные глаза, страх девушки растворился. Её губы расплылись в скромной улыбке, и моё сердце дрогнуло. К чёрту меня и весь остальной мир, я был влюблён.

Эхо потянулась руками в перчатках и поманила мою голову к себе. Я окунулся в её тепло и углубил наш поцелуй, наслаждаясь сладким вкусом её языка, её мягкими губами, движущимися напротив моих. Я бы с легкостью мог потеряться в ней... навсегда.

— Разве одна из твоих приёмных мамаш не научила тебя правилам приличия? Хотя бы завёл девушку внутрь и дал ей пива, прежде чем начинать лапать, — крикнул Рико с крыльца.

Я легонько чмокнул Эхо в губы, мои пальцы нагрелись от её разгорячившихся щёк. Она опустила руки по бокам, пока я обдумывал, как отплатить парню за то, что смутил её.

— Вега, у тебя должны быть стальные яйца, если ты решился посмеяться над моей девушкой.

— Включились фонари, и Рико выругался под нос, когда мы с Эхо вышли в свет.

— Прости, *vato* [21], я не знал, что ты привёл Эхо.

— И скольких девушек ты целовал у машины? — сухо поинтересовалась она.

Я открыл было рот, но не издал ни звука. Рико и его два кузена согнулись пополам от смеха при виде моего выражения. Я закрыл рот, когда Эхо подмигнула. Чёрт, как же я любил, когда она поддевала меня.

— Эхо Эмерсон, умоляю, только не говори, что ты теперь с этим неудачником. — Антонио, один из кузенов, спустился с крыльца и широко улыбнулся.

Я потянулся, чтобы прижать её ближе к себе, но девушка неожиданно кинулась вперёд и повисла на шее у парня.

— О. Мой. Бог. Не могу поверить, что ты здесь!

В моём животе зародилась ревность, когда Антонио оторвал её от земли и закружил.

— Ты прекрасна как никогда!

Никогда не разберусь в этой девчонке. Антонио был в шаге от обряда инициации в банду. Эхо даже не смотрела в мою сторону на протяжении всего первого семестра, но зато кинулась в объятия этого придурка.

Он наконец опустил её на землю. Девушка запрыгала от счастья.

— Итак, как оно?

Парень потер подбородок, и его улыбка сползла с лица.

— Невероятно. Преподаватели, студенты, аудитории, это... — Он отвернулся от неё. — Это ужасно, что тебя там нет.

Радость Эхо уменьшилась, но она выдавила улыбку.

— Ну, хоть кому-то из нас удалось попасть в Хоффман. Они могли и убрать место из списка, когда папа отказался от их предложения.

Мой мозг так громко щелкнул, удивительно, что никто не услышал.

Антонио учился в Хоффмане — единственном творческо-художественном университете страны, принимающем только учеников с полным средним образованием.

Места там распределялись с учетом таланта и конкурса, на который практически невозможно было попасть. Меня всё ещё охватывала ревность. Нужно было подтвердить свою теорию, прежде чем уничтожить нашу дружбу.

— Ты учился в школе Иствик?

— У нас с Эхо были совместные художественные занятия в девятом и десятом классе. Хоффман предложил мне занять её место, когда ей пришлось отказаться. — Антонио протянул мне руку.

— Бет капает на мозги Марии. Ты не мог бы успокоить свою сестру?

Я хлопнул его по руке, радуясь, что парень привёл свою девушку.

— Бет никто не нравится, и если я что-то скажу, это все только ухудшит.

— Да, ты прав. Ну, и как ты уговорил такую прилежную девочку, как Эхо, встречаться с таким ублюдком, как ты? — Антонио надавил мне на руку, прежде чем отпустить её. Может, он и не был заинтересован в ней, но достаточно заботился, чтобы скептически отнестись к нашей паре. Что только подтверждало, что у них с Эхо была крепкая дружба. До этого парню было плевать, какую или сколько девушек я приводил к себе домой, чтобы переспать.

Не зная, как отнестись к дружбе между Антонио и Эхо, я переплёл наши с ней пальцы. Парень удивлённо выгнул бровь. «В точку, братишка. Я пометил территорию». Рико пихнул кузена в плечо.

— Ной решил попробовать серьёзные отношения. Он даже ходил на танцы.

Антонио расслабился.

— Да не гоните! Что дальше, поход на выпускной? Я готов заплатить, чтобы увидеть, как ты вырядишься, словно обезьяна.

— Очень смешно. — Я протолкнулся мимо Рико и его кузенов-гиен и завёл Эхо внутрь.

И без того маленькая гостиная будто бы уменьшилась в размере, благодаря подросткам, растянувшимся на диванах и полу.

Бет сидела на кухонном столе с пивом в одной руке и сигаретой в другой. Рядом с ней стоял Исаяя, который кривил рожицы, наслаждаясь, когда Бет заливалась смехом. Похоже, оба уже попробовали тот пакетик травы, что мы купили утром.

Из телевизора донёсся звук визжащих шин. Несколько ребят поздоровались с нами и попросили меня убраться с дороги, так как я преграждал им телевизор.

— Чувак, как оно? — Исаяя полулюбнял меня и улыбнулся, как идиот. — Эхо.

Та прижалась ближе ко мне, и я воспользовался ситуацией, кладя руку на изгиб её талии. У меня потекли слюнки от её сладкого аромата. Как же чертовски хорошо она пахла.

— Привет, Исаяя. Как поживаешь, Бет? — спросила девушка.

Та затянулась сигаретой и окинула её сердитым взглядом.

Стоя на своём, Эхо уставилась в ответ, притворяясь, что ярость Бет не имела для неё значения. Меня охватила гордость. Бет сломалась первой, выдыхая дым вбок.

вернуться

— Ной, сегодня я ходила в магазин и купила клей. Он просто сводит с ума!

Эхо вздрогнула, и не только я это заметил. Исаяя прошипел что-то на ухо нашей подруге, и она сделала глоток пива. Её покрасневшие глаза довольно сверкнули.

— Пошли, я покажу тебе дом. — Будто экскурсия могла спасти ситуацию. Я надавил рукой Эхо на спину, подталкивая её к коридору.

— Наслаждайся туром, принцесса! — крикнула Бет.

Когда моя девушка отошла, я прошипел в её сторону:

— Завязывай уже!

Она пожала плечами и снова глотнула пива.

К сожалению, экскурсия продлилась недолго. Четырьмя шагами позже мы стояли посреди прохода рядом с ванной в розово-зелёную плитку. Эхо смотрела на потрескавшуюся белую краску, наверняка гадая, как бы ей улизнуть отсюда.

— Комната позади — Бет, а вторая — Ширли и Дэйла.

Она потянула за перчатки. Ей нужно было знать, что в этот раз Бет хотела подколоть меня.

— Эхо, то, что сказала Бет... она хотела задеть меня, а не тебя. Считает, что ей придётся приводить меня в чувство, когда ты вырвешь мне сердце и разорвёшь его на кусочки.

Из гостиной донёсся громкий смех и ругань Рико. Дважды за вечер я признался ей в своих чувствах, а она — ничего в ответ. Молчание затянулось. Наконец она спросила:

— Ты умеешь играть в икс-бокс?

Не может быть всё так просто. Каждый раз, когда Бет накидывалась на приводимую мной девушку, я тратил больше времени, убеждая их забыть об этом, чем пытаюсь залезть им в трусики. Мне хотелось поиграть, но я также хотел, чтобы Эхо наслаждалась нашим временем вместе.

— Ага.

— Тогда докажи. — Она дёрнула меня за руку и повела в гостиную. Это что, был какой-то тест? Мне стоило отказаться, сказать, что нам нужно уйти, потому что Бет смутила её? Этого хотели другие девушки.

Но она настаивала на своём, входя в комнату и указывая мне присоединиться к игре. Скоро я узнаю, была ли это проверка. Я занял свободное место на диване и усадил Эхо себе на колени.

— Эй, Рико, передай мне джойстик.

— Да, Рико, дай его кому-то, кто хотя бы умеет играть, — сказал Исая. Последовало ещё больше смеха и ругани.

— Ты будешь лучше играть без меня на коленях, — прошептала Эхо.

Я вступил в игру и приготовился надирать задницы. Когда все выбрали игроков, я скользнул губами по уху девушки. Мне нравилось, что она закрыла глаза и наклонилась ко мне поближе.

— Но тогда я не смогу сделать это.

Через полчаса Антонио увёл её, бросаясь такими словами, как «техника» и «затенение». Я планировал присоединиться к ней на кухне, когда игра закончится, но отказался от этой идеи, когда девушка схватила карандаш и быстро залепетала, рисуя набросок. Мне хотелось, чтобы она чувствовала себя комфортно, и при этом развлечься с друзьями.

Каким-то чудом мне удалось исполнить оба желания.

Через полтора часа Антонио присел на кухне на стул напротив Эхо и стал целоваться со своей девушкой. Периодически он бормотал что-то в её сторону, пока она рисовала и пила свое пиво.

Бет вышла из подвала с пакетом травы и самокруток в руке. Я отбросил джойстик на диван.

— Я всё.

Несколько парней застонали, когда моё место занял Рико.

Исайя кинул в меня пустой банкой из-под пива.

— Да ладно тебе, чувак, Рико ужасно играет! Не могу поверить, что ты оставляешь меня одного.

Я проигнорировал их комментарии относительно моей мужественности и попытки вернуть меня в игру. Рука Эхо быстро взметалась над бумагой, её взгляд скользил вслед за ней. Я пробежался пальцами по её кудряшкам, осторожно выравнивая их, после чего они пружинили обратно.

Она была гением. Нарисовала Антонио и Марию, сомкнувшихся в объятиях. Казалось, рисунок мог в любой момент ожить. Как ей удалось справиться с чем-то подобным в столь короткое время?

Бет села за стол и начала скручивать косяк. Мне немедленно захотелось увести оттуда Эхо.

— Я так тебе и не показал, где живём мы с Исайей.

— погоди секунду. Хочу поправить тень. — Эхо потерялась в собственном мире и забыла обо мне. Чёрт, Бет никогда раньше так быстро не делала самокрутки. Она вставила косяк в рот и подкурила его. Знакомый запах окутал комнату, обращая на себя всеобщее внимание. Включая внимание моей девушки.

Эхо наблюдала, как Бет сделала вдох и задержала дыхание. С момента нашего приезда сюда, я никогда не отказывался от того, чтобы покурить, но я ни за что не собирался делать это перед ней. Бет выдохнула дым. Её губы изогнулись, и она протянула косяк Эхо.

— Хочешь?

Все в комнате замерли, ожидая своей очереди, тем самым делая девушку центром внимания. Она затопала ногой по полу и положила альбом на стол, подталкивая его к Антонио.

— Нет, спасибо. — Она резко посмотрела на меня. — Не смею тебя задерживать.

Мило, именно то, чего я надеялся избежать. Я протянул ей руку.

— Пошли.

29 - Эхо

Я схватила Ноя за руку, подмигнув Бет на выходе. Я пыталась быть вежливой с ней, но это не дало результатов. В кои-то веки мне нравилось вести себя вызывающе. Судя по её недовольному выражению, мне грозила смертельная расплата.

Ной открыл дверь в подвал и показал спускаться первой. Температура упала на несколько

градусов, когда я коснулась цементного пола. В углу стены лежал высокий матрас. Напротив него стояла старая кушетка, а на стене между ними висел телевизор. Джинсы и футболки были собраны в две корзинки для прачечной.

За нами закрылась дверь, и деревянные ступеньки зашуршали от тяжёлых шагов Ноя. Я засунула руки в карманы и обследовала потолок. По шее побежали мурашки от мысли, что сотни крошечных пауков выжидали момента, как бы напасть на меня.

— Что думаешь? — спросил он.

— Тут... э-э... уютно. — Уверена, пауки обожают это место. И те странные букашки, сворачивающиеся в шарик, когда ты касался их.

Парень откинул мои волосы за плечо и сладко поцеловал меня в изгиб шеи.

— Врунишка, — прошептал он мне на ухо.

Тьфу... вопрос моей нравственности: диван или кровать, диван или кровать? Меня лишили выбора, когда Ной поддел пальцем мой пояс и потянул к кровати. Его руки скользнули вокруг моей талии и потащили за собой.

Парень поднялся на локти и игриво улыбнулся.

— Ты хоть представляешь, сколько я ждал, чтобы увидеть тебя на этой кровати?

— Не-а. — Край моего свитера задрался от нашего падения, открывая вид на живот. Ной начал водить по нему круги, опускаясь к ткани моих джинсов с низкой посадкой. Его касание вызвало смесь зуда и мурашек по моему телу. Сердцебиение ускорило, и я изо всех сил попыталась выровнять дыхание.

Все слухи о Ное были правдой. Его поцелуи заставляли меня скручивать пальцы на ногах, а одно касание просто сводило с ума. В моей крови забурлило удовольствие и страх.

— Ной?

— Да? — Его тёмные глаза проследовали за пальцем, ласкающим мой живот.

— Когда ты начал курить травку?

Он прижал ладонь к моей талии.

— Ты так просто не сдаёшься.

Я кивнула, боясь, что вместо достойного ответа просто что-то пропищу. Наши отношения развивались слишком быстро для такой постепенной девушки, как я.

Ной снял обувь и пополз по кровати к подушкам.

— Иди сюда. — Моя рука задрожала, когда я расстегнула замок на своих черных ботинках и ровно поставила их рядом с валяющейся на полу обувью парня. Почему я так нервничала? Это же Ной... с которым я училась, болтала, смеялась, замышляла коварные планы.

Подвинувшись на кровати, чтобы сесть рядом с ним, я почувствовала, как бабочки-птеродактили кувыркнулись в моём животе. Господи Всемогущий, он был шикарен, и я лежала

с ним в кровати! Прислонившись головой к стене, я прижала колени к груди. Он лежал. Я сидела. Нет, ни разу не неловкая ситуация.

Улыбка Ноя дрогнула.

— Не делай этого, Эхо.

Я провела дрожащей рукой по волосам и попыталась вернуть контроль над своим голосом.

— Чего не делать?

Он взял меня за руку и ласково погладил её пальцем.

— Не бойся меня.

Парень слегка приподнялся, а я опустилась достаточно, чтобы положить голову ему на плечо. Я могла пойти на компромисс.

— Я не боюсь тебя. — «Возможно, того, что ты делаешь с моим телом, но не тебя».

— Чего ты боишься?

— Ты первый отвечай на вопрос.

Он положил руку мне на плечи и прижался своей головой к моей, заключая меня в тёплый маленький пузырь.

— Я был во многом похож на Люка в восьмом классе — звезда баскетбольной команды, парень, у которого были самые красивые девушки и популярные друзья... Перейдя в девятый, я пытался оставаться тем же человеком, но как бы ни старался, меня преследовали неудачи. Я бросил спорт, так как не мог позволить себе купить форму или приёмные родители не давали мне возможности потренироваться перед игрой. В конце концов я устал прилагать столько усилий и не получать результатов. Однажды один парень спросил меня, не хочу ли я курнуть, и я... — Он замолк.

Итак, Ной курил травку. Я пила пиво. Мы отличная пара!

— Я никогда не буду курить или пробовать наркотики. Не хочу делать что-либо, мешающее здраво мыслить. Разум — деликатный предмет. — Потому что я боялась спровоцировать механизм, который сделает меня похожей на мать. Исследования предполагали, что существовал шанс между четырьмя и двадцати четырьмя процентами, что я унаследую её маниакальные гены.

— Ты же хочешь получить опеку над братьями? Не боишься, что в какой-то момент тебе предложат пройти тест на наркотики? В смысле, будь я судьёй, я бы так и сделала.

Он легонько целовал мои волосы, вызывая мурашки на затылке, но тут резко остановился.

— Да, думаю, ты права.

Я отодвинулась и посмотрела ему в глаза.

— Я не против, что ты куришь. Не то, чтобы я собиралась присоединиться к тебе, и я бы предпочла проводить с тобой время, когда ты трезвый, но у меня не было в намерениях менять

тебя.

Ной подвинулся, и волосы упали ему на глаза, лишая лицо всяких эмоций, даже улыбки. Он потёр щетину на лице.

— Почему ты не пошла в Хоффман?

— Папа считает, что искусство — это оружие дьявола. — И что если я продолжу развивать свой талант, то превращусь в маму.

— Бред какой-то.

Согласна, но что я могла сделать?

— Мама была художницей. Он ассоциирует её талант с её поведением.

Ной потянул за мою кудряшку.

— Ты не сумасшедшая.

Я попыталась выдавить обнадёживающую улыбку, но выглядело это жалко.

— Мама перестала пить таблетки, потому что они мешали её творчеству. По каждой её картине я могла бы назвать тебе временные рамки её маниакального припадка. Например, когда мне исполнилось девять, вместо того, чтобы спеть мне «с днем рождения», она нарисовала на стене в гостиной Парфенон. Нельзя винить отца в желании защитить меня от становления кем-то подобным. — Я вытянула свои руки в доказательство.

Ной потянулся к ним, но я убрала их. Парень поджал губы и неожиданно снял рубашку, открывая вид на красоту своих шести кубиков. Затем ткнул мне в нос своим бицепсом.

Я резко втянула в себя воздух.

— Боже, Ной. — Красный шрам круглой формы выступал на его коже, точно такой же формы, что и... у меня всё ухнуло в животе... сигарета. Я потянулась, чтобы коснуться его, но не осмелилась.

— Всё нормально. Можешь дотронуться. Он перестал болеть через пару дней после того, как это случилось. Он не откусит тебе пальцы. Это просто шрам. Ничего больше. Ничего меньше.

Я прикрыла рот рукой, глотая желчь.

— Что произошло?

— Приёмный отец номер один. Моя вина. Я решил побыть героем и защитить его биологического сына от ударов. — Он сказал это с такой лёгкостью, как бы между делом, словно такое с каждым бывало. — А этот... — Ной коснулся верхнего кончика татуировки на его второй руке, — ...остался после пожара, когда я пытался защитить братьев от падающих балок.

Шрам длиной с сантиметр шёл вдоль середины его татуировки-креста и останавливался у нижнего края. Верхушка шрама заходила на спину парня. Я отвела от него взгляд, чтобы изучить рисунок. Кельтский крест, переплетённый розой.

Каждый кончик креста носил имя его матери, отца или братьев. Тяжесть в груди надавила мне на лёгкие. Я обвела пальцем контур татуировки, не затрагивая шрама.

— Красивая дань. — Я не могла представить, каково это, потерять всё. У меня, по крайней мере, оставался отец. Может, мне придётся всю жизнь прыгать через обручи, чтобы угодить ему, но, хотя бы на мгновение, как мне кажется, у меня всё ещё была... его любовь...

Ной взял меня за руку и поцеловал пальцы.

— Да. Родители гордились бы каждым шрамом.

Я перевела взгляд на его лицо.

— Я не хотела сказать... я имела в виду... татуировку.

Он облизал губы, прежде чем озорно улыбнуться.

— Знаю. Я показал тебе свои, теперь твоя очередь.

Я покачала головой, прежде чем он успел закончить предложение.

— Это не одно и то же. Ты сильный. Ты помогал людям. Я... я же доверилась не тому человеку, а затем моя жалкая память стёрла все события того дня. В любом случае ты — парень. Шрамы вас украшают. Они смотрятся, ну, сексуально. Но на девушках... это просто безобразно.

Ну вот, я это сказала... вслух.

Его хватка на моей руке окрепла, а глаза потемнели, в них загремела буря.

— К чёрту всё это! Нет ничего постыдного в том, чтобы доверять своей матери. Это она — ненормальная. Не ты. И насчет этой херни про жалость... к чёрту! Ты не жалкая. У тебя хватило смелости вернуться в школу и продолжить жить, будто ничего не произошло. Я же? Я потерял всё и спустил остатки своей личности в чёртов унитаз. Вот это жалко.

Ной отпустил мою руку и накинулся на меня, как сердитый лев.

Двигаясь со скоростью молнии, он схватил меня за талию и положил на кровать. Моё сердце громко застучало, когда парень навис надо мной.

— Малышка, никто и никогда не назовёт тебя безобразной. Особенно в моём присутствии. — Он убрал кудряшки с моего лица, оставляя горящую дорожку от своего касания. — Ты чертовски прекрасна и сексуальна.

Я повернула голову вбок, будучи не в состоянии выдержать его взгляд.

— Есть кое-что ещё... — Всегда что-то остаётся недосказанным. Мама удостоверилась в этом.

Я схватила край свитера и, пока не струсилась, сняла его через голову. Затем слегка повернулась, открывая вид не только на свой чёрный лифчик и руки, но и на шрам, о существовании которого никто не знал, кроме мамы и папы.

Пальцы Ноя легонько прикоснулись к длинному выпуклому рубцу под моей левой лопаткой. Его голос понизился на пару тонов.

— Мне жаль, малышка.

— Никто больше не знает, Ной. Даже Лила.

Он поцеловал мою спину и скользнул ладонями по шрамам на руке.

— Ты прекрасна, — вновь прошептал он у моей кожи. Парень поднял мою руку и пристально посмотрел мне в глаза, оставляя дорожку из поцелуев вдоль моих шрамов. Его шоколадно-карие глаза потемнели от чистого голода. — Поцелуй меня.

Меня накрыла волна эмоций и желание прижать его ближе к себе.

Каждая часть меня болела по нему... разум, душа, тело.

Без всяких сомнений я закрыла дыру между нами и страстно прижалась своими губами к его.

Руки Ноя были повсюду: в моих волосах, на лице, спине и, ради всего святого, на моей груди. Мои ладони обследовали его шикарное тело с той же жадностью. Слишком быстро одурманив меня своими сладкими поцелуями, его теплые губы опустились к моей шее и ложбинке между грудью, из-за чего я выгнула спину и потеряла драгоценный рассудок.

Сама того не желая, я застонала и прошептала его имя, когда руки Ноя пропутешествовали к моим бедрам и распалили пламя в моей крови.

Ной вновь положил меня на кровать, и волосы легли веером вокруг меня.

— Обожаю твой запах, — прошептал он, посасывая мочку моего уха. — Обожаю твою красоту.

Я прижалась к его губам и обвилась вокруг его ноги своей, пока мы двигались в одном ритме. Лихорадочно целуя его, я прошептала слова:

— Люблю тебя.

Потому что так и было. Ной слушал меня. Он заставлял меня смеяться и чувствовать себя особенной. Он был сильным, ласковым, заботливым и... всем. Я любила его. Больше, чем кого-либо другого в своей жизни.

Каждый мускул моего тела окаменел, когда Ной перестал целоваться и посмотрел на меня круглыми глазами. Он дважды погладил меня по щеке и склонил голову.

— Займись со мной любовью, Эхо. Я никогда не делал этого прежде.

Да не может быть! Репутация опытного самца опережала его самого.

— Но...

Он перебил меня поцелуем.

— Да, но никогда любовью. Те девушки ничего для меня не значили. Ты же... — Его язык задел мою нижнюю губу, из-за чего моё тело растаяло. — Ты — моё всё. Я проверялся на зимних каникулах — я чист, и у меня есть презерватив. — Он потянулся вбок кровати и волшебным образом достал маленький оранжевый квадратик.

Я снова замерла. Чувствуя мою неуверенность, Ной медленно поцеловал меня в губы,

поглаживая по щеке.

— А с зимних каникул?

— У меня никого не было, — прошептал он у моих губ. — Я встретил тебя и даже подумать не мог о том, чтобы прикоснуться к кому-то ещё.

Я любила его, и мы были вместе. Я запуталась пальцами в его волосах и прижала его голову к своей, но стоило ему коснуться пояса моих джинсов, моё сердце задрожало и руки выстрелили вперёд, чтобы остановить парня.

— Прощу, подожди, Ной... — О господи, я действительно собиралась это сказать. — Я девственница.

Тот замер.

— Но ты же была с Люком.

Мои губы изогнулись в слабой улыбке. Обычно я была той, кто терял дар речи, было забавно видеть его недоумение.

— Поэтому мы и расстались. Я была не готова.

Он слез с меня и устроил у себя под боком, грея меня. Я положила голову ему на грудь и прислушалась к успокаивающему звуку его сердцебиения. Ной провёл рукой по моим волосам.

— Я рад, что ты сказала мне. Твой первый раз должен быть особенным, и я буду ждать столько, сколько тебе потребуется.

30 - Ной

Почти все машины уже разъехались, когда я вернулся домой. В полночь я подвёз Эхо домой, затем покатался пару часов, пытаюсь обдумать всё, что произошло между нами.

То, что она открылась мне, доверилась, когда я этого не заслуживал, это... изменило мою жизнь.

Рико спал на диване вместе с какой-то девушкой. Что-то мне подсказывало, что она пожалеет об этом утром. В подвале мигал свет от телевизора с приглушённым звуком. Я схватил пульт, чтобы выключить его, когда меня остановил Исая.

— Я всё ещё смотрю, чувак.

— Виноват. — Я улыбнулся, словив себя на том, что использовал одну из фразочек Эхо. Улыбка сошла с лица, когда я заметил голую спину девушки, заснувшей на плече Исая. Я тут же отвернулся к лестнице.

— Прости, друг. Я не знал, что ты не один. — Не в первый раз он забывал запереть дверь.

— Стой. Это Бет.

Ответ только увеличил моё желание сбежать. Я так долго прожил, ни разу не видев её голой, что вовсе не намеревался менять это.

— Да мне и там хорошо.

— Подожди, и мы выпьем пива. — Парень что-то пробормотал Бет, и она хрипло ответила.

Я прошёл на кухню, открыл холодильник и взял две банки.

Исайя вышел из подвала в одних джинсах. Я вручил ему пиво и снял крышечку со своего.

— Я сказал Эхо, что она — моя.

— Я переспал с Бет.

Мы опёрлись на столешницу и одновременно сделали глоток.

— Вы теперь пара?

— Чёрт его знает. Ты же в курсе, какая она. Мне повезёт, если она сбежит к своей маме на месяц, проснувшись и вспомнив, что мы сделали. В худшем случае она переспит с первым встречным неудачником, чтобы доказать, что ей никто не нужен. Чёрт, Ной, я всё испортил.

Я позволил ему постоять в тишине, пока друг собирался с мыслями. Наконец, он потянул за сережку в ухе и сказал:

— Это случилось. Нужно просто смириться. Даже если придётся это игнорировать. Просто... мы оба были пьяны, и от неё так хорошо пахло...

Исайе не нужно было объяснять. Я всё знал о хорошо пахнущих девушках. Не знай я лучше, то подумал бы, что Эхо жила в пекарне.

— Так у тебя теперь есть девушка? — спросил он.

— Ага. — Я был официально окольцован. Мы снова постояли в тишине, периодически попивая пиво.

— Я хотел вам кое-что сказать. Не могу найти одну из частей, которая нужна для починки её машины. Мне придётся покупать её в магазине.

Мои знания о машинах были ограничены, но даже я понимал, что это не к добру.

— Сколько?

— Сотня.

Чёрт возьми. Эхо зависела от наших дополнительных занятий из-за денег и пока отдавала Исайе все свои сбережения. Я знал, что у её отца были деньги, но он отказывался помогать.

— Не говори ей. Купи, что нужно, и я покрою все счета.

— Уверен?

— Да.

Эхо хотела, чтобы эта машина ездил, а я хотел вновь увидеть улыбку на губах моей сирены. Несколько листов бумаги с её именем в углу попались мне на глаза. Как ей удавалось рисовать

так быстро? Девушка нарисовала портрет смеющихся Исайи и Бет. Последний рисунок остановил моё сердце. Я увидел глаза своей матери.

Парень подошёл ко мне сзади:

— Чувак, она талантище. Этот портрет — твоя вылитая копия!

— Ты же не думал, что можешь сбежать из школы без моего ведома? — Миссис Колинз закрыла дверь своего офиса и надела пальто.

Я подумывал выйти через боковую дверь возле моего шкафчика, но комментарий Эхо о наркотиках заставил меня мыслить наперёд, что удавалось с трудом. Если я хотел произвести хорошее впечатление, то лучше начать следовать правилам, ну или хотя бы делать вид.

— У меня записка от Ширли и Дэйла с позволением пораньше уйти с занятий. Всё законно.

Она закатила глаза и достала ключи от машины из своей огромной сумочки.

— Когда ты смиришься с тем, что я на твоей стороне? Я привезу тебя как раз к последнему уроку.

Я закончил писать своё имя в журнале посещений и кинул карандаш на прилавок.

— Скорее положите в больницу, — пробормотал я. Миссис Колинз пронеслась мимо меня, и я последовал за ней к машине. — Не хотите рассказать, как вы узнали об этом? — поинтересовался я, закрывая пассажирскую дверь и пристёгиваясь.

— Мой муж занимается волонтерской работой в Обществе Правовой Помощи и оповестил меня, что ты договорился о встрече.

Класс. Мне когда-нибудь удастся отвязаться от этой женщины? Я вцепился в ручку, когда она резко вдавила педаль газа на трассе и подрезала минивэн.

— Вон та большая блестящая красная штуковина в сантиметре от вас была другой машиной.

Она стукнула по рулю и засмеялась.

— Каждый раз, когда я думаю, что мы сближаемся, ты подшучиваешь надо мной. Мне это нравится. — Перед нами загорелись красные фары. Она ускорила, вместо того, чтобы ударить по тормозам.

— Строительная зона, — сказал я. Миссис Колинз свернула перед огромной фурой, даже не глянув в зеркало, и едва съехала с трассы. Свет от фар внизу съезда стал красным. Она ждала, чтобы притормозить, пока мы не оказались меньше чем в пяти шагах от здания. Меня резко откинуло вперёд, затем потянуло назад на сидение.

— Если вы готовы признать, что не умеете водить, я мог бы научить вас.

Женщина наконец глянула в зеркало заднего вида, но лишь чтобы поправить помаду.

— Не хочешь рассказать, что ты собираешься обсуждать с адвокатом? У меня было впечатление, что ты согласился доверить благополучие Джейкоба и Тайлера мне.

— Значит, хорошо, что я не собираюсь это обсуждать. — Я не сводил взгляда с дороги. Миссис Колинз может косить под дурочку и быть худшим водителем на планете, но она всегда знала больше, чем показывала, и что-то мне подсказывало, что этот раз — не исключение.

Сайт Общества Правовой Помощи обещал бесплатную защиту в суде, что было как нельзя кстати. Обосновавшись в центре города, Общество расположилось в одном из старых исторических домов, мимо которых любил проезжать папа. Помню, как он жаловался маме, насколько трудно сдерживать правительство, чтобы они не сносили старые здания. Ему бы понравилось, что Общество переделало старый дом в офис.

С полчаса мы с миссис Колинз сидели на деревянных стульях напротив административного стола. Вокруг меня терпеливо и не очень ждали люди. Слышались телефонные звонки и бормотание из разных кабинетов. Как и всё другое в жизни, если оно содержало слово «бесплатно», оно подразумевало и «медленно». Миссис Колинз закончила проверять сообщения на своём БлэкБерри и повернулась ко мне. Так и знал, что моя удача когда-нибудь закончится.

— Так почему бы тебе не поведать мне, зачем мы здесь?

Я наклонился вперёд и облокотился на колени.

— Вы умная, наверняка уже догадались.

— Да, но я хочу услышать это от тебя.

Потирая руки, я призадумался, стоит ли открывать ей правду.

Если здесь работал её муж, то она всё равно узнает, но по какой-то причине мне казалось, что если я произнесу эти слова, то тем самым введу её в свой личный мир. Вопрос в том, достаточно ли я ей доверял, чтобы это сделать?

— Я хочу взять опеку над братьями после своего совершеннолетия и окончания школы. Мне нужен кто-то, кто разъяснит, как это сделать.

— Ной... — начала она, затем запнулась. От её паузы воздух между нами отяжелел. — Ты хоть представляешь, как тяжело растить восьмилетку и пятилетку?

Ну, моя жизнь определённо не могла стать хуже, чем сейчас.

— Вы хоть представляете, каково жить без них?

— Мы с Кишей работаем над тем, чтобы участить твои посещения.

У меня дрогнул мускул в челюсти, и пришлось изо всех сил сосредоточиться, чтобы сдержаться от криков.

— Меня не интересует учащение посещений. Я хочу обратно свою семью.

— Опека над Тайлером и Джейкобом не вернёт твоих родителей.

Сердце врезалось в грудную клетку, и я резко повернул к ней голову.

— Думаете, я этого не знаю? Не считаете, что я провёл последние два с половиной года, зная, что моя жизнь никогда не будет прежней?

— Именно, — кивнула женщина. — Она никогда не будет прежней. Ты не будешь их братом. Ты будешь отцом. Существует большая разница... ты действительно хорошо подумал над этим? Какую, по-твоему, работу ты можешь получить после окончания школы? Как ты сможешь растить их и заботиться о себе? Есть множество программ, способных помочь тебе, Ной. Тебе. Поскольку ты на штатском попечении, они заплатят за твоё обучение в колледже. Подумай о жизни, которую ты можешь для себя создать. Подумай о своём будущем.

Женщина с зачёсанными назад каштановыми волосами и в синем костюме вышла из кабинета, озарив меня деловой улыбкой.

— Ной Хатчинс?

«Как раз вовремя». Я встал и опустил взгляд на миссис Колинз.

— Мои братья — моё будущее.

— Твои братья в порядке. — Её глаза молили меня. — Клянусь, они в безопасности.

Я покачал головой, пытаюсь игнорировать нытьё в своей голове, твердящее, что миссис Колинз была из тех взрослых, которым было не наплевать и которые не стали бы лгать.

Образ лица Тайлера в синяках появился у меня перед глазами. Доверившись ей, я повернулся спиной к братьям — а я никогда так не поступлю.

Мне нужно придерживаться плана: поговорить с Обществом об опекунстве, безусловно вести себя в школе, найти приличную работу до окончания учёбы и доказать, что Кэрри и Джо — неподходящие родители. И для последнего пункта мне нужно было добраться до своей папки.

31 - Эхо

— Это сработает, — промурлыкал Ной.

Мы закончили заниматься час назад, и то благодаря моей крайней настойчивости. Я сидела на его коленях с пассажирской стороны машины Айреса, пока Исая нависал над открытым капотом. Ной рассказывал о своём новом плане, как добраться до наших папок, пока доводил моё тело до взрывоопасного состояния своими ласками и поцелуями. В нём было много недочётов, но соблазнения парня затуманили мой разум и не давали мне озвучить свое мнение до этого момента.

— Ты вправду веришь, что миссис Колинз купится на это? — спросила я. — Во-первых, она, скорее всего, скажет тебе подождать до среды, или раскусит тебя и поймёт, что ты что-то задумал.

— Больше всего ей хочется, чтобы я пошёл в колледж, и если я скажу, что сдам АСТ, она будет писать кипятком от радости. Она молила меня подать заявку на позднюю регистрацию. — Ной целовал мою шею, мешая моей способности принимать правильные решения. Я открыла дверь

и выскользнула из машины. Март гордо прокрался к нам в город, и воцарилась суровая, но тёплая погода. Я стояла достаточно близко к открытой двери гаража, чтобы несколько капель могли упасть мне на обувь. Ной не прильнул ко мне своим телом, как делал обычно. Вместо этого он прислонился к дверной раме, подальше от меня.

Наша прошлая попытка заглянуть в папки закончилась полным крахом.

Но это только подстегнуло нас пытаться дальше. Я часто гадала, не может ли такого быть, что мы вместе только потому, что у нас была общая цель? Временами мы не могли говорить ни о чём другом, но затем я замечала тепло в его карих глазах и знала — ему не плевать.

— Если это сработает, в чём я не уверена, думаю, ты первым должен заглянуть в свой файл, — сказала я. — Мне жаль, что их фамилия не помогла.

Он испробовал каждый доступный нам способ — телефонный справочник, гугл, фейсбук — и не нашёл ничего на приёмных родителей Джейкоба и Тайлера.

— Нет. Я видел, как твой папа и миссис Колинз разговаривали сегодня утром. Что-то происходит, и мы должны всё разузнать. — Ной посмотрел на дождь, выглядя как модель нижнего белья Кельвина Кляйна, а не как потерявший всё приёмыш. — Кроме того, я думаю, мы вдоволь успеем насмотреться на оба файла, так как у тебя назначен гипноз на четверг. Когда я завтра выманю миссис Колинз, ты прочтёшь свою папку, а я свою — в четверг.

— Это не гипноз, а расслабляющая терапия, и я ещё на неё не согласилась.

— Но она идеально нам подходит! Вы с миссис Колинз будете в медкабинете, все секретари уже разойдутся. Более того, ты сама говорила на прошлой неделе, что наш терапевт считает, что ты на грани большого прорыва.

Дождь забарабанил по крыше гаража. Я оглянулась на Исайю и Бет. Мне не нравилось, что она сидела на любимой рабочей скамейке Айреса, но от её присутствия в глазах у Исайи загоралась искра.

Что будет, когда я наконец сложу кусочки пазла вместе? Когда пойму, зачем я рисую снова и снова ночное небо? Когда разберусь, почему мама рассказывала мне сказки, пока я истекала кровью на её полу? Может, моим ночным кошмарам придёт конец, и я впервые за два года смогу выспаться.

А вдруг не сработает? Миссис Колинз считала, что мой мозг готов вспомнить что-то большее — нужно только подтолкнуть его в правильную сторону мышления. Этот обрывок информации довёл до того, что Эшли в запой пустилась рассуждать, что нам стоит ещё раз попробовать гипнотерапию. И делала это в стиле общественно-политического журнала. Оказалось, она уже провела поиски, нашла нового терапевта и проверила его верительные грамоты. Миссис Колинз знала его, поэтому была не против, но и не рада. Желая осчастливить Эшли, папа неохотно согласился, и, как всегда, я не воспротивилась.

Да мы и не собирались полностью восстанавливать мне память. Нашей целью было увидеть, смогу ли я вспомнить какие-то моменты до того, как мать затащила меня в ад.

Предполагалось, что эта расслабляющая терапия будет отличаться от той, что чуть не свела меня с ума летом после несчастного случая. Миссис Колинз сказала, что тот терапевт был неопытен и слишком на меня давил, желая быстрого результата. В четверг Эшли приведёт авторитетного «профессионала». Миссис Колинз уверяла, что будет наблюдать за нашей

сессией, и что я буду в безопасности — мой разум больше не расколется.

Пока что, в большинстве случаев, она оказывалась права, но... я прошептала, чтобы больше никто не услышал:

— Что, если папа прав? Что, если мой разум не может выдержать правды?

— Малышка, у тебя достаточно сил и упорства, чтобы завалить дилера. Ты будешь в порядке.

Хотелось бы мне обладать уверенностью Ноя и верой в себя. Его ничто не колеблет, и по какой-то причине он считал, что я могла горы свернуть. Когда-нибудь он сильно разочаруется, увидев меня настоящую — слабую, жалкую.

— Где твой отец? — спросил парень. — Обычно к этому времени он уже дома.

С тех пор, как папа понял, что Ной и Исаяя проводили время у нас в гараже каждый понедельник, он приезжал с работы как можно раньше. Может, он и смирился, что Ной мой парень, но ему не нравилось, что я находилась с ним наедине дома.

Моя нога нервно застучала по полу. Папино странное поведение превзошло само себя.

— Мой «Неон» не пережил замены деталей. Сегодня он подбирает мне новую б/у машину. — А я любила свой «Додж». Мы с Айресом выбирали его неделями, пытаюсь найти идеал, который будет подходить по цене и качеству. Когда я, наконец, его купила, мы забрали маму, чтобы отпраздновать это поездкой в «Дэйри Квин» и шоколадными коктейлями. Хорошо, что Исаяя пообещал починить машину брата. В ином случае я бы свернулась в клубок и заплакала из-за потери Айреса... и мамы.

Я заметила испепеляющий взгляд Бет, прислушивающейся к нашему с Ноем разговору. Перед ней и Исаяей мы общались в открытую, но никогда напрямую не затрагивали мои проблемы. Ной считал их своей семьёй и доверял им. Я доверяла Ною и испытывала симпатию к Исаяе. Бет я просто терпела.

— Сегодня было очень интересное занятие по физкультуре. — Губы девушки расплылись в дьявольской ухмылке. Она редко обращалась конкретно ко мне. Птеродактили Ноя начали клевать слизистую оболочку моего желудка.

— Правда? — спросила я, подразумевая: «Пожалуйста, начни снова меня игнорировать».

— Весь урок слушала, как твоя маленькая подруга-чирлидерша Грейс издевалась над тобой. Должна признать, сегодня она впервые меня развеселила.

Слова Бет подтверждали то, что я уже знала в глубине души: публичные отношения с Ноем довели Грейс и уничтожили хрупкие остатки нашей дружбы. Если Бет планировала выпотрошить меня, как рыбу, ей удалось. Живот болел так же сильно, как когда Люк в меня врезался.

Ной оттолкнулся от рамы и решительно подошёл к ней.

— Твою мать, Бет! Какого хрена, что с тобой не так?!

— Со мной? Это ты тусуешься с мисс Психопаткой! — Она прыгнула с лавочки, случайно сбивая банку с шайбами. Она покатила к краю лавки.

— Бет, хватай её! — закричала я.

Она потянулась, но её пальцы задели лишь воздух, поскольку банка разбилась об пол. Звук разбивающегося стекла эхом отдался у меня в голове. Перед глазами замелькали образы, а чёрная дыра в моём разуме стала расти, расширяться. В мой череп будто вбивали острые гвозди, но в этот момент одна из картинок начала проявляться.

Я лежала на бежевом ковре на полу в маминой гостиной.

Меня окружали цветные осколки стекла и кровь. Много-много крови.

Мои руки пронзала боль. Я перевернулась, чтобы избежать её, только чтобы вскрикнуть в агонии, когда что-то острое порезало мне спину.

Мой взгляд сосредоточился на входной двери. Мне нужно было туда добраться. Я должна была выйти наружу. Игнорируй боль. Борись со страхом. Я перекатилась набок, крича, когда стекло впилось мне в колени и руки. Осколки хрустели под моим весом. Крупные кусочки впивались мне в мышцы, резали, как горячий уголь, а мелкие врезались в кожу. Я ползла вперёд. Усталость прибавлялась с каждым движением, голова кружилась, а желудок бунтовал. Господи, где же он? Он же обещал прийти. Боже, папочка, пожалуйста, приди.

— Эхо!

Я часто заморгала и обнаружила себя согнутой на полу гаража, с руками, цепляющимися за голову. Сердце больно билось в груди, моё тело тряслось.

Ной присел рядом со мной с круглыми глазами, на его лице был написан шок. Он убрал мне волосы за ухо и заговорил тихим, успокаивающим тоном:

— Малышка, что произошло? Тебе больно? Тебе плохо? — Мой взгляд метался по комнате, чувствуя опасность. Исая и Бет смотрели на меня, как на сумасшедшую. Ной взял моё лицо в руки, возвращая к себе всё внимание. — Пожалуйста, солнышко...

Я сглотнула, пытаюсь увлажнить пересохшее горло.

— Цветное стекло. Это был мамин новый проект.

Его глаза потеплели от понимания произошедшего.

— Ты что-то вспомнила. — Небо осветилось молнией. Каждый мускул моего тела напрягся. Ной прижал меня ближе к себе. — Всё в порядке. Я с тобой.

Мой затылок горел, зубы стучали, тело дрожало. Я шмыгнула, пытаюсь подавить слёзы. Если мне было так плохо от мимолетного воспоминания, что случится, если я вспомню всё? Я сломаюсь?

В уголках глаз стали собираться горячие слезы, но я смахнула их рукавом.

— Я устала от кошмаров. — «Я устала гадать, теряю ли я рассудок».

Ной погладил меня по волосам, его хватка на мне окрепла.

— Мы разберёмся с этим, Эхо. Клянусь, мы со всем разберёмся.

— Жаль, я не могу спать с тобой, — пробормотала по телефону Эхо своим сонным и чертовски сексуальным голосом.

— Скажи только слово, и я переверну твой мир, малышка. — Я освободился после работы чуть позже полуночи и решил набрать Эхо. Теперь я сидел на сушике, давая Бет и Исайе время наедине, хотя оба утверждали, что не нуждались в нём. Притворялись, будто между ними ничего не произошло. Хорошая новость: девушка не бросилась к своей маме и не позволила какому-то парню использовать её. Плохая: Исайе было очень больно. На мгновение я попытался забыть о проблемах своих лучших друзей и сосредоточиться на воспоминании о сладком запахе корицы, вместо влажного и затхлого зловония подвала.

Смех моей маленькой нимфы заполнил мне душу.

— Пошляк! Я говорила об обычном сне, а не намекала на секс.

— Нам не нужен секс. Есть другие способы помочь тебе заснуть.

— Ты невероятен, — сказала она сквозь шорох одеяла. — Ты даёшь мне чувство безопасности, Ной. Может, если бы я чувствовала себя в безопасности, я могла бы заснуть.

Поэтому у Джейкоба ночные кошмары? Он не чувствовал себя в безопасности?

— Я как-нибудь прокрадусь к тебе в комнату ночью, и мы опробуем твою теорию. Обещаю, мы будем просто спать.

— Папа убьёт тебя, а меня запрет в монастыре.

— Я готов рискнуть.

— Так... — сказала Эхо максимально расслабленным тоном. — Я же говорила, что сказка с АСТ не работает. — Она хихикнула, наслаждаясь тем, что оказалась права.

Через десять минут после начала терапии Эхо я зашёл в офис миссис Колинз и объявил о своём внезапном интересе к колледжу. В одном я оказался прав. Женщина писала кипятком. Но вместо того, чтобы воспользоваться случаем и нагрузить меня информацией, она залепетала, что ей нужно время, чтобы собрать бумаги. Затем назначила мне встречу на четверг, прямо после школы и перед гипнозом Эхо.

— А тебе нравится, когда ты права, не так ли?

— Тс-с-с. Я наслаждаюсь моментом. — Девушка громко зевнула. Её кошмары участились и стали более жуткими благодаря терапии. Что-то мне подсказывало, что она спала лишь пару часов каждую ночь, заставляя себя бодрствовать, чтобы избежать снов.

Я задумался о Джейкобе и его кошмарах.

— Если бы ты знала причину своих страхов, ты бы поговорила об этом с миссис Колинз?

— Ты что, обкурился? — Она даже не дождалась ответа. — Она знает причину моих страхов, но да, я бы поговорила с ней. Она немного двинутая, но, мне кажется, она знает, что делает. Ну... вроде бы... по крайней мере, лучше, чем большинство идиотов, которых я встречала. Не знаю. Она мне нравится. — Её голос затих под конец.

— Иди спать, солнце. Увидимся завтра в школе.

Эхо снова зевнула.

— Я ещё чуть-чуть почитаю. Люблю тебя. — Она повесила трубку, зная, что я промолчу в ответ. Хотелось бы мне иметь её храбрость.

— Скажи, что вы расстались, — крикнула Бет.

Я спрыгнул с сушики и обнаружил своих друзей, свернувшихся на кровати и смотрящих телевизор.

— С чего бы?

— Потому что она сумасшедшая! И прежде чем ты начнёшь её защищать, вспомни, что я присутствовала при её маленьком приступе.

Я снял футболку и кинул в корзинку с грязным бельём, затем устроился на диване. Первое, что я куплю, когда обзаведусь квартирой, это кровать. Огромную, с мягкими подушками и одеялом.

— Не смей меня игнорировать! Исая, скажи Ною, что он нарушает кодекс парней. Например, они не встречаются с психопатками. — Слишком легко. Я открыл было рот, чтобы ответить тем же Бет, но Исая остановил меня.

— Не надо, чувак. Просто не надо.

Я поднял старую и грязную подушку и подложил себе под голову.

— Перестань вести себя, как стерва.

— Спасибо, — пробормотал друг. Бет ненавидела, когда её так называли. Но, как говорится, на воре шапка горит...

— Ну и ладно. Продолжай твердить себе, что ты не встречаешься с чокнутой. А у неё есть имена для остальных своих личностей?

— Перестань, Бет, — сказал Исая.

Это должно было прекратиться. Чем больше Бет на меня давила, тем усерднее я защищал Эхо, и тем больше становились шансы, что она продолжит свои нападки.

У неё и так было достаточно проблем, чтобы мириться с моей некровной сестрой, у которой слишком большой рот. Если она когда-нибудь узнает, то взбесится, но я должен был это сделать... ради всеобщего блага.

Я закинул руку на лицо, надеясь, что как только это скажу, все наконец пойдут спать:

— В конце восьмого класса на неё напали. Мозг Эхо подавил все воспоминания, и миссис Колинз пытается ей помочь вспомнить. То, что ты видела в гараже, было небольшим воспоминанием о той ночи. Оставь её в покое.

В телевизоре громко засмеялись, за чем последовал саркастичный комментарий актёра. Я ожидал язвительных нападок от Бет. Убрав руку от лица, я заметил, что та в ужасе. Исая убрал волосы с её лица и что-то прошептал ей на ухо. Она моргнула и вернулась в реальность.

— Прости, Ной, — прошептала она. — Мне жаль.

— ...и я добавила информацию об университете Луисвиля и Кентукки, хотя наш штат готов заплатить за любой государственный ВУЗ. У них обоих прекрасная программа для будущих архитекторов. — Миссис Колинз впервые вдохнула за пять минут. Дневное солнце превратило её кабинет в жаркую тюремную камеру.

— Архитекторов? — Я посмотрел ей в глаза, дабы проверить, не курнула ли она чего.

— Архитекторов. — Она радостно улыбнулась.

Я вяло пролистал гору брошюр на своих коленях. Мой отец был архитектором. Он проектировал жилые дома, даже позволял мне помочь. Я начал читать требования для поступления. Чем я занимаюсь? Я закрыл папку.

— Эхо доверяет вам. — Не уверен, зачем я это сказал, но мне нужно было отвлечься.

Глаза женщины смягчились, но она быстро надела обратно свою маску радостного щенка.

— Ну-ну, я уже говорила, мы не будем обсуждать Эхо. — Она закачалась взад и вперёд на своём стуле. — Хотя беру слова обратно. Мы можем обсуждать всё, что касается ваших отношений. Буду честной, я безумно хочу узнать подробности.

Я не любил сплетничать, в особенности со своим терапевтом. Но Эхо сегодня выглядела усталой, и мне показалось, что она заснула на математике. Если её кошмары были настолько ужасны, то каково было Джейкобу?

— Я не уверен, что доверяю вам. У меня плохо складывались отношения со взрослыми.

— Да, это так. Что тебя беспокоит, Ной?

Я провёл рукой по лицу и сглотнул. Что, если я не прав насчёт неё? Она могла уничтожить наши с Джейкоб шансы на воссоединение.

Миссис Колинз облокотилась на стол.

— Клянусь, всё, что ты скажешь, останется между нами, если ты не попросишь об обратном.

— Вы верите в бога? — спросил я.

Вопрос сбил её с толку, но она ответила:

— Верю.

— Тогда поклянитесь им.

— Клянусь богом, что всё, что ты скажешь, останется между нами, если ты не попросишь об обратном.

Будь она проклята, если соврала мне.

— Джейкоб был причиной пожара.

Она резко всосала воздух, но быстро собралась.

— В отчете говорится другое. Там сказано, что это был несчастный случай.

— Так и было. Он сделал это ненамеренно. — Я не отводил взгляд. Она должна была мне поверить. Джейкоб ни за что бы ни навредил никому специально.

Женщина потёрла глаза и покачала головой, будто пытаюсь избавиться от этой информации.

— Ты уверен? Может, он что-то перепутал и лишь думает, что начал пожар?

— Нет. Но это я виноват. — Это чувство будет преследовать меня вечно. — Вместо того, чтобы остаться дома и поставить палатку с братьями, я поехал на ярмарку с одной девушкой. В то время свидание казалось таким важным, я... — Вина, которую я так отчаянно пытался закопать под слоями равнодушия, всплыла на поверхность в форме тошноты. Я боролся, чтобы подавить рвотные позывы.

Я попытался отодвинуть эти эмоции на второй план. Сейчас разговор был не обо мне.

— Это неважно. — Я вытер нос, в моей крови забурлил гнев. Если я не вытерплю эту сессию без слёз, то не заслуживаю своих братьев. Я прочистил горло.

— Мама сказала Джейкобу, что мы поспим в палатке в следующую пятницу, но он разозлился. Когда родители уложили их спать, братья встали, чтобы приготовить смуры. У мамы в ванной стояла свечка. Наверное, она оставила там и спички. Джейкоб поджег её, они поджарили зефир и пошли в гостиную спать. Папа поставил там палатку перед тем, как узнал, что я ухожу.

Миссис Колинз подняла руки к лицу, будто молилась.

Её глаза блестели.

— Пожар начался в ванной. Мы предполагали, что один из твоих родителей поджег свечку и забыл её затушить. Понятия не имели, что это был твой брат.

Остальное она знала. Мои родители умерли в своей спальне, а я вернулся, когда пожар уже всю пылал.

— Джейкоб рассказал мне в больнице, и я пообещал никому не говорить. — Обещание, которое я не сдержал.

— Почему? — Её раздражение было очевидным. — Почему ты никому не сказал? Социальный работник мог бы ему помочь!

Я приветствовал старое доброе чувство предательства и злости.

— Они разделили нас! Кому я мог довериться? — А теперь, чтобы довершить мое собственное предательство: — Помогите моему брату.

Она вытерла глаза.

— Помогу. Обещаю. — Женщина посмотрела на часы, наша терапия закончилась.

Поскольку мне было больше нечего сказать, я встал, всунул руки в рукава куртки и приготовился увидеть Эхо по другую сторону двери.

— Ной, — позвала миссис Колинз, — я планирую помочь и тебе.

Я не хотел помощи. Мне была она не нужна, но я не собирался спорить с человеком, который спасет моих братьев. Я открыл дверь и увидел Эхо, облокотившуюся на стол и смотрящую в пол, бесконтрольно стучая ногой.

33 - Эхо

Ной выглядел усталым. Его тёмные глаза хранили в себе ужасный груз, его плечи ссутулились. Он закрыл дверь в кабинет, и я встретила его на полпути.

— Ты как?

Он слабо улыбнулся и прижал меня к себе.

— Надеюсь, я поступил правильно. — Парень обнял меня ещё крепче.

Я положила голову ему на плечо и попыталась успокоить, поглаживая его по спине.

— Уверена, что это так. — Он беспокоился о Джейкобе и возможности довериться миссис Колинз. — Ты бы никогда не сделал ничего, что могло навредить твоим братьям.

— Спасибо. — Он поцеловал мои волосы и чуть не задушил в объятиях. — Мне нужно было это услышать.

Мы не двигались с пару секунд, прежде чем он освободил меня из своей смертельной хватки.

— Я пока поброжу по коридору, чтобы ты могла подготовиться в медкабинете, а затем прокрадусь в её офис.

Как ни странно, это звучало как взлом, делая наш план противозаконным. Мой живот скрутило.

— Не знаю... Может, нам не стоит этого делать. Я не хочу, чтобы тебя поймали. — Или выкинули из школы, или отправили в тюрьму.

Ной сверкнул озорной улыбкой.

— Я когда-нибудь говорил, что ты параноик?

Я скрестила руки на груди.

— Несколько раз.

Он поцеловал меня, и миссис Колинз открыла дверь.

— Я сделаю вид, что не видела этого.

Парень подмигнул мне, прежде чем покинуть офис. Женщина улыбнулась от уха до уха, махая воображаемым хвостом.

— Вы такая замечательная пара! Он пригласил тебя на выпускной бал?

Какой странный вопрос.

— Бал будет аж через месяц. В любом случае не думаю, что Ной танцует.

— Он пришёл на бал в честь Дня Святого Валентина. — Она прошла мимо меня и зашла в медкабинет, подзывая меня пальцем.

— Такое бывает раз в жизни. — Я неохотно последовала за ней. — Знаете, я ведь не соглашалась на это.

Женщина рассмеялась — серьёзно, она смеялась надо мной!

— Ох, Эхо. Ты всё равно это сделаешь, хотя бы потому, что я тебя попросила. Иногда твоё неверие в собственные силы идёт нам на руку.

Я встала посреди кабинета и засунула руки в карманы.

— Разве это не нарушение какого-нибудь кодекса терапевтов? Ну, знаете, использовать мои проблемы против меня?

— Возможно. — Она снова улыбнулась. — Эхо, это доктор Рид. — Также известен как расслабляющий терапевт, которого выбрала Эшли. Низенький мужчина встал и пожал мне руку.

— Как поживаешь, Эхо?

Ужасно.

— Нормально.

— Тебе будет легче, если ты приляжешь, — сказала миссис Колинз.

Понадобилась вся моя сила, чтобы не плюхнуться тут же на кушетку. Мои пальцы нервно барабанили в кармане, а сердце выбивалось из груди. Я ей ещё покажу.

Женщина склонила голову.

— Похоже, Ной имеет на тебя сильное влияние. Теперь, когда ты доказала мне, что не танцуешь под чужую дудку, за что я очень горжусь тобой, может, приляжешь?

Ну, поскольку она вежливо попросила и у меня сейчас случится сердечный приступ...

— Конечно.

Миссис Колинз потушила свет, а я легла на неудобную кушетку. У моих ног лежал плотный плед, а под головой — мягкая подушка. Я выгнула бровь.

— Я хотела, чтобы ты чувствовала себя комфортно.

На столе рядом с раковиной стояло несколько свечей.

— Вы собираетесь поджечь их?

— Собиралась. — Женщина вздохнула. — Но передумала. Ты предупредила отца, что терапия может затянуться? Не хочу, чтобы он выставлял мне претензии, когда ты придёшь домой чуть позже обычного.

Теперь вздохнула я.

— Да. Мой Господин в курсе, и мне дали прямое указание позвонить в ту же секунду, как мы закончим.

Она хихикнула.

— Мне тоже. Твой Господин, м-м? В этом что-то есть. — Миссис Колинз избавилась от своего игривого тона, обращаясь к доктору Риду. — Мы готовы.

Схватив плед и взбив подушку, я свернулась клубком, как медвежонок, готовящийся к спячке. Если я действительно собиралась пойти на это, то пусть мне хотя бы будет тепло.

Доктор Рид начал с дыхательных и медитативных упражнений. Через какое-то время мои мысли начали уносить меня от действительности, а его голос превратился в успокаивающий, притягательный звук.

— Скажи мне, Эхо, когда ты в последний раз чувствовала себя в безопасности? По-настоящему в безопасности.

— Ной дает мне это чувство.

Я последовала за ласковым и ободряющим голосом, представляя тепло Ноя, его сильное тело и сладкий мускусный аромат, обволакивающий меня в свой защитный пузырь.

— Комай глубже, Эхо. Очень-очень глубоко. — Продолжал он говорить. Я сильнее завернулась в плед и прислушалась к голосу доктора, подталкивающий мой разум вспомнить то время. Воспоминания сменялись, как на слайд-шоу, пока я не нашла то, что согрело мне душу.

— Айрес давал мне чувство безопасности. — Он прятался со мной в шкафу несколько раз, когда мама страдала особо энергичным маниакальным приступом. К тому времени, как он меня нашел, папа уже позаботился о маме, но я отказывалась выходить. Он остался со мной и читал сказки с фонариком, пока я не заснула.

— Эшли. — Забавно, голос был моим, но слова звучали будто издалека. В детстве ее присутствие означало игры, теплые ванны и ужины, нормальные сказки перед сном и песни.

— Папочка. — Мой защитник. Мой спаситель. Он убедил маму начать принимать лекарства. И она сделала это, ради него. Она его любила. Он сделал из нас семью и во время тех тёмных моментов, когда мамина болезнь грозила нас рассоединить, он держал меня. Как в больнице, когда я не могла спать, боясь первой волны кошмаров, он лежал со мной в кровати и обнимал, шепча снова и снова, как сильно он меня любит.

Сцена перед моими глазами изменилась. Я была в безопасности. Откуда-то я это знала, но... что-то было не так... неправильно...

Лунный свет освещал мамину гостиную, отражаясь от тысяч осколков стекла на полу.

Тёплая жидкость стекала по моим рукам, и я пыталась сделать вдох сквозь всхлипы боли.

Обжигающей боли. Разрывающей. Пульсирующей. Каждый мускул кричал в агонии, а горло пересохло от этих ощущений. Пытаясь выстоять на четвереньках, я заставляла себя ползти вперёд. Нельзя было закрывать глаза. Нельзя.

Но мои веки тяжелели, как и мышцы. Я хотела отдохнуть. Всего на пару секунд. Да, я могла отдохнуть.

Я поддалась тяжести своего тела, падая на усыпанный стеклом пол. Если я не буду двигаться, осколки не смогут меня порезать на кусочки. Я вдыхала в ритме своего сердца и позволяла мыслям унести в более приятно место, без боли и крови. Сон. Да, мне нужно было поспать.

Нет! Я заставила себя открыть глаза и часто заморгала, чтобы сосредоточиться. Края чистых осколков теперь были запятнаны красным — кровью. Моей кровью.

— Папочка! — прошептала я. Он уже должен был приехать. Я мысленно молилась, чтобы он как-то услышал меня и узнал...

Я сфокусировалась на двери, но никак не могла до неё добраться.

Не сейчас. Ноги будто омертвели — ни контроля, ни движений.

Мои руки. Я всё ещё могла ими двигать, но эта боль... Господи, какая боль!

— Мне так жаль, Эхо. Не нужно было позволять тебе встать, но боль скоро закончится.

Игнорируя стекло, моя мама лежала рядом, кладя голову в миллиметрах от моей. В её круглых затуманенных глазах читался намёк на беспокойство.

— Не плачь. — Её мозолистые пальцы смахнули слёзы с моего лица. — Скоро мы будем с Айресом, и больше не будет боли и печали. Лишь веселье и счастье, и мы сможем рисовать — ты и я — а Айрес будет ремонтировать столько машин, сколько захочет.

Я едва узнала свой голос, хриплый и ломающийся.

— Я не хочу умирать, мамочка. Пожалуйста, не дай мне умереть.

— Ш-ш-ш, — проворковала она. — Не думай о смерти. — Женщина зевнула, и её веки затрепетали. — Мы заснём, а когда проснёмся, снова будем с твоим братом.

Она улыбнулась, а я всхлипнула:

— Боже, папочка.

Мой живот ухнул вниз. Я никогда его больше не увижу. Мой отец, который должен был меня забрать, который, я молилась снова и снова, войдёт через эти двери, как и было обещано. «Пожалуйста, папочка, пожалуйста. Ты нужен мне».

— Я расскажу тебе сказку, как в детстве. У Кассандры была прекрасная дочь по имени Андромеда...

Я открыла глаза и заморгала. Миссис Колинз стояла в дверном проёме, а доктор Рид сидел на стуле рядом с кушеткой.

Я откинула плед. По вискам стекали капельки пота. В голове пульсировала кровь, сердце

билось в том же ритме. Кожа болела, и я с трудом поднялась с кровати. Моё тело казалось очень лёгким после того, как испытало тяжесть воспоминаний.

В лицо ударил холодный воздух, дезориентируя меня. Я упала и разбила одно из раскрашенных стёкол, которые мама оставила в гостиной, но почему? Несчастный случай? Не может быть, она была такой спокойной и мирной... решительной. Но она попросила прощения.

— Папа, — прошептала я. Слезы обжигали глаза, и я немедленно стала искать миссис Колинз, чтобы добиться объяснения. Оно должно было быть, потому что отец никогда бы не оставил меня там — никогда. В горле встал комок, и ничто не помогало от него избавиться. — Где он был?

— Думаю, на сегодня хватит.

Я отмахнулась от неё, отказываясь от такого ответа.

— Нет. Нет. Я кое-что вспомнила, теперь ваша очередь.

— Понимаю твоё раздражение, но ради собственного рассудка ты должна вспоминать постепенно.

Странное беспокойство вцепилось мне в сердце, и всё во мне скрутилось и упало. Лишь одно слово разрывало мне душу... *предательство*.

— Где был мой отец?!

За спиной миссис Колинз раздался отцовский голос:

— Я забыл тебя забрать.

34 - Ной

Я бродил по коридору двадцать минут. Эхо заразила меня своей нервозностью. Мне хотелось дать ей достаточно времени, чтобы дойти до медкабинета и заняться гипнозом, прежде чем вламываться в офис.

— Айрес давал мне чувство безопасности. — Послышался её голос из главного офиса. Чёрт, миссис Колинз оставила дверь открытой. В теории, её не нужно закрывать, поскольку в школе и так никого не должно быть.

— Эшли. — Я замер. Эхо была сонной. Часть меня хотела остаться и послушать, но тогда у меня не будет шанса найти ответы на наши вопросы.

Мама бы мной гордилась: вламываюсь в офис своего консультанта, хоть, как я напомнил себе, её дверь широко распахнута. Я попытался подавить вину, поедающую меня изнутри, но она исчезла в тот же момент, как я увидел своё имя, выглядывающее из-под двух папок.

Я схватил файл и немедленно перевернул на страничку с информацией о братьях. Переписал их данные на оборотной стороне одной из брошюр, которые мне дала миссис Колинз, стараясь ничего не пропустить.

— Ной, что ты тут делаешь? — мистер Эмерсон напугал меня до чёртиков, но я лишил своё лицо всяких эмоций, незаметно закрывая папку, прежде чем развернуться.

Я поднял свои брошюры.

— Собираю информацию о колледжах. — Почему бы не заработать пару баллов в свою пользу в рейтинге отца моей девушки?

— Хорошо. — Он оглянулся на главный офис. — Рад за тебя.

— Я не хочу умирать, мамочка. Пожалуйста, не дай мне умереть. — Огорчённый голос Эхо резонировал в коридоре. Я расслышал в нём ужас, который ни с чем невозможно было спутать. Мы с мистером Эмерсоном одновременно сделали шаг к медкабинету. Это обратило его внимание на меня. Она закричала: — Боже, папочка!

Лицо мистера Эмерсона приобрело странный оттенок серого.

— Думаю, тебе пора идти.

Сердце забилось быстрее. Я напряг мышцы и окинул мужчину сердитым взглядом, ожидая каких-то объяснений, почему моя любимая девушка кричала его имя в панике и отчаянии.

Он упёрся рукой в стену и согнулся.

— Иди, Ной. — Уйти или остаться? Если останусь, мне придётся оправдывать своё присутствие, рискуя быть пойманным и потерять информацию о братьях. И рискуя поссориться с её отцом.

Если я уйду, то я — мудака. А не чемпион, в котором нуждалась Эхо.

Я возьму ей это. Найду способ. Я покинул кабинет и набрал номер девушки. «Это я. Вы знаете, что делать», — сказал её сладкий голосок.

— Привет, малышка. Позвони, когда сможешь. Я... — Люблю тебя. — Хочу услышать твой голос.

35 - Эхо

— Ты забыл меня забрать? — Всё внутри меня окаменело, вместе со всеми эмоциями. — Как забыл купить яйца в магазине или забрать одежду из прачечной? Как забыл поднять хлопья, упавшие на пол, или банку, вывалившуюся из продуктового пакета? Ты забыл меня забрать.

Папа потянул за ухо и уставился в пол.

— Я, э-э... — Он прочистил горло. — В тот вечер у Эшли была встреча с одноклассниками, и мы чуть задержались на картинной выставке. Я оставил тебя у мамы, чтобы ты рассказала ей о первом месте на Губернаторском Кубке, и не заметил, как пролетело время.

Я переводила взгляд с отца на миссис Колинз. Доктор Рид заёрзал, но я его проигнорировала. Женщина стояла непривычно тихо, её глаза были прикованы ко мне.

— Так в чем дело? — потребовала я ответа. — Время пролетело или ты забыл меня забрать?

Его кадык подпрыгнул, когда он сглотнул. Хаос в моей голове прояснился на мгновение, будто лампочка загорелась.

— Ты должен был подвезти её на встречу, а затем забрать меня. Предполагалось, что это будет короткий визит, но Эшли уговорила тебя остаться.

Он едва заметно кивнул.

— Мне жаль, Эхо.

Я отталкивала чёрную дыру в своём разуме. Должно быть что-то ещё.

— Мама определённо была не в себе, так почему ты оставил меня там? — Что ещё важнее: почему я осталась?

Миссис Колинз улыбнулась и сказала с напускным оптимизмом:

— Почему бы нам не перейти в мой кабинет и не обсудить этот прогресс? Можем выпить. Ты же любишь диетическую колу?

Злость придала мне смелость, о которой я могла только мечтать.

— Я никуда не пойду, пока он не ответит. Почему ты бросил меня?

— Мистер Эмерсон, давайте дадим Эхо время, чтобы собраться, а сами пока поговорим...

— Ни за что. — Я сделала шаг к отцу. — Он ответит мне.

— Эхо... — начала возражать миссис Колинз, но я подняла руку, чтобы остановить её.

— Думаете, он одержим контролем? Видели бы вы его после развода. Я не встречалась с мамой два года. Можете себе представить, каково было в средней школе без матери? Месячные, лифчики, парни. У меня никого не было.

— У тебя была Эшли, — сказал папа. — Я не удерживал твою мать от встреч с тобой. Она знала, что нужно сделать, чтобы добиться разрешения. Но решила этого не делать.

— Нет! — рявкнула я. — Ты выбрал Эшли и уничтожил мою мать. Но она сильная, не так ли? У неё была помощь. Она принимала лекарства, а знаете, что делал папа, миссис Колинз? Обращался с ней, как с серийным убийцей. Ей приходилось прыгать через огненные кольца, чтобы увидеть нас. Он ни разу не позволял нам встретиться, если не был уверен на сто процентов, что она — стабильна. Так скажи же мне, *папа*, почему ты оставил меня с ней?

— Потому что я спешил и не проверил её, когда оставлял тебя. — Он впервые встретился со мной взглядом, и я увидела правду. — Я должен был отлучиться всего на пятнадцать минут. Ну, максимум на час.

— Я звонила? — Должна была. Шестнадцать лет жизни с мамиными взлётами и падениями научили меня, что если она не была на таблетках — визиты без взрослых воспрещались.

Он снова отвернулся.

— Да.

Груз его слов разбивал мне сердце.

— Ты ответил?

Папа засунул руки в карманы и закрыл глаза.

Идиотка. Я идиотка. Никто меня не любил. И никакие слова или поступки этого не изменят. Стоило папе щёлкнуть пальцем, как я уже стояла на задних лапках. Это была не любовь, а контроль. Он променял меня на Эшли, а Айрес — на флот. Ной так и не сказал, что любит меня, хоть я ему уже призналась.

Когда-то я верила, что отец обо мне заботился. В конце концов, ему было не наплевать, раз он пытался контролировать каждый аспект моей жизни, и я позволяла ему. Потому что любила и отчаянно хотела ответных чувств. Но я ошибалась, чудовищно ошибалась. Он даже не ответил на звонок. Я была нелюбимой даже до того, как мама прикоснулась ко мне.

Я протолкнулась мимо него и схватила свои вещи в кабинете миссис Колинз.

— Мне жаль. — Отец встал у меня на пути, когда я попыталась уйти. Я проигнорировала его хриплый голос, обошла его и побежала по коридору. Я больше не дам себя контролировать.

36 - Ной

Нужно было остаться. Будь она на моём месте, то дождалась бы, но мне нужно было увидеться с братьями. Когда Эхо позвонит, я предложу ей встретиться.

Вокруг парка выстроились новенькие и просторные дома. Всё включено: ухоженные кусты и деревья, тропинки для прогулок, лавочки и самая большая детская площадка в мире.

Двое детишек выбежали из голубого трёхэтажного дома. Папе бы он понравился — архитектура в стиле барокко: мансардная крыша и окна, квадратные башенки, декоративные кронштейны и карнизы. Помню, как он смеялся, когда показывал мне фотографии: «Вспомни «Леди и Бродягу», Ной».

Когда дети подбежали, я узнал мамину улыбку на их лицах. Они вскарабкались по лестнице на самую высокую горку и съехали вниз. Джейкоб постоянно останавливался, чтобы помочь Тайлеру.

Я вышел из машины и сел на дальнюю лавочку, наблюдая, как братья смеются и играют. Внутри меня зародилась дикая боль. Они были так близко, я мечтал лишь о том, чтобы быть с ними. Достал телефон, напоминая себе о цели визита: доказать, что их приёмные родители не годятся на эту роль.

Кстати, где их носило? Джейку всего восемь, а Тайлеру и пяти нет. Разве они не должны следить за ними? Я поднял телефон, чтобы заснять эту картину, когда из-за спины неожиданно донёлся голос:

— Возьми немного правее. Она сидит на скамейке под клёном.

Миссис Колинз присела рядом со мной. Естественно, под деревом была Кэрри и наблюдала за каждым движением мальчишек. Я засунул телефон в карман.

— Твои братья любят кататься, могут делать это часами. — Мы сидели в молчании и прислушивались к их хохоту издали. Я понятия не имел, как выкрутиться из этой ситуации. Молчание — главная защита виноватого.

— Так вы двое заранее всё спланировали или просто решили воспользоваться представленной возможностью? — Отрицание во всей красе. — По-моему, вы умом двинулись.

— Может, я и неряха, но организованная. Ты криво положил на место свою папку. Ты хоть представляешь, во что можешь вляпаться из-за этого?

Чёрт.

— Что вы хотите знать? — Возможно, если я буду играть по её правилам, она сделает мне поблажку.

— Вы с Эхо сговорились?

Я никогда не настучу на неё.

— Следующий вопрос.

Женщина вздохнула.

— Я обещала Эхо конфиденциальность, и она доверилась мне. Ты не должен был находиться сегодня в офисе.

Я сглотнул чувство вины из-за того, что покинул её.

— С ней всё в порядке?

Тайлер завизжал, когда Кэрри стала катать его на качелях. Миссис Колинз пригладила волосы.

— Тебе стоит позвонить ей.

Я сложил ладони на коленях.

— А как же правило никогда не обсуждать Эхо со мной?

— Что тут скажешь? Всё равно день не задался.

Мы снова сидели в тишине. Джо заехал на парковку и побежал через улицу в парк. Тайлер спрыгнул с качелей в его объятия. Я почувствовал, словно кто-то врезал мне под дых.

— Они счастливы здесь, Ной. Ты настолько хочешь забрать это у них?

Должен признать, здесь действительно было мило. Видимо, наши «финансовые гуру» прилично зарабатывали.

— Что ты можешь им предложить? Двухкомнатную квартиру в сомнительном районе на окраине города? Догадываюсь, что ты прочитал свой файл. Они ходят в лучшую частную школу страны, всего штата. Оба твоих брата ходят на множество внеклассных занятий. Как ты будешь успевать работать и следить за мальчиками? Откуда возьмёшь время, чтобы поддерживать их нынешний график? Да ты просто не сможешь себе этого позволить!

Джо прикрыл рукой глаза и начал играть с ними в прятки. Джейкоб спрятался на вершине горки, а Тай — за Кэрри на скамейке. Когда мужчина перестал считать, то притворился, что не заметил малыша, к его глубокому удовольствию.

Миссис Колинз вклинилась в моё поле зрения.

— Есть и другие варианты. Ты можешь пойти в колледж, продолжить встречаться с Эхо, стать

парнем, о котором мечтали твои родители.

Мои мышцы напряглись.

— Какое отношение к этому имеет Эхо?

— А ты когда-нибудь спрашивал о её планах на будущее? Думаешь, она готова встречаться с отцом-одиночкой?

Я впервые встретился взглядом с женщиной, в нём крылось искреннее беспокойство. Я выругался себе под нос и вернулся к наблюдению за братьями. Эхо. Во всех моих воображаемых сценариях, включающих её и братьев, я никогда не представлял их вместе. Как можно их соединить?

Кэрри и Джо позвали мальчиков в дом. Те побежали впереди родителей. В нескольких футах от братьев начал выезжать с места чёрный внедорожник.

Мир будто замедлился. Когда Джейкоб и Тайлер оказались на пути у движущейся машины, я вскочил на ноги и побежал к ним. «Нет, пожалуйста, только не это. Только не они». Раздался громкий визг шин и гудок. Джейкоб обхватил младшего брата и замер.

Моё сердце пропустило удар, когда машина остановилась в дюйме от мальчиков. Кэрри и Джо подняли их на руки и поспешили в дом. Моё тело пульсировало, и я едва мог дышать.

Миссис Колинз положила руку мне на плечо.

— Они в порядке, Ной. В безопасности.

К чёрту этот бред.

— Со мной им будет безопаснее.

37 - Эхо

Отец поехал вслед за мной, дважды проезжая на красный свет, чтобы поспеть за машиной. Он резко припарковался и распахнул дверь прежде, чем выключил двигатель.

— Эхо! — О, этот его строевой тон был мне так знаком.

Он может орать и приказывать мне, сколько влезет. Я ему не солдат.

Как только он догнал меня на кухне, то тут же схватил за руку, затем захлопнул дверь, отчего Эшли за столом вздрогнула. Её глянцевого журнала упал на пол.

— Что такое?!

Я выдернула руку.

— О, сейчас тебе расскажу! Я родилась. Потом мои гениальные родители узнали, что у мамы биполярное расстройство. Пока она пыталась разобраться в своём состоянии, ты влезла в нашу жизнь и выпихнула её как раз тогда, когда она согласилась на лечение.

Эшли часто заморгала и обратилась к отцу за защитой.

— Оуэн, что произошло?

Она сделала мне больно. Может, это не Эшли вырезала шрамы у меня на руке, но её ответственности это ничуть не преуменьшало. Моя кровь стекала с её маникюренных пальчиков.

— Сколько раз ты останавливала его, когда он пытался ответить на звонок? Ты соблазнила его, чтобы подольше посидеть на своей глупой встрече, или просто напомнила, что я не стою таких усилий?!

Её злобный рот округлился, ярко-красная помада стала резко выделяться на побледневшем лице. Меня охватило чувство отвращения.

— Скажи, Эшли, когда они принесли моё обескровленное, безжизненное тело в больницу, ты надеялась, что я не приду в себя? Праздновала, что наконец-то избавилась от меня? В конце концов, Айрес мертв, мама и близко не появится. Я единственная, кто стоял между вами.

Она покачала головой, и по её щеке стекла еле выдавленная слеза.

— Нет! Я всегда тебя любила. Тебя, Айреса, твоего отца. Мне лишь хотелось стать тебе матерью.

Тонкая нить, сдерживающая меня, лопнула с таким шумом, что я вздрогнула. Мои глаза округлились до предела, грозя выпасть из глазниц.

— Ну ты и...

— Хватить, Эхо! — прорычал отец, становясь между нами с Эшли. — Ты злишься на меня, а не на неё. Не вмешивай её в это!

— Не вмешивать?! Но она тоже причастна! Хочешь сказать, она уговаривала тебя взять трубку? Объяснила, что чем бы вы там ни занимались, это не так важно, как твоя собственная дочь?!

Он ничего не ответил, но его челюсть напряглась. Они надеялись, что я никогда не узнаю правду.

Мама всегда говорила, что правда меня освободит. Но я чувствую не свободу, а предательство, отравляющее мою кровь, как чёрный ил, сметающий всё на пути. Эти двое больше не могли скрывать свои грехи. Я всё вспомнила и требую покаяния.

Отец замер. Он убил мою душу, и я хотела его взамен.

— Мама перестала быть собой, когда ты бросил её ради няни. А затем забрал у нее право опеки над нами, оставил ни с чем. Ты был её всё! Она потеряла смысл жизни, больше не видела причин, чтобы принимать лекарства. Ты бросил её тогда, когда она пыталась победить свою болезнь!

Он прищурился.

— Это твои слова, Эхо, или твоей матери? Ты права в одном: я сделал всё, чтобы быть единственным опекуном. Я нанял лучших адвокатов, чтобы убедиться, что ваша с братом мать не будет иметь к этому никакого отношения. Единственное, о чём я жалею, это что позволил вам видаться, дал время забить твою голову ложью и причинить тебе боль.

Мама говорила, что мы с Айресом для него лишь игрушки, что он использовал нас, чтобы навредить ей.

— Хочешь сказать, что ты жалеешь, что забрал меня. Теперь я знаю, что Эшли для тебя превыше всех остальных! — Я кричала так громко, что болело горло. Моё тело тряслось, кровь прилила к лицу.

Любил ли он меня когда-нибудь?

— Как ты мог меня бросить?

Злость исчезла с папиного лица, он выглядел бледным и старым.

— Прости. Ты даже не представляешь, как я сожалею.

Я шмыгнула, пытаюсь побороть слёзы. Он недостоин их видеть, не устрою ему такого удовольствия. Не хочу, чтобы он знал, что разорвал меня на тысячу кусочков. Но мне нужен был отдых, чтобы все голоса и кошмары ушли. Теперь у меня никого не было. И чёрт бы их побрал за то, что приходится просить о единственной вещи, способной подарить мне несколько часов покоя.

— Я хочу своё снотворное. Я устала, и мне нужно поспать хотя бы одну ночь.

Эшли скользнула к отцу, кладя руку ему на плечо. Она ни разу не посмотрела в мою сторону.

— Я принесу. Доктор сказал, ты можешь принимать до 10 мг.

— Я буду у себя.

Я ухожу, не заботясь о том, заговорю ли когда-нибудь снова со своим отцом.

38 - Ной

Эхо позвонила прошлой ночью, пока я был на работе. Девушка оставила сообщение о том, что пьёт снотворное и не сможет ответить на звонок до утра. Голос у неё был... мягко говоря поникший.

Я нервно наматывал круги вокруг её шкафчика перед занятиями, но она так и не показалась. Весь урок по бизнес-технологиям я просто сходил с ума. Оставил ей три сообщения, хоть никогда раньше не делал ничего подобного. Куда она пропала?

Я смотрел на её пустое место перед собой, взывая к сверхъестественным силам, чтобы она появилась. Мистер Фостер что-то бубнил на заднем фоне. Каждая секунда длилась в три раза дольше, чем обычно. Мой карман завибрировал, и я сделал вид, что уронил карандаш, чтобы достать телефон. Исая и Рико оглянулись на меня, услышав звук.

Увидев номер, я почувствовал, как моё сердце перевернулось в груди. Эхо.

— Мистер Хатчинс? — позвал мистер Фостер.

Чёрт.

— Да, сэр? — Сотовый перестал вибрировать, включая голосовую почту.

— Уж не телефон ли я слышу?

— Да, — встрял Исая. — Простите, сэр. Я забыл его выключить утром.

Учитель переводил взгляд с него на меня, явно не поверив ни единому слову, но все же протянул руку парню.

— Вы знаете правила. Заберёте в конце дня.

Исая молча вручил ему мобильный и лукаво улыбнулся мне, возвращаясь на своё место. Я кивнул в знак благодарности. Что я сделал, чтобы заслужить такого отличного брата?

Как только мистер Фостер вернулся к своей тягомотине, он наклонился ко мне:

— Передай ей от меня привет.

Я выбежал из класса в рекордное время, нажимая на кнопку вызова. Моё сердце замирало при каждом гудке. «Ну же, возьми трубку!». С другой стороны раздался её прекрасный голос: «Это я. Вы знаете, что делать».

— Малышка, ты меня убиваешь. — Я отключился и подошёл к своему шкафчику, закидывая книги и проверяя голосовую почту. Исая подошёл с другого бока и прислонился к стене. Бет присоединилась через секунду, в её руке была незажжённая сигарета.

— Что происходит?

— Эхо звонила на уроке, а он не смог ответить. Теперь бесится, — ответил Исая.

— Вовсе нет! — рявкнул я, хоть это была правда.

Исая пожал плечами, пытаясь подавить улыбку.

Эхо оставила короткое, ничего не выражающее сообщение: «Привет. Видимо, придётся набрать тебя позже. Люблю тебя».

«Чёрт возьми, Эхо! Этого недостаточно».

Ланч и ещё три урока. Я не выживу.

— Я пойду перекушу. Увидимся в столовой.

— Погоди, мы тоже пойдём, — крикнула Бет. — Позже покурю.

Я не брал с собой обед, потому пошёл напрямик к очереди, пока ребята занимали наш столик. Маленькие подружки Эхо сгрудились за своим, не задумываясь, что где-то по другую сторону школьных стен страдала их приятельница. Я чуть не споткнулся, когда увидел направленный на себя взгляд голубоглазой девушки.

Лиля что-то яростно напечатала на телефоне, прежде чем позвать меня.

— Ной! — Весь столик замер и оглянулся на меня.

— Лила? — удивлённо выпалила Грейс.

Та окинула её убийственным взглядом и подошла ко мне. Должен признать, она стала выше в моих глазах.

— Ты говорил с Эхо?

— Переписывался. Что происходит?

Девушка посмотрела мне за плечо. Я обернулся и увидел внимательно следящего за нами Люка.

— Не знаю. Она звонила мне прошлым вечером, но я гуляла со Стивеном.

В этот момент оба наши телефона запищали, уведомляя о пришедшем сообщении. Мы одновременно достали их, и я резко втянул в себя воздух, читая слова Эхо: «Я стою через дорогу».

«Спасибо, солнышко, за эти прекрасные слова».

— Пошли, — буркнул я Лиле, поворачиваясь на пятках, но замешкался, когда та не двинулась с места, продолжая пялиться в телефон.

— Я нужна ей. — Её телефон снова пикнул. — Но она не обидится, если я не приду. — На её лице промелькнула буря эмоций. — У меня тест на последнем уроке...

— И ты не прогуливаешь.

Она пригладила волосы.

— Слушай, она всё время мне рассказывает, какой ты замечательный. Сможешь поразить меня и помочь моей лучшей подруге до окончания занятий?

Я бы поступил иначе на её месте. Я мог бы позаботиться о ней сейчас и после школы.

— Хорошо.

— Передай, что я люблю её, — сказала Лила. — Я приеду, как только смогу.

— Ага. — Эта девчонка действительно беспокоилась об Эхо. — Будет сделано.

Эхо сидела с опущенными окнами за рулём серой «Хонды Сивик». Отец решил заменить её «Додж Неон». Я остановил машину рядом с ней, но девушка тут же завела двигатель. Я опустил окно.

— Я хочу кое-куда съездить, но мне нужна поддержка. Прости, что заставляю прогуливать уроки.

Я ни о чём не жалел.

— Я отвезу тебя, куда захочешь.

Надеялся, что она хоть улыбнётся, но Эхо просто покачала головой. Что бы вчера ни случилось, это сломало её.

— Поедешь за мной? Я хочу ещё пару минут побыть в одиночестве.

— Как пожелаешь. — Хоть мне и очень хотелось дышать тем же воздухом, что и она.

— Ной? — позвала она, прежде чем я закрыл окно. — Спасибо, что прогуливаешь ради меня.

И, наконец, она улыбнулась. Не улыбкой, полной радости и удовольствия, но хоть как-то.

— Всё для тебя.

Мама любила такие дни: тёплые, весенние, с пушистыми облаками на фоне голубого неба.

Но какой бы ни была погода, я ненавидел это место. «Рестхевен» всегда будет напоминать мне о том сером дождливом дне июня, когда мы с братьями стояли в криво поставленной палатке. Тайлер хватал меня за шею, плача по маме, а Джейкоб спрашивал, не намочнут ли родители, объясняя снова и снова, что мама ненавидела намочать. Она даже не разрешала плескаться в ванной. А на папе костюм, он расстроится, если тот промокнет.

Тогда мне впервые в жизни мне захотелось умереть. Я жалел, что не спал в кровати и не умер вместе с родителями. Но был бы я тогда дома, этого никогда бы не случилось.

Чувство вины было верёвкой вокруг моей шеи. Моей ношей.

И когда я окончу школу, то всё исправлю. Я соберу вместе свою семью.

Я припарковался за Эхо у восточного сада под высокими дубами. По дороге сюда девушка быстро вклинилась в строй машин, я же задержался, давая ей фору. Теперь она сидела потурецки на кладбище, положив голову на сложенные руки и глядя на белое мраморное надгробие. Её рыжие кудряшки развивались на легком ветру, а лучи света окутывали её в слабое сияние — она была как ангел посреди ада.

Эхо не отрываясь смотрела на надгробие.

— Спасибо, что согласился на это, Ной. Я знаю, тебе тоже нелегко здесь находиться.

Это мягко сказано, но тем самым я мог показать, насколько она мне важна.

— Как думаешь, миссис Колинз обвинит меня в твоём неожиданном порыве прогулять школу?

Девушка открыла было рот, но тут резко выдохнула. Я хотел поднять ей настроение, но она была слишком поглощена своим горем.

Я присел рядом и провёл рукой по волосам, струящимся по её спине. Не мог сдержаться, прикосновение к ней казалось необходимым. Мне нравилась простота надгробия: «Айрес Оуэн Эмерсон: сын, брат, морской пехотинец».

— Что ты вспомнила?

Она потёрла подбородок.

— Он бросил меня с мамой. Я звонила, но безрезультатно. Он... э-э... просто не отвечал. — Эхо опустила голову.

Я продолжил гладить её шёлковые волосы и слушал пение птиц. Плечи девушки не содрогались, слезы не скатывались по лицу. Самые тяжкие страдания незаметны — рыдания в углу, разрывание на себе одежды. Нет, хуже всего, когда твоя душа плачет, и что бы ты ни делал, её невозможно утешить. Её часть чахнет и становится шрамом на той части твоей души, что выжила.

Такие, как мы с Эхо, имеют гораздо больше рубцов внутри, нежели снаружи.

Она начала выдёргивать травинки.

— Теперь я одна. Айрес мертв, мама бог знает где. Мои друзья... ну, ты сам знаешь. Мы с папой уже давно далеки, но я притворялась, что это не так. Пыталась стать той дочерью, которую он бы любил, но... — Эхо покачала головой. — Отстойно быть одинокой.

— Иди ко мне, малышка. — С этими словами она прислонилась ко мне — мягкая, податливая, сломленная.

— Ты не одна, — прошептал я ей в волосы, крепко обнимая. — Ты не одинока, ведь у тебя есть я.

«И я люблю тебя больше, чем ты можешь себе представить».

39 - Эхо

Ной предложил отпроситься с работы, чтобы провести вечер вместе. Часть меня надеялась, что так и будет. Я хотела прожить остаток жизни в его объятиях. Именно поэтому мне понадобились все силы, чтобы отказаться. Я знала, как сильно он нуждался в деньгах. Кроме того, стоило урокам закончиться, как Лила стала присылать мне сообщения через каждые две секунды.

— Твой папа звонил моей маме, искал тебя. Она сказала, что ты здесь.

Мы сидели на широкой лестнице на её заднем дворе, выходящей на поле. От лёгкого ветерка звенели колокольчики на двери, солнце пригревало мне руки.

— Он приедет за мной?

Папа наверняка знал, что я прогуляла школу.

— Нет, но он попросил её напомнить, что тебе разрешено гулять только до полуночи.

Моё тело затряслось от сдавливаемого смеха, и чем усердней я пыталась его скрыть, тем крепче становилось желание дать себе волю. Лила сперва улыбнулась, а затем захохотала со мной.

— Что смешного?

Я глубоко вздохнула и смахнула слёзы с глаз.

— Папа бросил меня умирать, но это не отменяет комендантский час.

— Действительно, забавно. — Она вздохнула. — Что ты будешь делать?

— Не знаю. — И это была правда. От одной мысли о доме меня начинало крючить. — Но я знаю кое-что другое.

— И что же?

Я вытянула руки.

— Я скучаю по ощущению солнца на своей коже. Просто любопытно, как бы ты отреагировала, приди я в школу в кофте с коротким рукавом?

Уголки губ Лилы дёрнулись.

— Так же, как если бы пришла с длинным.

— У Грейс будет припадок.

— Да пошла она к чёрту! — Меня удивил неожиданный всплеск эмоций подруги. — У нас осталось два месяца до окончания школы. Ты можешь жить ради удовольствия других или же так, как хочешь ты. К следующей осени я буду отрываться на полную катушку во Флоридском университете и напроочь забуду, что у меня когда-то была такая подруга, как Грейс. Я приняла решение. А ты?

40 - Ной

Освежившись в душе, я планировал позвонить Эхо и поехать на вечеринку к Антонио. Даю зуб, что в одиннадцать она ещё не спит. Надеюсь, Лила помогла смягчить удар от её нового воспоминания. Не стоило мне идти на работу. Господи, что же я за мудака такой. Завтра я ей это возьму.

Три года назад, думая о выпускном классе, я представлял, как буду выбирать колледж, а не вымалывать зарплату побольше и должность менеджера в закусочной. Но что тут говорить, когда я получаю деньги, страховку и чёткие рабочие часы? Большой куш мне не сорвать, но я всё ещё мог позволить что-то небольшое и приличное для себя и братьев. У меня был длинный список занятий, которые я бы предпочел вместо переворачивания булочек на плите. Или мастер-классам по тому, как переворачивать булочки. Мечты сбываются, чёрт бы их побрал.

Горячая вода смыла с меня грязь после смены.

Следующая цель — аренда квартиры: может, получится даже найти двухкомнатную. Я мог бы спать на диване и отдать братьям спальню. В любом случае для её достижения мне нужно как минимум тщательно помыться и избавиться от рабочей скуки.

Через десять минут пошла ледяная вода, от горячей остался только пар. Туман прокрался как в ванну, так и мне в голову. Что я делал?

Раз в месяц мама отводила меня к себе в офис на кампус.

— Учёба в колледже не обсуждается, даже если ты военнообязанный. Сперва получи образование, затем решай своё будущее, — читала она мне мораль своим ласковым голосом.

Я протёр зеркало и увидел мамины глаза.

— Ты не говорила, что мне делать, если ты умрешь! — Капли стекали по моему телу, воздух набух от влаги.

Нагреватель в подвале издал какие-то непонятные звуки, прежде чем наконец начать работать, всасывая прохладный воздух через вентилятор в полу. Я замер, ожидая её ответа.

— Ной?

Долгожданный голос — не мамин, но столь же приятный. Эхо. Моё лицо расплылось в улыбке. Всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я в полотенце, наедине в доме со своей нимфой.

— Да, малышка?

Эхо выглянула из-за угла и быстро отвернулась, взметнув своими рыжими кудрями.

— О боже, прости, пожалуйста. Я подожду снаружи или ещё где, пока ты... э-э... ну... оденешься.

Я прошёл в гостиную и остановился за ней, проводя рукой по её спине.

— Что ты здесь делаешь? Уже все сплетни с Лилой обсудили?

— Я, э-э, приняла решение. Ты не мог бы одеться?

— Разве у тебя не начинается скоро комендантский час?

Она пожала плечами и отвела взгляд.

— Пошли. — Я взял её за руку и повёл в подвал.

— Нет, серьезно, Ной. Я подожду, пока ты оденешься.

Чтобы она перестала краснеть? Да ни за что!

— Отвернись, если хочешь, но я не против, если ты будешь смотреть.

Я отпустил её руку, спустившись по лестнице, и подошёл к корзинке с одеждой, доставая пару джинсов.

— Вот теперь можешь отворачиваться. Но это не обязательно. — Я оглянулся через плечо. Эхо стояла ко мне спиной с закрытыми глазами. Я тихо захихикал себе под нос. — Что происходит, милая? Ты не из тех, кто нарушает правила.

— Не хочу возвращаться домой. По крайней мере пока.

Я застегнул молнию.

— Можешь поворачиваться.

Эхо скользнула своими изумрудными глазами по моей голой груди. Девушка облизала губы и быстро сосредоточилась на складывании полотенца, которое Бет оставила на диване.

— Ты всё ещё мокрый.

Она хотела меня — просто не так отчаянно, как каждый пульсирующий мускул моего тела. За голодом в её глазах скрывалась невысказанная боль. Она аккуратно положила полотенце на спинку дивана и разгладила его, пытаясь добиться от мира несуществующей идеальности.

— Если не хочешь идти домой, то что планируешь делать? — спросил я, садясь на кровать.

Эхо плюхнулась на диван, обхватывая себя руками.

— Лила предложила переночевать у неё, но позже к ней зашёл Стивен... — Судя по её тону, она бы предпочла вбить ногти себе в лоб, чем вернуться туда.

— Родители Антонио уехали из города. Бет и Исая уже у него и планируют остаться там на ночь. — Я не упомянул пакет травки, который девушка взяла с собой.

— Класс, — еле слышно пробормотала она, но сарказм в голосе было трудно не заметить.

— Он специально уточнял, возьму ли я тебя с собой. — И именно поэтому я не упоминал о вечеринке раньше.

Кореш он мне или нет, а парень был уж слишком дружелюбен по отношению к моей девушке. Но если тусовка с ещё одним гуру искусства вызовет её улыбку, я пойду на это.

— А мы можем... — Её колено дёрнулось. — Просто остаться здесь?

— Да.

Она потянула за рукава и уставилась в пол. Зато Эхо перестала ходить в перчатках в моём присутствии. Я мог придумать нам кучу занятий, учитывая, что мы одни дома. Чёрт, да я мечтал о таком моменте, но... Эхо вызывала во мне желание быть лучше.

— Хочешь позаниматься чем-то нормальным?

На её лицо проскользнуло любопытство.

— Уроками?

— Есть и другие занятия. — Осторожно поправив джинсы, я взял пульт, присоединился к Эхо на диване и придвинул её стройное тело к себе, наслаждаясь его мягкостью. — Могу сделать попкорн. — предложил я, переключая на нужный канал.

Во время фильма мы ерзали, чтобы сесть поудобнее, но в итоге это заканчивалось поражением: я неловко пытался держать руки и другие части тела при себе, изо всех сил стараясь не прикасаться к божественной девушке рядом со мной. Моего джентльменского поведения хватило ровно на один фильм. Когда пошли титры, моя левая рука, которую я подложил под голову, чтобы та не оказалась на искушающем животике Эхо, занемела.

Терпению пришёл конец.

— Это глупо. — Я закинул девушку себе на плечо, и её босые ноги оказались на уровне моего лица.

Комнату заполнил музыкальный звук её смеха.

— Что ты делаешь?

Я кинул её на кровать, её огненные волосы веером раскинулись по подушке. Моя сирена улыбнулась.

— Устраиваюсь поудобнее.

Эхо заморгала, и смех в её глазах сменился на сильный голод. Её нежные пальчики скользнули по моей руке, пробуждая каждую клетку моего тела.

— Не похоже, что тебе удобно. — От её соблазнительного тона что-то в глубине меня зашевелилось.

Я сглотнул, пытаюсь избавиться от внезапно появившегося комка нервов в животе.

— Эхо...

Моё сердце словно увеличилось в размерах, вызывая боль в груди и проблемы с дыханием. Парализованный её красотой, достойной не нимфы, а богини, я начал подползать к девушке.

Её руки оставляли после себя ожоги, поднимаясь к моим плечам. Эхо храбрилась, её грудь стала чаще подыматься и опускаться.

— Я хочу провести ночь с тобой.

Я резко вдохнул, когда её пальцы коснулись моих рёбер, и молился, чтобы она продолжила плавно спускаться. Наслаждаясь красотой её щек, я лёг на кровать рядом.

— Ты уверена?

— Да.

— А как же твой отец?

— С ним я сама разберусь, — прошептала она.

Девушка запуталась пальцами в моих волосах и притянула мою голову к себе. Я вдохнул её приятный сладкий аромат — как у свежеприготовленных булочек с корицей. Первая проба её губ на вкус меня не разочаровала. На моём языке заплясал привкус сахара, заставляя задуматься, какой же подарок мне делала Эхо.

Эта девушка пленила мою душу и сердце. Она открылась мне, отдавая свою любовь и не требуя ничего взамен. Я углубил наш поцелуй, и в голове застряла фраза: «Я люблю тебя».

41 - Эхо

Ной оставил дорожку из поцелуев на моей шее, путая мои мысли. Одна часть меня отвечала на его прикосновения, цеплялась за него, прижимая крепче. Вторая замерла от страха, в ужасе от неизвестного, нервничая, что разочарует его.

— Скажи, что мне делать.

Его тёплое дыхание щекотало мне ухо.

— Расслабься.

Как бы я ни старалась, мои мышцы делали совершенно противоположное.

Я окаменела под его призывными касаниями.

— Пожалуйста, Ной, я не хочу оплошать. Скажи, как сделать тебе приятно.

Он подвинулся и лёг рядом, закинув на меня руку и ногу. Я чувствовала себя такой крошечной под его тёплым и сильным телом. Шоколадно-карие глаза парня смягчились.

— Быть с тобой приятно. Касаться тебя... — он заправил локон мне за ухо, — приятно. Я никогда никого не хотел так сильно, как тебя. Ты просто не способна сделать что-то не так, ведь даже твоё дыхание делает всё правильным.

Мне хотелось ему верить, но Ной был опытным парнем, а я... нет. Он мог пытаться ублажить меня, при этом скупая из-за моего недостатка знаний.

Он взял моё лицо в руки, и в его хриплом голосе появился авторитет:

— Я хочу тебя, но только если ты хочешь меня.

— В первый раз всегда больно. Все друзья так говорили. — И во второй, и в третий, но, в конце концов, иногда ты не чувствуешь боли. — И, стоит сказать, что я на таблетках, так что... ну, знаешь... я защищена от... — Детей. — Всякого. Но ты тоже должен что-то использовать... потому что.

На его лице расплылась моя любимая игривая улыбка. Его губы прикоснулись к моим, нежно требуя ответа.

— Расслабься, и я обо всём позабочусь.

Я поцеловала его в ответ, обхватывая парня руками. Его пальцы ласково массажировали мою шею, пытаясь избавить меня от напряжения и нервов. Поцелуй превратился в наркотик, и я жаждала большего с каждым прикосновением. Наши тела так тесно переплелись, что я уже не понимала, где моё, а где его.

Ной был сильным и тёплым, мускулистым и безопасным, а его запах — Господи, невероятный! Я не смогла бы перестать целовать его даже под страхом смерти: его губы, шею, грудь, и он казался столь же «голодным», сколь и я. Мы перекатывались, ласкали друг друга, избавлялись от лишней одежды. Мы вместе застонали, и мой разум, душа и тело оказались на грани чистого экстаза.

И я ждала. Ждала паузы, чтобы взять презерватив, и жалящей боли, которую описывали друзья, но Ной не останавливался, а боли не было, даже когда я прошептала его имя и прославляла Бога несколько раз подряд. Нам обоим не хватало воздуха, пока мы нежно целовали друг друга, и я пыталась осознать, что всё ещё остаюсь девственницей.

Парень слез с меня и прижал к себе. Моё тело разгорячилось и обмякло — счастливое и довольное. Я слушала его сердцебиение и закрыла глаза, наслаждаясь и расслабляясь, пока он нежно поглаживал мои волосы.

— Ной, — прошептала я. — Я думала... — Что мы займёмся любовью.

Он приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть на себя.

— У нас впереди вечность, чтобы дойти до этого, Эхо. Давай будем наслаждаться каждым шагом на пути к этому.

Мысли путались в голове. По большей части они фокусировались на его сердце, касаниях и самом милом слове, которое я когда-либо слышала: вечность.

Но из-за одной ясной мысли мои глаза приоткрылись.

— Ты убаюкиваешь меня.

— И что? — невинно поинтересовался он.

Я сглотнула.

— У меня кошмары.

— Тогда у нас будет повод снова это повторить.

42 - Ной

Меня разбудила знакомая мелодия. Мои руки и ноги обхватили Эхо, как оковы; моя нимфа спала спиной ко мне. Я ослабил хватку на её животе и потянулся за телефоном в карман джинсов, откинутых во время наших развлечений.

— Алло? — я прочистил горло.

— Ной?

— Да? — голос мужчины был мне незнаком. Эхо продолжала сладко спать. Я осторожно подвинулся, крепко укутывая в одеяло хрупкую девушку. В моём усталом разуме кипели миллионы мыслей. Что-то случилось с Исайей и Бет?

Может, их избили, или они в тюрьме? Если бы дело было в братьях, Киша или миссис Коллинз бы меня набрали.

— Это Оуэн Эмерсон. Отец Эхо. — Он сделал паузу.

Почесав голову, чтобы проснуться, я умолк и прошёл в другую часть подвала. Было бы не очень мудро начать разговор с того, что его полуголая дочь лежит у меня в кровати.

— Прости, что разбудил, но Эхо ушла утром из дома сердитой на меня и до сих пор не вернулась. — Я вытянул шею, чтобы посмотреть на часы на полу у кровати. Два часа ночи. Её папа, наверное, на грани приступа. Как ни странно, этого не скажешь по его голосу. — Она выключила телефон, потому мне пришлось обзванивать её друзей. Лила дала мне твой номер и сказала, что Эхо может быть с тобой.

Одеяло поднималось и опускалось в спокойном ритме дыхания девушки. Она пришла сюда и доверилась мне. Если расскажу ему, он придет и заберёт её, разбивая моё сердце и, возможно, её веру в меня.

— Мистер Эмерсон...

— Пожалуйста, Ной, она моя дочь. Мне нужно знать, всё ли с ней в порядке. — Никогда не слышал столько отчаяния в голосе мужчины. Мне оно было знакомо, ведь я так же отчаянно

хотел, чтобы Джейкоб и Тайлер были в безопасности.

— Она здесь. — Моё сердце перестало биться, ожидая стандартной промывки мозгов от её папаша.

— Как она? С ней всё в порядке? — Мне послышалось в его голосе... облегчение?

— Да, она спит. Не хочу её будить.

Он снова сделал паузу.

— Когда она заснула?

Э-э, когда же это было?

— Около часа.

— И до сих пор не просыпалась?

Хорошо, что я знаю о проблемах Эхо со сном, вернее о его отсутствии. Иначе, я бы подумал, что это очень странный вопрос.

— Да, сэр. Спит, как младенец.

Наступила тишина, и я ждал, пока он обдумает свои варианты: заставить меня разбудить её и отправить домой или дать ей поспать.

— Твои родители не против, что она там?

— Нет. — Они на озере, но даже будь они здесь и обрати внимание на то, что я привёл домой девушку, то только бы напомнили, что она не сможет здесь жить, когда я её обрюхачу.

— Можно с ними поговорить?

Нет.

— Они спят.

— Да, конечно. Эхо упоминала, что у тебя есть приёмная сестра. Я так предполагаю, что они сейчас делят комнату.

Практически.

— Да.

Ну, когда Бет здесь бывает, то спит на той же кровати.

— Пусть она позвонит мне, как только проснётся.

— Да, сэр.

— И ещё, Ной, спасибо, что сказал мне правду.

— Не за что.

Я повесил трубку и залез обратно в постель, крепче прижимая к себе Эхо.

Я проснулся с пустыми руками. Всю ночь меня согревало тёплое тело Эхо. Моё сердце сжало в кулак. Где она?

Мои глаза распахнулись и узрели самый соблазнительный вид в мире. Эхо растянулась рядом со мной в бикини и чёрном лифчике.

На кровати лежал её альбом, она резво рисовала карандашом.

На подушке покоилась фотография моих братьев.

— Привет, солнце.

Она быстро на меня посмотрела и скромно улыбнулась.

— Привет.

Я оглянулся на часы. Пол-одиннадцатого. Скоро придут Исая и Бет, но просить её одеться было бы грехом.

— Как тебе спалось?

Улыбка сошла с её губ, но она продолжила рисовать.

— Лучше, чем обычно.

Моё сердце ухнуло вниз. Мне хотелось быть решением её проблем.

— У тебя были кошмары?

Девушка кивнула.

— Но не такие яркие. К тому же, я спала дольше, чем всегда.

— Почему меня не разбудила?

— Ты слишком милый, когда спишь. Видишь? — она повернула альбом и показала мне меня спящим.

— Над чем теперь работаешь? — я вырвал альбом и взял её за руку, когда она попыталась вернуть его.

— Не смотри. Я ещё не закончила. На самом деле, я просто балуюсь. Ной...

Я перевернул страничку, и моё дыхание перехватило.

— Пожалуйста, не злись. Я хотела подарить тебе что-нибудь. Ох, Господи, — простонала она. — Это была плохая идея.

Я оторвал взгляд от странички и взял её лицо в руки.

— Нет. Это лучший подарок, который мне когда-либо делали. — Мне хотелось поцеловать её, но я не мог надолго отвернуться от рисунка. — Как ты это сделала? — Ей как-то удалось нарисовать моих родителей.

Эхо подвинулась ко мне и положила голову мне на плечо.

— Ты часто о них говоришь. Я не намекаю на длинные монологи, нет, но этого было достаточно, чтобы в моей голове начала появляться картинка. Ты сказал, что Джейкоб похож на папу, а вы с Тайлером — на маму. И миссис Маркос напоминает тебе о ней. Я увидела фотографию твоих братьев и, не знаю... сопоставила всё вместе.

«Я люблю тебя». Всё моё тело ныло от желания сказать эти заветные слова. Я посмотрел в её прекрасные глаза и понял, что люблю её больше, чем себя. Мы общаемся уже не одну неделю, но я так и не смог их произнести. Если скажу... это сделает наши отношения официальными. И мою привязанность к ней — настоящей.

Но наши отношения и так реальны, и давно перешли на официальный уровень. Я козёл, что не сказал ей. «Скажи. Просто скажи». Я втянул воздух, открыл рот и закрыл. Нет. Не здесь. Я отвезу её в какое-нибудь милое место. Красивое. Может, к фонтану родителей.

— Ночью звонил твой папа, он искал тебя. Я сказал, что ты здесь.

Девушка отпрянула и обхватила себя за колени.

— Наверное, мне стоит вернуться домой. — На её губах заиграла горькая улыбка. — Думаешь, он простит меня за вчерашнее нарушение правил?

Мне не хотелось её отпускать, никогда. Я хотел проводить с Эхо каждую ночь в моей кровати, обхватив её руками и ногами. Но как? Через два месяца она станет свободной женщиной. Свободной от школы и, если захочет, от своего отца. Но я не буду свободен.

Забота о братьях - это работа. Полноценная, ответственная. Как объяснить детям разницу между серьёзными отношениями и браком, когда они проснутся и обнаружат Эхо в моей постели? Даже лучше, позволит ли судья взять опеку над ними, зная, что половина моего сердца принадлежит кому-то другому?

Я не буду их старшим братом. Чёрт, миссис Колинз была права...

Я стану их отцом, а Эхо... она будет женщиной, с которой я сплю. Слова сорвались с моего языка прежде, чем я успел их обдумать:

— Выходи за меня.

Её глаза округлились, а голова нервно дёрнулась в сторону.

— Что?!

Я убрал волосы с глаз и сел, опуская альбом на кровать.

— Знаю, звучит безумно, но давай поженимся, когда закончим школу. Мы получим опеку над моими братьями, и ты сможешь сбежать от отца. Мы станем семьей. Я знаю, ты хочешь её так же, как я.

Её рот открылся, а взгляд забегал от подушки к одеялу.

— Ной... я... не знаю. В смысле, на что мы будем жить? Где будем жить?

— Френк предложил мне вчера позицию менеджера. Если выйдешь за меня, то получишь мою страховку. Ты наверняка получишь стипендию от одного из колледжей, куда подавала документы, потому нам не придётся беспокоиться об оплате занятий. Ты можешь устроиться на работу и помогать мне заботиться о мальчиках. Может, если дела пойдут хорошо, через год я смогу пойти в ночную школу.

Меня охватила радость. Возможно, мне не придётся чем-то жертвовать. Я смогу получить всё желаемое, просто не так быстро, как хотелось бы.

— Всё будет идеально. Ты сможешь учиться и работать, пока мальчики в школе. Я смогу отвозить их на учёбу перед своей сменой, а ты будешь забирать их. Судья просто не сможет мне отказать.

— Нет. — Тихий голос Эхо сбил меня с толку. Она схватила свои джинсы и скатилась с кровати.
— Нет. Это всё, что я для тебя значу? — Она надела их, а затем и рубашку. — Пешка, чтобы получить обратно братьев?

Нет. Она исковеркала каждое моё слово. Я соскочил с кровати.

— Нет, малышка. Ты же знаешь, как сильно я тобой дорожу!

Она обулась.

— Правда, Ной? Ты ни разу не сказал, что любишь меня, но уже хочешь пожениться. Не уверена, слушал ли ты, но твоё предложение звучало примерно так: «Эй, детка, выходи за меня и сможешь заботиться о моих братьях!».

Все во мне перевернулось и начало разрушаться. Я конкретно налажал.

— Ты должна знать, как я себя чувствую. Прошу, солнце, я...

Она вскинула руки в воздух.

— Не стоит. Не упрощай мои чувства к тебе ложью. В этой ситуации я идиотка. Ты сказал, что я — твоя, не более, чем кусок собственности — тело, с которым спать. Ты никогда не обещал мне чего-то большего. По крайней мере, ты сдержал слова, и я не стала очередной шлюхой на заднем сидении твоей машины. Так что, спасибо, Ной, что не переспал со мной.

Дверь в подвал открылась, и раздался крик Исая:

— Я спускаюсь, прикройтесь!

Эхо взлетела по лестнице одновременно с тем, как он спустился. Исая замер у последней ступеньки, наблюдая, как она уходит.

— Где пожар?

— Эхо, подожди! — крикнул я. Друг перекрыл мне дорогу.

— Чувак, какого чёрта?

— Пропусти, — прорычал я и протолкнулся мимо него. К тому моменту, как я поднялся, Эхо уже выехала на дорогу. Я стукнул кулаком по дому, но боль в руке не могла сравниться с адскими муками моего сердца. Я потерял Эхо.

43 - Эхо

Лежа на кровати, я прижимала топ к груди и мечтала, чтобы моё сердце перестали колоть ножами. Сладковатый мускусный аромат Ноя пропитал мою майку. Было больно, когда я бросала Люка, но далеко не так, как сейчас. Я любила Ноя. Очень-очень сильно.

Его сообщения были логичными. Все. Я перестала считать, сколько он их оставил, после пятого. Он заботился обо мне, хотел быть со мной, ляпнул не подумав. Ной в тайне обдумывал, как соединить в своей жизни меня и братьев. Если только я перезвоню ему, он обязательно найдёт выход. Конечно, он бы с радостью женился на мне, но только когда я этого захочу.

Вчерашним утром меня окунули головой в грязь, но со временем я поняла, что мир не крутится вокруг меня. Больше всего мне хотелось набрать Ноя, принять его извинения и упасть в его безопасные и крепкие объятия, но он заслуживал лучшего, чем такой эгоистки.

Никогда не думая наперед, я попала в ловушку собственных иллюзий о нахождении потерянных воспоминаний. Я не думала, что буду делать после выпускного, или что для него будет значить получение опеки над братьями. Я любила Ноя больше, чем кого-либо другого. Любила достаточно, чтобы пойти на жертвы ради него.

Я шмыгнула и вытерла лицо, когда кто-то постучал в дверь.

— Можно войти? — спросил отец с другой стороны.

Нет, но мой выбор ограничен. Ранее я проскользнула мимо него и Эшли, чтобы избежать ссоры. В какой-то момент папа должен выступить со своими упрёками. Я засунула майку под одеяло, села и прижала к груди подушку — мне нужно было хоть за что-то держаться.

— Конечно.

Папа сел на кровать и посмотрел на мамины картины. Выглядел он таким же усталым, как и я.

— Обещай, что больше не будешь нарушать комендантский час.

— Ладно. — На данный момент легче согласиться, чем спорить.

Он открыл и закрыл рот. Очевидно, такого поворота отец не ожидал.

— Ной дважды звонил на домашний. Вы поссорились?

— Мы расстались.

Он заерзал.

— Милая, он правильно поступил, рассказав мне, где ты была.

Я не собиралась говорить с ним на эту тему.

— Немного поздно для игры в хорошего папочку, тебе так не кажется?

— Я твой отец, и никогда не считал тебя игрой.

Да, скажи это маме.

— Слушай, осталось чуть больше двух месяцев до моего выпускного. Давай просто переждем их, ладно? Как только я окончу школу, я уеду. Переселюсь в общагу или найду работу и квартиру. Я покончу с тобой, а ты — со мной. Если всё удастся, я уеду до рождения малыша, и ты сможешь начать всё сначала.

Все его морщинки углубились.

— Эхо...

Я позволяю зарождающемуся внутри гневу вырваться наружу:

— Иди, расскажи Эшли. Она единственная, о ком ты когда-либо заботился.

— Это не...

— Ты оставил меня умирать. — Я указала на дверь. — Уходи отсюда и из моей жизни!

Папа опустил голову, кивнул и ушёл.

44 - Ной

Я решил не подходить к своему шкафчику и направился напрямиком в столовую.

Эхо нашла способ избежать нашей встречи сегодня утром, но будь я проклят, если ей удастся сделать это сейчас.

— Можешь сказать ей, что я заказал детали для машины, — сказал Исая, садясь рядом со мной.

— Я как раз думал начать с этого разговор. — Я смотрел на двери, ожидая, когда она зайдёт. Дам ей ещё пять минут, прежде чем начать искать её по всему зданию.

— Ты и вправду налажал, Эйнштейн. — Бет швырнула свой поднос с едой на стол.

— Ты же ненавидишь её, — пробормотал я.

— Я смирилась с ней. Прямо как с микробами.

Где же она? Дверь в кафетерий открылась, и прошла её лучшая подруга.

— Лила! — я отодвинул стул, чтобы подойти к ней, но она сделала это сама.

— Да? — девушка раздражённо изогнула бровь.

Я редко смущался перед людьми, но взгляд Лилы мог напугать и серийного убийцу.

— Ты знаешь, где Эхо?

— А что? Нужна нянька? — сухо спросила она.

Чёрт, Эхо, наверное, чертовски зла. Она прослушала мои сообщения?

— Я натворил дел и теперь хочу с ней поговорить.

— Ну-ка повтори.

— Уверена, ты этим наслаждаешься, наша королева бала, — прорычала Бет. — Ты боялась, что, тусуясь с настоящими людьми, как мы, она поймёт, что ты и остальные Барби-неудачницы на самом деле полны дерьма?

Лила оскалилась.

— Кстати о неудачниках, ты планируешь снова довольствоваться обедами Эхо?

Чёрт, мне это не нужно. Бет кинулась на Лилу, но Исайя схватил её за талию и зашептал, чтобы та успокоилась. Мой стул откинулся назад, когда я встал.

— Забудь об этом. Я сам её найду.

Эхо сидела на табуретке и смотрела на холст, но на этот раз у неё в руке не было кисти. Её перчатки лежали на коленях.

— Знаешь, с твоей стороны было грубо не перезванивать. — Я задержал дыхание, ожидая от неё вспышки гнева.

Девушка грустно улыбнулась, разбивая мне сердце. Я бы предпочел злость вместо боли.

— Ты не в первый раз считаешь мои поступки грубыми. — Она посмотрела на меня. — Привет, Ной.

— Эхо. — Я позволил себе подойти ближе, но не слишком близко. — Сегодня понедельник, что означает, днём у нас занятие.

— Тебе никогда не требовались дополнительные занятия, лишь мотивация.

Потерев шею, чтобы избавиться от напряжения, я продолжил:

— Слушай, я налажал в субботу. Мне не стоило поднимать тему брака. Я потерял рассудок. Ты нарисовала родителей, и я подумал, как сильно тебя люблю и хочу быть одновременно с тобой и братьями. Одна глупая мысль за другой, и я наделал кучку дерьма.

Губы Эхо дёрнулись.

— Это самое худшее извинение, которое я когда-либо слышала, но я его принимаю. — Она вернулась к рассматриванию пустого холста.

Я произнес слова, которые не говорил ни одной девушке — я люблю её. Все жаждали их услышать, но казалось, что эти они только увеличили расстояние между нами.

Может, она не расслышала.

— Я люблю тебя, Эхо. Даже если ты никогда за меня не выйдешь, я люблю тебя. Мы найдём

способ со всем разобраться. Ты не ответственна за моих братьев.

— Знаю. — Она вздохнула с усталым видом. Её нога начала стучать по ножке табуретки. — Я тоже тебя люблю, и поэтому считаю, что пора нам это закончить.

Меня пронзила боль, за которой последовала быстрая вспышка гнева.

— Но ты сказала, что прощаешь меня.

Эхо взяла кисть, окунула её в чёрную краску и поставила точки посреди холста.

— У меня есть двадцатипроцентный шанс унаследовать мамины гены.

— Какое это имеет к нам отношение? Ты не твоя мама. Тебе далеко до этой сумасшедшей суки.

— Она больная, Ной, а не сумасшедшая, — прошептала она.

Весь этого разговор был безумным.

— Она резала тебя. Это ненормально.

Девушка закрыла глаза и вздрогнула.

— Я упала.

Я вырвал кисть у неё из рук и кинул её в другую часть комнаты.

— Что за хрень! Если бы это была просто случайность, ты бы её запомнила! — Я провёл руками по лицу, пытаюсь избавиться от злости. — Какое отношение имеет этот бред ко всему остальному? К нам?

Эхо открыла глаза, показывая дурманящую боль.

— Прямое.

Желание коснуться её пересилило меня, и я сдался. Сделал шаг к ней, но Эхо спрыгнула с табуретки и поставила её между нами. Я отпихнул её с дороги и продолжил идти вперёд. Эхо прижала ладони к моей груди и попыталась меня оттолкнуть.

— Я не могу думать трезво, когда ты так близко.

Я прижал её к стене.

— Мне не нравится то, о чём ты думаешь. Я планирую оставаться здесь, пока ты не помотришь мне в глаза и не скажешь, что ты моя.

Она опустила голову и спряталась за волосами. Её тон напомнил мне Джейкоба, когда он наконец понял, что мама никогда больше не возьмёт его на руки:

— Это не работает. У нас никогда не было шансов.

— Враньё. Нам суждено быть вместе.

Эхо шмыгнула, и этот звук разбил мне сердце. Я смягчил голос:

— Посмотри на меня, солнце. Я знаю, что ты любишь меня. Три ночи тому назад ты готова была отдать мне всё. Ты не можешь просто уйти от меня.

— Господи, Ной... — её голос сломался. — Я ужасна.

Ужасна?

— Ты прекрасна.

Она наконец подняла голову. Слез больше не было, но остались дорожки на лице.

— В моей голове хаос. Через два месяца ты встретишься с судьей и убедишь его, что только ты можешь вырастить своих братьев. Я буду для тебя лишним грузом.

Надоедливый внутренний голос твердил мне заткнуться и прислушаться.

— Неправда. Братья любят тебя, а ты их. Ты не лишний груз.

— Представь, как на меня посмотрит судья. Ты правда готов на такой риск? — она сглотнула. — Через два месяца после инцидента, один терапевт пытался вернуть мои забытые воспоминания. Мисси Колинз сказала, что он переборщил. Я сломалась. Проснулась в больнице двумя днями позже, без всяких воспоминаний. Пока мне везло, но что, если удача от меня отвернётся? Ной, посмотри на ситуацию со стороны. Я напугана и не помню, что со мной произошло. У меня уже был один срыв, потому что я пыталась вспомнить. У мамы биполярное расстройство. Большинство людей начинают проявлять признаки в подростковом возрасте или после двадцати. Что, если судья узнает обо мне? С какой психопаткой ты встречаешься?

Стало больно дышать. Уголки её губ опустились, и она погладила меня по щеке тёплыми пальцами. Обычно от этого касания у меня подгибались колени, но сейчас оно резало по живому.

— Ты знал, что когда ты перестаёшь упрямиться и принимаешь мою правоту, то твои глаза чуть расширяются, и ты наклоняешь голову вбок? — спросила она.

Я выпрямился и прищурился.

— Я люблю тебя.

Она сверкнула своей великолепной улыбкой, отражающую грусть всего мира.

— Братьев ты любишь больше. И я не против. Вообще-то, это одна из причин, по которой я тебя люблю. Ты был прав. Я хочу семью. Но я никогда себя не прошу, если стану причиной, по которой разрушится твоя.

К моему ужасу, мои глаза запекло от слёз, а в горле появился комок.

— Нет, тебе не удастся повернуть эту жертвенную хрень со мной. Я люблю тебя, а ты — меня. Мы должны быть вместе.

Эхо прижалась ко мне всем телом и запуталась пальцами в моих волосах. Её глаза заблестели от слёз.

— Я люблю тебя достаточно, чтобы не заставлять делать выбор.

Девушка встала на носочки, опустила мою голову и нежно поцеловала в губы. Нет, это не будет наше «прощай». Я наполню её собой и дам понять, что без меня она всегда будет чувствовать себя пустой.

Я сделал Эхо моей. Мои руки присваивали её волосы, спину. Мои губы — её рот и язык. Её тело дрожало в моих объятиях, и я почувствовал соль на её коже. Она заставила себя отвернуться, и я крепче вцепился в неё.

— Нет, детка, нет, — прошептал я ей на ухо.

Тогда она оттолкнула мою грудь и быстро убежала.

— Мне жаль.

45 - Эхо

Он любил меня.

Ной Хатчинс признался мне в любви, что превратило последнюю неделю в школе абсолютным адом.

Прозвенел звонок. Все остальные захлопнули учебники, застегнули рюкзаки и ушли с бизнес технологий на ланч. Я не пошевелинулась.

Моя рука сжала карандаш, когда Ной прошёл мимо и покинул комнату, выпрямив плечи и задрвав подбородок. Он ни разу не признал моего присутствия. А вот Исайя задержался, посмотрел на меня грустным взглядом и только потом последовал за другом.

Так мы с Ноем и общались уже семь дней. Я ждала, пока он покинет кабинет. Он убегал. Я втянула воздух, мечтая, чтобы боль прекратилась, и все ушли. Ну, все, кроме моей лучшей подруги.

— Эхо. — Лила стала перед моей партой, прижав книги к груди. — Ты в порядке?

Нет. Ничто никогда уже не будет в порядке.

— Я случайно услышала сегодня в туалете, что Лорен Льюис собирается подкатить к Ною. — Слезы грозили скатиться по моим щекам. — Мне должно быть наплевать. В смысле, я же его бросила, и он может... — «Спать, с кем захочет»... Но я не могла произнести эти слова, так как в горле появился комок.

— Лила, — позвал Стивен из коридора, — ты идешь на ланч или нет?

Она начала качать головой, но я ответила за неё:

— Идёт!

— Эхо, — осуждающе сказала подруга.

— Всё хорошо. — Я выдавила худшую улыбку в мире. — Может, я к вам присоединюсь сегодня.

Это я сказала не всерьёз. И она это знала, но всё равно похлопала меня по руке.

— Увидимся там, — сказала девушка, прежде чем взять Стивена за руку и отправиться в

кафетерий.

Я закинула вещи в сумку и стала бороться с желанием побежать за Ноем и попросить его взять меня обратно под своё крыло. Я потеряла не только его, но и привычный распорядок: учёба, занятия, планирование, как достать наши папки, работа Исаяи и Бет над машиной Айреса. Потеря Ноя означала потерю жизни. И шанса на ответы.

Он был идейным вдохновителем всех наших планов, и я питалась его храбростью и верой в успех. Или нет? Я положила последний учебник в сумку и подняла бровь от этой мысли. В голове заработали шестерёнки. Я убедила миссис Колинз и отца изменить время встречи — не Ной. Я нашла фамилию приёмных родителей его братьев. Возможно, я смогу сама найти ответы.

Я завернула за угол пустого коридора и замерла. Прижавшись спиной к моему шкафчику, стояла Грейс и разглядывала свои ногти.

— Что ты тут делаешь? — спросила я.

— С тобой говорю. Если бы ты осталась с Люком, мы могли бы остаться друзьями. — Она протёрла ноготь большого пальца, прежде чем повернуться ко мне.

— Разве ты не должна сидеть в столовой и доказывать миру, что ты идеальна? — спросила я. Впервые в жизни у меня не было желания прогнуться под неё.

— Люк возьмёт тебя обратно. Когда он услышал, что ты рассталась с Ноем, то чуть с ума не сошёл. Он бросает Диану. Ему нужна ты, а не она.

Нет, не нужна. Ходили такие слухи, но я знала то, чего не знали другие — Люк не может выдержать вида моих шрамов. Я откинула голову назад и сосредоточилась на субъекте, блокирующем мой шкафчик.

— Какая тебе разница? Судя по последним новостям, ты отпускала неплохие шутки на мой счёт в спортзале.

Грейс внезапно чрезвычайно заинтересовалась своими туфлями.

— Ну-у, да, я не святая. Убей меня. Не то, чтобы ты облегчала мне задачу, Эхо. — Она закрыла рот и наклонила голову, явный знак того, что девушка пыталась вернуть себе уверенный вид. — Я всё ещё хочу быть твоей подругой, мы можем всё спасти — нашу дружбу, мнение людей о тебе, всё. Теперь, когда ты бросила этого неудачника, мы сможем сказать, что у тебя просто было помутнение рассудка. Он использовал тебя. Манипулировал. А затем ты поняла, какой же он придурок. Все поверят.

Во мне возгорелась злость. Как она не понимала?

— Я люблю Ноя.

Грейс оттолкнулась от шкафчика, её лицо исказилось от ярости.

— И посмотри, к чему это привело! У тебя нет ни парня, ни друзей. Чёрт, Эхо, ты стала социальным подсудимым года, когда поцеловала этого парня на публике, и всё во имя любви! Всё впустую! Ты вообще не изменилась. Всё ещё прячешь свои шрамы, избегаешь ланчей, скрываешься от мира. Тебе было лучше без Ноя Хатчинса. Я бы всё отдала, чтобы вернуть

январь. Тогда, по крайней мере, ты приходила в кафетерий. Ты хотя бы пыталась.

Её слова превратились в ножи, царапающие мою кожу, цепляющие больше, чем нужно.

— Не я ставила условия нашей дружбе. Не я боюсь мнения общества, и что оно подумает, если я буду дружить с кем-то менее популярным.

Грейс горько рассмеялась. Похоже, я довела её до точки кипения.

— Это не так, Эхо. Ты поставила условия нашей дружбе в тот момент, когда надела перчатки на руки и попросила меня лгать всем насчёт тебя. Мне пришлось говорить, что я не знаю, что произошло с моей лучшей подругой. А насчёт обвинений в боязни общественного мнения... ты на себя посмотри! Если ты такая правильная, какого чёрта ты всё ещё прячешь эти шрамы?

Я сглотнула, и та ярость, что я чувствовала секунды назад, испарилась в воздухе. Она была права. Грейс была права.

Я пялилась в открытый шкафчик и барабанила пальцами по дверце. Я смогу это сделать. Определённо смогу... завтра или через месяц, или никогда... Нет, нет, я смогу. Я могу прожить жизнь ради собственного удовольствия или удовольствия других. Себя. Я хотела удовлетворить себя.

На моей памяти, всю свою жизнь я пыталась заслужить общего одобрения: мамино, папино, учителей, терапевтов. Боялась, что если выйду за границы дозволенного, то потеряю их уважение. В случае с родителями — их любовь. Но теперь всё изменилось. Я хотела получить ответы о своём прошлом, а чтобы их найти, мне понадобится храбрость.

Вчера Грейс вывела меня на чистую воду, и сегодня я собиралась доказать, что она не права.

Впервые за два года я пришла в школу в футболке с короткими рукавами, хоть поверх неё был надет свитер. Но я не хотела в нём ходить. Было жарко и неудобно, а ещё от него всё чесалось.

Потянувшись за плечи, я подняла его над головой и глубоко вдохнула, почувствовав прохладу на коже. Она напомнила мне о летней рекламе, где люди, страдающие от жары, прыгали в холодный, завлекающий бассейн. Это было чувство свободы.

Я оставила книги и свитер в шкафу, а затем пошла по пустому коридору к столовой. Забавно, но я чувствовала себя голой, будто бы была лишь в лифчике и трусах, а не любимой голубой футболке и потёртых джинсах.

Чтобы не струсить, я зацепилась пальцами за карманы и начала считать плитки на полу. Они останавливались у края бетонного пола кафетерия. Из зала доносился смех и громкие разговоры. Я молилась о двух вещах: первое — я не отключусь, и второе — Лила всё ещё меня любит.

В горло пересохло, а грудь сжалась, когда я подняла ногу и пересекла барьер между коридором и столовой.

Мгновенное аханье «О Боже!» заставило меня замереть. Заметка на память — это была моя самая худшая идея.

Я осмотрела зал, наблюдая, как люди склонялись над столами, информируя массы, что главный фрик школы вошёл в помещение. «Ну давайте, смотрите. Может, в следующий раз мне хватит ума, чтобы продавать билеты на это шоу».

Из другой части зала на меня смотрела пара тёплых карих глаз.

Всё во мне заболело — Ной. С неделю мы притворялись, что не существуем друг для друга. Он расхаживал по школе со своим очаровательным мрачным видом и опасным поведением, будто я никогда и не была в его жизни. Ной смеялся, сидел за своим столиком во время ланча и стоически просиживал уроки.

Но теперь в нём не было ничего стоического. Сидя между Исайей и Бет, он медленно встал, не отрывая от меня взгляда. Я закусил губу, мечтая не заплакать, и чтобы он не подходил ко мне. Я не настолько сильная, чтобы одновременно открывать себя миру и держаться от него подальше.

Когда он сделал шаг в мою сторону, я покачала головой и стала молить глазами, чтобы он сел на место. Ной замер и провёл рукой по лицу, на его губах сформировалось нецензурное слово, которое он часто любил произносить. Неужели это расставание принесло ему столько же боли, сколько и мне?

Парень закрыл глаза на секунду, затем хлопнул рукой по двери и покинул кафетерий. Исаяя поспешил за ним.

Со стороны моего старого столика раздался смех, и когда я посмотрела туда, все на меня пялились. Включая Грейс, хотя она была единственной, кто не смеялся. Девушка быстро кивнула и отвернулась.

— Пошли они к чёрту.

Я подпрыгнула, когда заметила рядом с собой Бет, её рука почти касалась моей.

— Что, прости?

Она кивнула на столовую.

— Пошли они к чёрту. Они того не стоят.

— В кои веки я согласна. — Лила переплела со мной пальцы. — Могла и сказать, что планируешь это сделать. Я бы пошла с тобой.

Я вернула своё внимание к Бет, но она уже ушла. Я заметила её чёрные волосы, когда она вышла через ту же дверь, что и Ной.

— Ты голодна? — спросила Лила.

Скорее, меня тошнило.

— Не особо.

Она улыбнулась мне улыбкой доброй волшебницы Глинды.

— Хорошо. Тогда съедим только десерт. — Она потянула меня за руку. — Пошли, сегодня подают тортики с шоколадным ирисом.

Я стукнул кулаком по шкафчику, и сопроводил громкий удар отменной бранью. Эхо наконец хватило смелости оголить свои шрамы, но она не позволила мне быть рядом.

— Отличная вмятина, чувак. — Исайя прислонился боком к углу коридора и скрестил татуированные руки на груди. — Я ценю, что ты выбрал мой шкафчик для избиения. Сам искал повод, чтобы никогда его больше не открывать.

Я дёрнул головой и присмотрелся. Чёрт, это и вправду был не мой. Шок от собственной ошибки вытеснил ярость, оставляя меня со слабой болью в костяшках.

— Прости.

— Он помог справиться с твоими проблемами?

Я ошибался, злость все ещё зудела внутри меня.

— И что это значит?

— Это значит, что твоя ненаглядная в столовой, открывает свою душу, а ты здесь, мутузишь шкафчики. Я зову это проблемой.

Я провёл рукой по лицу.

— Она меня бросила, не я её. Кроме того... — я указал в сторону кафетерия, — мне хотелось быть рядом с ней. Но она отмахнулась от меня.

— Когда ты успел стать грёбаной овечкой? Как я это вижу, она могла сказать слова, но ты тоже хотел прекращения этих отношений.

Мои мышцы напряглись, и я сжал кулак, из-за чего Исайя оторвался от стенки. Он расставил ноги и опустил руки по швам. Парень чувствовал приближение драки и не ошибался. Я понизил голос:

— Что ты только что сказал?

Он знал, как сильно я любил Эхо, и эти слова были сродни предательству.

Но мой брат продолжил:

— Что у тебя явно были сомнения насчёт вашей пары, раз ты так легко сдался.

У меня снова появилось желание что-нибудь ударить, но меня сдерживала боль в костяшках.

— Я люблю Эхо. Так сильно, что предложил ей выйти за меня. Похоже, что я хотел сдаться?

Его брови поднялись до линии роста волос, а мышцы расслабились.

— Скажи, что ты шутишь насчёт женитьбы.

Рухнув напротив шкафчика, я стукнул головой по металлу. Хотел бы я, чтобы это была шутка. То предложение стало домино, разрушившим мои отношения.

— Нет. Я налажал и не знаю, как всё исправить.

Ботинки Исайи глухо застучали по полу, когда он приблизился.

— Я просто хочу сказать, что не вижу, как ты борешься за свою девушку. Если хочешь её, то хватить бить шкафчики и начни фокусироваться на своём призе.

47 - Эхо

Мой нос защекотало от запаха акриловой краски, когда я зашла в галерею. Стены полнились пейзажами. Мой взгляд остановился на картине с травой, гнущейся под дуновением ветра.

Чуть ранее сегодня я показала миру свои шрамы. Днём я собиралась найти ответы.

От нервов кровь лихорадочно бежала по моим венам. В последний раз, когда я была здесь, Айрес был жив, а мама — на таблетках. Она смеялась, когда брат сказал, что не понимал смысла её картин, и он дёрнул меня за волосы, когда я назвала его идиотом. Затем я стукнула его в ответ, и он залился смехом. Мои лёгкие сжались от тяжести. Смех Айреса. Мне стоило обнять его тогда. И никогда не отпускать.

— Вам помочь? — спросил женский голос.

Я натянула улыбку на лицо и повернулась.

— Привет, Бриджет.

Её голубые глаза округлились. Чернильные волосы девушки свисали до плеч и делали лицо более угловатым. Она нависала надо мной, будучи 180 сантиметров ростом. Как всегда, на ней был чёрный деловой костюм.

— Эхо. Боже, как ты выросла!

— Такое случается. — Я перенесла вес с одной ноги на другую. — У тебя есть пару минут?

— Для тебя - конечно. Хочешь воды?

— Да. — Она повела меня в свой кабинет.

— Что я могу для тебя сделать?

Сейчас или никогда.

— У меня к тебе две просьбы.

Она вручила мне бутылку с водой и сняла крышечку со своей.

— Давай первую.

— Ты однажды сказала, что, если я когда-нибудь захочу продавать свои картины, то мне стоит позвонить тебе. Это предложение всё ещё в силе?

Бриджет облизала губы и села.

— Твоя мама годами показывала мне твои наброски. Я безумно ждала этого дня. Ты принесла

их с собой?

Я покачала головой.

— Выбери пять любимых картин и принеси мне завтра альбом на осмотр. — Она прищурилась.

— Ты же всё ещё в школе, верно?

— Через месяц выпускной.

— Замечательно. — Её глаза заблестели, будто она задумалась о чём-то далеком. Женщина моргнула и вернулась в реальность. — А вторая какая?

— Я хочу найти маму.

Блеск и улыбка исчезли с её лица.

— Кэсси здесь больше не работает. Ты же знаешь.

— Да, но ты была её лучшей подругой. Я надеялась, ты сможешь хотя бы сказать, где она оказалась. Может, она нашла другую работу, кто её нанял, кто звонил по поводу рекомендаций?

Бриджет сделала долгий глоток воды.

— Твоя мама долгое время была в затруднительном положении, Эхо. Случившееся с тобой — трагедия, и она рассказывает.

Моё сердце забило быстрее.

— Ты знаешь, что со мной случилось?

— Да. — Её длинные пальцы оторвали бумажку с бутылки. — И она упоминала, что ты — нет.

Моё тело наполнилось адреналином. Я застучала ногой по полу.

— Вы всё ещё общаетесь?

— Да. — Тишину наполнил звук рвущейся бумаги.

Я достала конверт из заднего кармана.

— Пожалуйста, передай это ей. Пусть сама решит, как действовать дальше. Хорошо?

Она посмотрела на мою протянутую руку.

— Знаю, что твой папа любит держать тебя в неведении, так что, может, ты не в курсе о судебном приказе.

— Я не заинтересована в отправке её в тюрьму. Просто хочу увидеться. — Я потрясла письмом и попыталась изобразить щенячьи глаза миссис Колинз. — Пожалуйста, Бриджет.

Она взяла конверт.

— Я ничего не обещаю, поняла?

Я кивнула, слишком перенервничав, чтобы что-то ответить. Либо я решила все свои проблемы, либо создала новые. Но всё это не важно.

Мне надоело жить в страхе. Пришло время стать сильной.

48 - Ной

— Как твои дела, Ной? — Миссис Колинз улыбнулась, когда я протанцевал в её кабинет и сел в кресло.

— Бывало и лучше.

Это привлекло её внимание.

— По крайней мере, сегодня ты честен со мной. С чего бы?

Я покачал головой, не в состоянии ответить. По школе пошёл слух, что Люк бросил девушку этой недели с намерением пригласить Эхо на выпускной. Ублюдок едва дождался прохождения трёх недель, чтобы начать охоту на мою девушку.

Заёрзав на месте, я попытался избавиться от мысли, что Эхо — моя. Мы расстались, и Исайя был прав — я никак этому не препятствовал. Мне хотелось, чтобы она была счастлива, а это невозможно с парнем, занятым заботой о двух мальчиках. Исайя посоветовал дать ей выбор и снова поговорить. Я хотел вернуть Эхо в свою жизнь, но ей лучше без меня.

Бет пообещала поспрашивать и узнать, приняла ли Эхо приглашение Люка. Часть меня надеялась, что она согласилась. Я испортил её танцы на честь Дня Валентина. Она заслуживала хорошего выпускного.

— Спешу тебя порадовать, тест на наркотики, который запросил судья, оказался негативным.

Я пожал плечами: уже несколько месяцев не курил травку.

— Вы ожидали другого результата?

Она засмеялась.

— Я встречалась с Бет.

Тут и я рассмеялся. По крайней мере, она не пыталась приукрасить ситуацию.

Последние пару недель миссис Колинз докапывалась до моей жизни, но я сворачивал все темы к братьям.

Иногда мы обсуждали возможность на обучение в колледже, которой у меня никогда не будет.

— Как дела с Джейкобом?

После моего визита в Правовую Помощь, Кэрри и Джо наняли крутого адвоката и добились отмены моих привилегий на посещение. Наплели какую-то чушь насчёт того, что я употребляю наркотики и часто гуляю на вечеринках — плохой пример для братьев. И тут всплыл тест на наркотики. Умный ход с их стороны. До Эхо их подозрения были не беспочвенными, но сейчас...

— Ты же знаешь, я не могу обсуждать личные детали, но могу рассказать тебе сказку о замечательном мальчике по имени Джек, который три года страдал ночными кошмарами.

Мои губы дёрнулись в улыбке. Не так уж плоха эта миссис Колинз.

— И что стало с Джеком?

— Он проспал целую ночь без кошмаров на прошлой неделе.

У меня перехватило дыхание, стало трудно дышать.

— Спасибо.

— Тебе спасибо. Не думаю, что Кэрри и Джо догадались бы, что его мучило, если бы ты не сказал. — Мы сидели в молчании с пару секунд. Я уставился на свои ботинки.

— Мне хотелось бы обсудить, что мучает тебя.

— Эхо часто отсутствует. — Две недели назад она пропустила три дня, и два на прошлой неделе.

Женщина подняла брови.

— Не совсем то, что я имела в виду, но сойдет. Да, это так.

Чем больше я говорил, тем больше загонял себя в угол, но мне было плевать. Может, я к этому и стремился.

— С ней всё хорошо?

— Почему бы тебе самому у неё не спросить?

— Мы не общаемся. — Но я в этом нуждался. Та деталь, которую Исайя заказал для машины Айреса, наконец пришла.

Миссис Колинз облокотилась на стол.

— Что между вами произошло?

— Мы расстались, — выдавил я. — Я передумал. Не хочу говорить об Эхо. — Я отвернулся. Думать о ней было больно.

Женщина посмотрела на меня своими щенячьими глазами и открыла мою папку.

— Тогда давай обсудим приближающуюся дату АСТ.

Миссис Колинз уговорила меня зарегистрироваться на АСТ. Если я пройду тест и подам документы в парочку университетов, тогда она поможет мне подготовиться к встрече с судьей после выпускного. Пустая трата времени. Любые сомнения по поводу получения права на опеку над братьями закончились, когда Кэрри и Джо лишили меня встреч с ними.

Зазвонил телефон миссис Колинз — такого прежде никогда не случилось при мне. Она мгновенно ответила и повернулась:

— Увидимся на следующей неделе. Пожалуйста, передай Эхо, что я освобожусь через пару минут.

Наша встреча закончилась. Я скользнул рукой по лицу, открыв дверь. Последние три недели я старался изо всех сил, чтобы избежать времени наедине с Эхо, и теперь... Чёрт.

Она сидела в одиночестве посреди ряда стульев, уставившись в экран телефона и качая ногой в собственном ритме. Я закрыл за собой дверь и прислонился к ней.

— Исайя достал деталь для починки машины Айреса.

Она сверкнула удивлённой улыбкой, и её глаза заблестели.

— Шутишь? Я думала, после... ну, сам знаешь... он не захочет...

— Исайя ходит с постоянным стояком после того, как увидел машину. Кроме того, я же обещал помочь тебе починить её. — Часть моего сердца восторжествовала, увидев её счастливой; вторая утопала в жалости к себе. — Он сказал, что зайдёт на выходных и закончит работу.

— На этих выходных? — Эхо прыгнула со стула. — Исайя починит машину моего брата на этих выходных?! О. Мой. Бог! — Она прикрыла рот рукой. — Это замечательно!

Девушка кинулась ко мне в объятия. Я закрыл глаза в момент, как её руки скользнули по моей шее. Я положил руки на уже родные мне места и начал наслаждаться её приятным ароматом. Три недели я чувствовал себя пазлом с недостающими кусочками. Её тело идеально подходило моему, делая меня вновь целым.

— Я скучал по тебе.

Клянусь, Эхо обняла меня крепче, прежде чем отступить назад.

— Прости. Это было неуместно.

Я неохотно отпустил её и хихикнул.

— Я руками и ногами за неуместность.

Её смех исцелял и ранил в то же время.

— Да, ты такой. — Она закусила губу, и моя улыбка расширилась, когда взгляд девушки прошёлся по моему телу. Эхо моргнула. — Как обстоят дела с твоими братьями?

Я кивнул подбородком на стулья, и мы сели рядом. Её колено и плечо едва задевали меня, и больше всего я хотел провести пальцами по её волосам.

— Судья назначил дату нашей встречи после выпускного. Миссис Колинз готовит меня.

— Это же замечательно!

— Да. — Я попытался добавить оптимизму в голос.

С лица девушки исчезла улыбка и намёк на радость.

— Что не так?

— Кэрри и Джо наняли адвоката, и я потерял право на встречи.

Эхо положила свою нежную ручку поверх моей.

— Ох, Ной, мне так жаль. Ты вообще их не видел?

Я провёл бесчисленное количество времени на диване в подвале, пялясь в потолок и гадая, чем она занималась. Её смех, улыбка, прикосновение её тела к моему и раскаяние, что я так легко позволил ей уйти, преследовали меня. Пойдя на риск, я переплёл наши пальцы. Скорее всего, такая возможность мне больше никогда не представится.

— Нет, миссис Колинз убедила меня, что лучше всего держать дистанцию и следовать закону.

— Вау, а она творит чудеса! Опасный Ной Хатчинс стал на тропу порядка. Осторожно, а то она может испортить твою репутацию среди девушек. — Эхо заиграла бровями.

Я понизил голос:

— Не то, чтобы это имело значение. Меня волнует мнение лишь одной девушки.

Она расслабила руку и погладила меня большим пальцем.

— С миссис Колинз на твоей стороне, ты вернёшь их.

Минута наедине, и мы снова влюбились друг в друга, будто и не было этого расставания. Я мог бы обвинить её в нашем разрыве, но, в конце концов, это я согласился с её решением.

— Что насчёт тебя, Эхо? Ты нашла свои ответы?

Эхо позволила волосам упасть на лицо, и её колено задёргалось.

— Нет.

Если уж я нарушаю правила расставшихся парочек, могу нарушить и ещё парочку. Я убрал кудряшки ей за плечо и позволил руке задержаться в них дольше, чем требовалось, чтобы насладиться их мягкостью.

— Не прячься от меня, солнце. Мы прошли через слишком многое, чтобы вернуться к этому.

Эхо прижалась ко мне и положила голову мне на плечо, позволяя обнять себя рукой.

— Я тоже скучала, Ной. Я устала тебя игнорировать.

— Так не игнорируй. — Это было больно. Куда приятнее признавать её присутствие.

— Мы не особо похожи на друзей. — И чтобы подтвердить свои слова, она подняла голову. Тёплое дыхание Эхо ласкало мне шею, и моё тело загнулось от мысли о поцелуе.

Я сглотнул, пытаюсь избавиться от сладко-горьких воспоминаний о нашей последней ночи вместе.

— Где ты была? Меня убивает, когда ты не ходишь в школу.

— Везде понемногу. Я ходила в арт-галерею, и куратор проявила интерес к моим работам, а затем, через два дня, продала мою картину. С тех пор я ходила по разным галереям, пытаюсь прорекламирровать свой товар.

— Это очень круто. — Я рассеянно гладил её плечо. Часть меня радовалась за неё; друга расстроилась, что она делала такие большие успехи без меня. — Похоже, тебя ждёт идеальное будущее. — Ни битв за опеку, ни переворачивания бургеров, ни детей. — Куда ты решила поступать?

— Не уверена, что я пойду в колледж.

Меня пронзил шок, и я отодвинулся, чтобы убедиться, что правильно понял.

— В смысле, что ты имеешь в виду? Да все колледжи глотки перегрызут, чтобы заполучить тебя, а ты, чёрт возьми, не уверена, что будешь поступать?

Моя чёртова маленькая серена рассмеялась.

— Вижу, ты всё так же любишь громко выражаться.

Пуф — и злость исчезла, как по волшебству. Миссис Колинз бы многое отдала, чтобы проанализировать её. Видимо, её попытки заставить меня думать о будущем увенчались успехом. Я вновь прижал Эхо к себе.

— Если ты не собираешься в колледж, то чем займёшься?

— Мои картины висят в разных галереях в этом и окружающих штатах. Я не стану богатой, но с каждой проданной картиной я получаю неплохую сумму. Я подумываю отложить поступление на год или два, и начать путешествовать по стране, по разным галереям.

Чёрт, да весь её мир менялся!

— И твой папа не против?

— Это не ему решать. — За её весёлым тоном крылась ярость.

Может, что-то и не изменилось.

— Я больше не хочу жить с ним и Эшли. Продажа картин — это мой выход. Я не хочу смотреть на стены и думать о маме. Не хочу сидеть в комнате и вспоминать все ночи, когда Айрес оставался со мной и болтал. Не хочу, чтобы каждое мгновение моей жизни наполнилось воспоминаниями о прошлом, которое нельзя вернуть.

Обыденность. Мы оба жаждали её, и ни один больше никогда её не испытает. Эхо надеялась, что, узнав правду о произошедшем с ней и мамой, она решит свои проблемы, и я обещал помочь.

— Чувствую себя мудаком. Мы пошли на сделку, и я бросил тебя. Я не из тех парней, что не держат слово. Чем я могу помочь тебе узнать правду?

Грудь Эхо поднималась и опускалась с дыханием. Чувствуя, что наше время на исходе, я закопался носом в её волосах, пытаюсь запомнить запах. Она хлопала меня по колену и

отпрянула.

— Ничем. Ты ничего не можешь сделать.

Девушка пересекла комнату и прислонилась к столу.

— Пару раз я пробовала гипноз, но так ничего и не вспомнила. Думаю, пришло время двигаться дальше. Эшли будет рожать через пару недель. Папа готов полностью отдаться своей новой семье. Как только я окончу школу, этой части моей жизни придёт конец. Я не против того, что не знаю о случившемся. — Её слова звучали красиво, но я-то знал...

Эхо моргнула три раза подряд.

Миссис Колинз открыла дверь.

— Прости, Эхо, неотложные дела... — Её взгляд упал на меня, затем переметнулся к Эхо. Я покачал головой, когда её губы дёрнулись. — Заходи, когда будешь готова. — Не дожидаясь ответа, она закрыла дверь.

— Ну, мне пора. — Эхо вернулась к стулу и подняла сумку.

Я выпрямился и скользнул по ней руками, прижимая ближе к себе, запоминая ощущения от каждого нежного изгиба её тела.

Три недели я убеждал себя, что наше расставание — правильный выбор. Но время с ней, её смех, голос... я понял, что лгал себе.

Глаза девушки округлились, и я опустил голову к ней.

— Необязательно, чтобы всё было так. Мы можем найти способ снова быть вместе.

Она наклонила голову и облизала губы, говоря с придыханием:

— Ты играешь не по правилам.

— Согласен.

Эхо слишком много думала. Я запутался пальцами в её волосах и поцеловал её, не оставляя возможности обдумать наши действия. Мне хотелось, чтобы она чувствовала то же, что и я. Упивалась нашим притяжением. Чёрт, я хотел, чтобы она любила меня без всяких сомнений.

Её сумка упала на пол с громким стуком, и волшебные пальчики девушки оказались на моей спине, шее и голове. Её язык заплясал в такт с моим: голодный и возбуждённый.

Мышцы Эхо напряглись, она снова заработала головой. Я прижал её крепче, отказываясь отпустить. Эхо отодвинула голову, но не смогла отойти.

— Ной, нельзя.

— Почему? — Я случайно потряс её, но если бы это помогло ей образумиться, я бы потряс её снова.

— Всё изменилось. Или ничего не изменилось. Тебе нужно спасти семью. А я... — Она отвернулась, качая головой. — Я больше не могу здесь жить. Уезжая из города, я могу спать.

Понимаешь, о чём я?

Понимал. Даже слишком хорошо, и одновременно ненавидел себя за это. Поэтому мы игнорировали друг друга. Когда она ушла в первый раз, моё чёртово сердце взорвалось, и я поклялся не дать этому произойти вновь.

И вот, я стоял здесь, как идиот, и поджигал бомбу.

Я снова вплёл свои руки в её волосы и вцепился за мягкие кудряшки. Как бы сильно я ни держался, они продолжали выскользывать из моей хватки, как поток воды из неба. Я прижался к ней лбом.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— И ты тоже, — прошептала она. Я отпустил девушку, и она ушла из офиса. Когда я впервые связался с Эхо, то пообещал, что помогу ей найти ответы. Я был человеком слова, и она вскоре об этом узнает.

49 - Эхо

Моё тело дрожало от нервов, и я всеми силами сосредоточилась на том, чтобы не описаться. Мой мочевого пузырь уменьшился на пару размеров, а подмышки хлопковой рубашки с коротким рукавом пропитались потом. Уверена, выглядела я просто сногшибательно.

Моё сердце сжал скользкий и холодный удав... шрамы. Теперь я всё чаще носила кофты без рукавов и практически перестала сходить с ума из-за своих рук. По крайней мере, пока на них никто не смотрел. Естественно, она о них знала, но от их вида может стать не по себе. Я тяжело вздохнула и припарковалась под большим дубом. Слишком поздно возвращаться домой и переодеваться.

Она стояла у могилы Айреса. Я потупила взгляд и начала считать шаги от машины. Где-то между третьим и пятым в моей крови поднялся адреналин, от чего я почувствовала себя улетающим воздушным шариком. Апрельская суббота была достаточно тёплой, но моя кожа всё равно казалась склизкой.

Я попросила её о встрече, тем самым подтверждая, что я окончательно потеряла чёртову голову.

Убрала волосы за ухо, я остановилась. Между нами была могила Айреса. Мама по один бок, я по другой.

— Эхо, — прошептала она. В её зелёных глазах заблестели слёзы, и она сделала шаг ко мне.

Сердце дико забило об грудную клетку, и я тут же отступила назад. На секунду мне захотелось убежать, и я с трудом заставила себя остаться.

Мама отошла и подняла руки в воздух в знак примирения.

— Я просто хочу тебя обнять.

Я обдумала её просьбу. Обнять маму было бы естественно, автоматической реакцией. Я сглотнула, пряча руки в карманы.

— Прости, но я не могу.

Она слабо кивнула и оглянулась на надгробие Айреса.

— Я скучаю по нему.

— Я тоже.

Все мои воспоминания о маме не соответствовали этой женщине. Я помнила её юной красавицей. Сейчас же она могла составить папе конкуренцию. Вокруг её глаз и рта были глубокие морщины. От природы дикие, вьющиеся рыжие волосы, которые я помнила, были выпрямлены утюжком.

В лучшие времена казалось, будто мама порхает в воздухе. В худшие, она цеплялась за землю. Стоя передо мной, она была ни на высоте, ни в упадке. Она просто была.

Мама выглядела почти нормальной. Как любая другая стареющая женщина, горюющая на кладбище. В этот момент она не была какой-то бесконтрольной психопаткой или опасным противником. Просто женщиной, почти похожей на человека.

Похожа или нет, а все мои инстинкты кричали бежать.

Горло опухло, и я поборола рвотный позыв. У меня было два варианта: потерять сознание или сесть.

— Ты не против присесть? Мне бы не помешало.

Мама быстро улыбнулась и кивнула.

— Помнишь, как я учила вас с Айресом делать браслеты и украшения на шею из клевера? — Она сорвала парочку белых цветков и переплела их вместе. — Ты любила вплетать их в волосы, как тиару.

— Ага, — вот и всё, что я ответила. Мама наслаждалась ощущением от травы под босыми ногами, потому что никогда не заставляла нас с братом обуваться.

Мы втроём любили гулять. Она продолжала вплетать клевер в одну нить, а ситуация становилась всё более неловкой.

— Спасибо, что ответила на сообщение. Какое из писем до тебя дошло? — Я намеренно посетила арт-галерею, где мама однажды продавала картины, оставляя ей письмо в каждой из них.

— Все. Но именно Бриджет убедила меня прийти.

Быстрая вспышка боли задела мой живот. Значит, мои письма были недостаточно убедительны для неё?

— Ты часто приходишь к Айресу? — спросила я.

Её руки замерли.

— Нет. Мне не нравится мысль, что мой ребёнок под землёй.

Я не собиралась её расстраивать, но «Рестхевен» казался безопасным местом для встречи. Если кто-то заметит нас вместе, мы можем сказать, что встретились случайно. Никто не обвинит её в нарушении судебного приказа.

Мне стоило спросить её о той ночи и уйти, но, глядя на неё, видя её... я поняла, как много вопросов у меня имелось в запасе.

— Почему ты не перезвонила мне на Рождество?

В прошлом декабре горе от потери брата стало настолько невыносимым, что я позвонила ей. Оставила сообщение с номером мобильного и домашнего. Сказала, в какое время можно звонить. Ответа не последовало. Затем, естественно, в январе папа сменил номер домашнего, и мобильного в феврале.

— Я пережила тяжёлые времена, Эхо. Мне нужно было сосредоточиться на себе, — просто сказала она, без намёка на вину.

— Но я нуждалась в тебе! Я так и сказала, верно? — По крайней мере, мне казалось, что я произнесла это в голосовом сообщении.

— Да. — Она продолжала переплетать клевер. — Ты выросла прекрасной девушкой.

— Если не считать шрамов. — В тот же момент я прикусила язык. Мама молчала, а моя нога закачалась взад-вперёд. Я сорвала травинку и методично порвала её на полоски. — Я мало что знаю о судебном запрете. Наверняка он скоро закончит своё действие.

Может, дыра в моём сердце уменьшится, если я смогу периодически видеться с мамой.

— Бриджет показала мне твои работы, — снова проигнорировала мою речь мама. — Ты очень талантлива. В какие арт-колледжи ты подавала документы?

Я замолчала, ожидая, когда она поднимет голову, чтобы посмотреть ей в глаза. Она избегала моего взгляда? По кладбищу пронёсся тёплый ветерок. Нас разделял лишь гроб Айреса, а казалось, словно Большой каньон.

— Ни в какие. Папа запретил мне рисовать после произошедшего. Мама, ты прочитала хоть одно моё письмо? — То, что молило её о встрече, чтобы я, наконец, поняла, что между нами произошло. То, в котором говорилось, как я скучаю. То, что твердило, как мне плохо, ведь за какие-то шесть месяцев я потеряла и её, и Айреса.

— Да, — едва уловимо прошептала она. Затем выпрямилась и заговорила профессиональным голосом куратора галереи: — Перестань менять тему, Эхо. Мы обсуждаем твоё будущее. Твой отец никогда не понимал нашу жажду творить искусство. Уверена, он с радостью воспользовался случаем избавить тебя от всего, что было связано со мной. Молодец, что не послушалась и продолжила рисовать! Хотя, мне бы хотелось, чтобы ты могла постоять за себя и поступить в приличный университет. Можно попробовать пойти на весенний приём. У меня хорошие связи. Я не против написать тебе рекомендацию.

Написать мне рекомендацию? Мой разум превратился в чистый холст, пока я пыталась уловить ход её мысли. Мне не показалось, я же вслух спросила о судебном запрете?

— Я не хочу в арт-колледж.

Лицо мамы покраснело, и в её слова и движения проникло раздражение:

— Эхо, ты не создана для бизнеса. Не позволяй отцу загнать тебя в жизнь, которой ты не хочешь.

Я уже и забыла, как сильно ненавидела их постоянную войну.

Забавно, я всю жизнь пыталась сделать их обоих счастливыми — маму искусством, папу знаниями — но, в итоге, они оба отказались от меня.

— Я хожу на уроки по бизнесу в школе и получила пять по всем предметам.

Она пожала плечами.

— Я готовлю, но это не делает меня шеф-поваром.

— Что?

— Это значит, что ты такая же, как я. — Она посмотрела мне прямо в глаза.

«Нет, не такая», — закричал тоненький голосок в моей голове.

— Я рисую, — сказала я в голос, будто доказывая, что это единственное, что нас связывает.

— Ты художница. Как я. Твой отец никогда меня не понимал, и вряд ли поймёт тебя.

Нет, папа не понимал.

— Дай угадаю, — продолжала она. — Он постоянно давит на тебя. Что бы ты ни делала — этого недостаточно, не по его стандартам. Так и будет продолжаться, пока ты не почувствуешь, что скоро взорвёшься.

— Да, — прошептала я, и моя голова качнулась вправо. Я не помнила её такой. Да, периодически она ругала папу, и всегда хотела, чтобы я выбрала её жизненный путь, а не его, но в этот раз всё было по-другому.

Это личное.

— Я не удивлена. Он был ужасным мужем и стал ужасным отцом.

— Папочка не так уж плох, — буркнула я, внезапно почувствовав желание защитить его и напряжение по поводу женщины напротив. Я не думала, что наша встреча пройдёт легко и непринужденно, но и не представляла, что она будет такой странной. — Что произошло между вами в ту ночь?

Она уронила нить из клевера и снова избежала моего вопроса.

— Я отправилась на лечение. Сначала не по собственному желанию, но вскоре поняла, что произошло, что я сделала... и, э-э... осталась. Доктора и персонал были очень милыми и не судили меня строго. С тех пор я покорно пила лекарства.

В висках запульсировало. Ну, молодец она! Приняла свои таблетки, и мир не перевернулся!

— Я не об этом спрашивала. Расскажи, что со мной случилось.

Мама почесала лоб.

— Твой отец всегда проверял меня перед твоим приездом. Я зависела от него. Оуэн должен был заботиться обо мне, тебе и Айресе, а он всё испортил!

Какого чёрта?

— Какое отношение он имеет к несчастью Айреса?

Она прищурилась.

— Он позволил ему пойти в армию.

— Но Айрес сам того хотел. Ты же знаешь, это была его мечта.

— Твой брат мечтал не об этом. Во всём виновата эта ведьма, на которой женился твой отец, из-за неё у него появилась такая идея! Это она рассказала ему истории о карьере своего отца и братьев. Ей было плевать на то, что он может умереть. Ей плевать на то, что с ним произошло. Я просила его не уходить. Говорила, что его решение сильно меня ранит. Говорила... — она замолчала. — Говорила, что больше никогда не буду с ним общаться, если он поедет в Афганистан. — Её голос сломался, и мне внезапно захотелось уехать, но я не могла двинуться с места.

Мой разум охватило странное спокойствие.

— Это были твои последние слова?

— Это вина твоего отца, — сухо сказала она. — Он привёл её в нашу жизнь, и теперь мой сын мёртв.

На этот раз я заговорила так, будто она ничего не произносила:

— Не «я люблю тебя». Не «увидимся, когда вернёшься домой». Ты сказала, что больше никогда не будешь с ним общаться?

— Эта ведьма осквернила мой дом. Она украла твоего отца.

— Дело не в Эшли, папе или даже Айресе. Дело в нас с тобой. Что, чёрт возьми, ты со мной сделала?!

Колокольчики на соседней могиле зазвенели от ветра.

У нас с мамой были глаза одинакового цвета и формы. Эти тусклые и безжизненные глаза смотрели на меня. Я надеялась, что мои выглядели более счастливыми.

— Он винит меня в той ночи? — спросила она. — Твой отец когда-нибудь рассказывал, как он бросил тебя? Как не отвечал на звонки, когда ты звала помощь?

— Мам. — Я выдержала паузу, пытаюсь подобрать нужные слова. — Я просто хочу, чтобы ты рассказала, что произошло между нами.

— Он тебе не рассказал, не так ли? Ну естественно. Он спихивает всю вину на меня! Ты не понимаешь. Я потеряла Айреса и не могла справиться со своим горем. Я думала, что мне станет легче, если я начну рисовать. — Она оторвала жменю травы.

— Папа ничего на тебя не спихивает. Он частично признал свою ответственность, но я не помню, что с нами произошло. Я упала на закрашенное стекло, и ты лежала со мной, пока я истекала кровью. — Мой голос становился громче с каждым словом. — Я не понимаю. Мы поссорились? Я упала? Ты толкнула меня? Почему ты не вызвала помощь, почему рассказывала сказки, пока я умирала?!

Она снова оторвала траву.

— Это не моя вина. Он должен был это предвидеть. Но таков твой отец. Он никогда не пытался понять. Он хотел милашку-жену и развёлся со мной в ту же секунду, как нашёл её.

— Мама, ты перестала пить лекарства. Папа не имеет к этому никакого отношения. Расскажи, что случилось.

— Нет. — Она упрямо задрала подбородок; мне был хорошо знаком этот жест.

Я дёрнулась.

— Нет?

— Нет. Если ты не помнишь — я ничего не скажу. Я слышала, что он нанял тебе какого-то дорогого терапевта с Гарвардским дипломом. — Её губы изогнулись в горькой ухмылке. — Есть ли что-нибудь, что твой отец не пытается исправить деньгами и контролем?

На долю секунды кладбище напомнило мне шахматную доску, и моя мама походила королевой. Если мы с Айресом были пешками в игре родителей, то когда же она заметит, что я перестала играть?

— Слышала? — повторила я, удивлённая её ответом. — А как же судебный приказ? Откуда ты это услышала?

Она часто заморгала, её лицо побледнело.

— Я хотела знать, как ты поживаешь, и связалась с Оуэном.

Я почувствовала тошноту и горечь на языке.

— Когда?

Она опустила голову.

— В феврале.

— Мам... почему ты мне не перезвонила? Я дала тебе свои номера.

Я замолчала, не в силах сдержать эмоции и вопросы, рвущиеся на волю. *В феврале.* Эти слова буквально пронзили меня. В тот месяц папа без объяснений забрал мой телефон и машину. Он соврал мне, чтобы спрятать от неё.

— Я хотела поговорить с тобой. Ещё в декабре молила, чтобы ты позвонила мне. Зачем ты обратилась к папе? Ты же могла отправиться в тюрьму! Ты что, забыла о судебном приказе?!

— Его нет, — просто сказала она. — Он потерял своё действие через тридцать дней после твоего восемнадцатилетия.

Казалось, будто кто-то врезал мне под дых.

— Что?!

— Таковы были условия приказа, когда судья подписывал его два года назад. Твой отец пытался продлить его до конца школы, но прошло много времени — судья больше не видел во мне угрозы.

Я не могла дышать, моя голова качалась взад-вперёд.

— То есть, ты могла спокойно связаться со мной в феврале, но не стала этого делать?

Она замешкалась.

— Да.

— Почему? — Я была настолько нелюбима? Разве матери не должны хотеть встречи с дочерьми? Особенно когда те просят о помощи?

Не зная, что с собой делать, я встала и обхватила руками своё дрожащее тело.

— Почему?! — закричала я.

— Потому что. — Мама встала и упёрла руки в бока. — Я знала, как ты отреагируешь. Что захочешь знать, что произошло между нами. Я не могу тебе сказать.

— Почему?

— Ты будешь меня винить, а я больше не могу этого вынести. Я не виновата, Эхо, и я не позволю тебе заставить себя так чувствовать.

Ощущение, будто в моё тело врезался грузовик, и плечи согнулись от удара. Какой поразительно эгоистичный ответ!

— Ты не знаешь, как я отреагирую. Я не рада, что ты перестала пить таблетки, но я понимаю, что ты не контролировала свои поступки. Я понимаю, что в ту ночь ты была не в себе.

Она громко вздохнула, и звук эхом разнёсся по одинокому кладбищу.

— Я знаю, как ты отреагируешь, Эхо. Я уже говорила, мы с тобой похожи. Стоит раз нас предать, и мы никогда уже не простим.

Тёмный ил, заполнявший мои вены с момента, как я узнала о роли отца в том злосчастном дне, медленно опустился до живота, замораживая меня изнутри.

— Я не такая.

— Разве? Как поживает та сучка, на которой женился твой отец? Когда-то ты любила её.

Я не похожа на неё. Я не похожа на свою мать.

Я моргнула и уставилась на могилу Айреса, отчасти надеясь, что он докажет её неправоту. Что это значило? Что это говорило обо мне? И Эшли? И об отце?

— Давай не будем о плохом, — сказала мама. — Я два года пила лекарства и не собираюсь от них отказываться. Кроме того, я пришла сюда, чтобы наверстать упущенное, а не перекраивать прошлое. У меня прекрасная работа и шикарные апартаменты. Эхо? Эхо, ты куда?

Я оглянулась на женщину, подарившую мне жизнь. Она ни разу не извинилась передо мной.

— Я еду домой.

50 - Ной

Из фонтана родителей ручейком стекала вода. С площадки за домом доносился детский смех и крики. Фрэнк сказал мне взять отгул. Мне не нужен выходной. Я должен работать. Я нуждаюсь в деньгах. Зачем мне столько свободного времени?

Однажды я привёз сюда Эхо. Чтобы впечатлить или соблазнить, или, возможно, я хотел доказать себе, что заслуживал чьей-то любви. Как знать, учитывая, что это не привело ни к чему хорошему.

Со вторника в моей голове крутился лишь один вопрос.

Как ей помочь? Ответа не было. Зря миссис Колинз расхваливала мои чёртовы способности быстро решать проблемы.

— Ной!

Я повернул голову на звук голоса Джейкоба, и сердце сжалось в груди. Мои глаза округлились, и я встал как раз вовремя, чтобы поймать светловолосую кроху, несущуюся в мои объятия.

— Ной! Ной! Это ты! Это действительно ты!

Обхватив его руками, я быстро осмотрел местность. Джо медленно шёл по улице с засунутыми в карманы руками и сгорбленными плечами. Кэрри держала за руку Тайлера. Он протянул мне вторую руку.

— Ной, — кивнул мужчина.

— Джо.

Джейкоб повернулся к нему, обхватывая меня рукой.

— Ты специально это сделал, верно? — Мальчик радостно посмотрел на меня. — Он постоянно так делает. Говорит нам, что мы идём в магазин, а затем делает приятный сюрприз. Например, покупает мороженое. Только в этот раз мы шли к фонтану, а нашли тебя! — Вера и любовь, исходящая от брата, разбивала мне сердце.

— Не так ли, папа?

Мои мышцы напряглись, и я крепче схватил Джейкоба. *Папа.*

Джо нахмурился.

— Джейкоб, я понятия не имел...

— Что я приеду так рано, — перебил я. Мужчина насторожено на меня посмотрел, но спорить

не стал. Может, если я буду пай-мальчиком, он позволит мне провести с ними пару секунд. — Но у меня мало времени, братишка.

Улыбка сошла с губ Джейкоба.

— Ты знал, что наши родители построили эти дома?

Я моргнул. *Наши родители.*

— Да. Мне тогда было столько же, сколько тебе сейчас. Я помогал папе построить скамейки на крыльце.

Лицо Джейкоба засветилось маминой улыбкой.

— Было круто, наверное.

— Да, было.

Джо позвал к нам Кэрри. На её лице отразилось беспокойство, когда она медленно подошла к нам. Тайлер выскользнул из её хватки, как рыбка, и уткнулся головой мне в ногу.

— Привет, малыш.

Он ответил умопомрачительной улыбочкой. Ни синяков, ни швов.

Просто счастье. Я взъерошил ему волосы.

— Мам, — сказал Джейкоб, — ты знала, что Ной помогал нашим родителям построить здешние дома?

Она выдавила улыбку.

— Правда?

— Да, потому что Ной великолепен!

Она было поникла, но затем снова изобразила добродушие.

— Хочешь с нами поиграть? — спросил брат.

Тайлер обхватил меня руками и встал мне на ноги. Я прочистил горло.

— Мне скоро нужно на работу, да и поесть не помешало бы перед этим. — Хоть у меня сегодня выходной, да и зарабатывал я готовкой еды.

— Поешь с нами, — сказал Тайлер.

Он заговорил со мной. Мой младший брат выпалил свои первые слова мне со дня похорон родителей. Я беспомощно уставился на Кэрри и Джо. Я пытался поступить правильно. Сделать прямо противоположное моим желаниям. Братья рвали моё сердце на мелкие кусочки.

— Заходи к нам в гости на ланч, — пробормотала Кэрри.

Джо успокаивающе погладил её по руке.

— Ты уверена?

Она повернулась к нему.

— Ты был прав, Джо.

— Ной, хочешь зайти к нам в гости и поесть ланч с братьями? — спросил мужчина.

— Да! — Джейкоб поднял кулаки в воздух. — Я покажу тебе свою комнату и велосипед.

Тайлер всё ещё висел на моей ноге.

— Да, сэр!

Я заставил себя проглотить бутерброд с курицей и сыром, чипсы и холодный чай. Мы сидели на задней веранде в доме Кэрри и Джо, и меня безумно это нервировало. Часть меня ждала, когда же появятся копы, и Кэрри укажет на меня со словами, что я нарушил приказ суда. Чтобы прикрыть свой зад, я позвонил миссис Колинз по пути сюда и рассказал ей о ланче. Она трижды напомнила мне, чтобы я следил за языком.

— Пошли, Ной, я покажу тебе свою комнату. — Джейкоб потянул меня за руку, и я оглянулся на его приёмных родителей за разрешением. Джо кивнул.

Это был самый грандиозный дом, в котором я когда-либо бывал. Снаружи он был в викторианском стиле, но внутри царил современность. Гранитные кухонные столешницы, чистые металлические приборы, деревянный пол на первом этаже и фойе размером с подвал Дэйла.

Джейкоб лепетал о школе и баскетболе, пока мы поднимались по огромной лестнице.

— Комната Тайлера напротив моей, а мама с папой живут дальше по коридору. У нас две гостевые спальни. Две! Мама с папой говорят, что если я продолжу работать со своим психологом и продержусь месяц без ночных кошмаров, то смогу пригласить друзей на ночёвку. Не могу дождаться...

Он завёл меня в большую спальню, и я замер в проходе. Будто зашёл в детскую версию ТВ-шоу «Украсть свою комнату». У стены стояла деревянная двухъярусная кровать. Нижняя была полноразмерным матрасом, а верхняя выдвигалась в сторону. У Джейкоба были свой телевизор и игрушки. Они были повсюду.

Мой взгляд зацепился за фотографию на его комод, и у меня перехватило дыхание. Мальчик продолжал болтать, но я отключился от него и взял в руки рамку. Я спешно выпалил следующие слова, надеясь, что мой голос не сломается:

— Ты знаешь, кто это?

Джейкоб посмотрел на фотографию и вернулся к лего на полу.

— Да. Это наши мама с папой. — Он сказал это так непринуждённо, словно их фотография была у всех.

Я сел на кровать и пробежался дрожащими пальцами по лицу. Мои мама с папой. Это была грёбаная фотография моих родителей и они выглядели... счастливо. Я сделал глубокий вдох, но он прозвучал как всхлип.

— Джейкоб? — позвала Кэрри. — Десерт на столе.

Тот быстро поднялся, но затем замешкался.

— Ты идёшь?

Я часто заморгал.

— Да, через секунду. — Мой взгляд не отрывался от картинки.

Братец поспешил за дверь, и я изо всех сил попытался подавить нарастающее в груди давление. Мужчины не плачут. Чёрт. Мужчины не плачут. Я вытер глаза. Как же я скучаю по родителям...

— Ты в порядке?

Я резко поднял голову; не знал, что Кэрри осталась в комнате.

— Да. Простите. — Я указал на рамку, прежде чем отложить её обратно на тумбу. — Где вы её достали?

— Джо связался с «Жильем для людей» и попросил фотографию твоих родителей. Мы считали, это важно, чтобы они оставались частью жизни мальчиков.

Я снова глубоко вздохнул и повернулся к ней.

— Но не я.

Кэрри мгновенно опустила голову.

— Пожалуйста, не забирай у меня мальчиков. Они — моя жизнь и... я не смогу без них.

Джо зашёл в спальню и положил руку ей на талию.

— Кэрри.

Она выглядела, как листочек в чёртовом торнадо.

— Мы обеспечиваем их всем, чего душа попросит. Клянусь, они счастливы здесь, и я люблю их. Так сильно, что сердцу больно.

Я пытался найти в себе злость, двигающую мной последние пару месяцев, но почувствовал лишь недоумение.

— Они мои братья, а вы отобрали их у меня. Чего вы ещё ждали?

Кэрри начала всхлипать. Джо прижал её к груди и погладил по спине.

— Мы боялись, что они предпочтут тебя нам. Что мы потеряем их. Но угроза никуда не ушла.

— Мужчина что-то прошептал жене на ухо. Она кивнула и вышла из комнаты. Он почесал

затылок. — Спасибо, что помог Джейкобу. Ты изменил всю нашу семью.

Семью. Почему бы ему сразу не вскрыть меня бритвой?

— У вас очень интересный способ выражать свою благодарность.

— И мы были неправы насчёт этого. — Джо присел у лего на полу и начал рассеянно убирать его в коробку. — Кэрри всегда мечтала о детях. Мы годами пытались завести своих, но её здоровье не позволяло. Она делала операцию, чтобы исправить это, но результатом были лишь шрамы.

К сожалению, я много знал о шрамах.

— Когда она смирилась с фактом, что у нас никогда не будет своих детей, мы решили взять приёмных. Друзья познакомили нас с Кишей, и она убедила нас обратиться к службе опеки. Мы посещали семинары, но никогда всерьёз не планировали сделать это, пока не встретили твоих братьев. Несмотря на всё, что мы узнали, Кэрри тут же полюбила их.

Он продолжал убирать кусочки лего один за другим.

— После нескольких месяцев, мы решились взять их к себе. Нам нужно было доказать суду, что никто не имел на них родительских прав. Мы думали, это будет легко, но оказалось, что у твоей мамы есть живые родственники.

Я прищурился.

— Мама с папой были единственными детьми в семье. Её родители умерли на её первом курсе. Бабушка и дедушка умерли с разницей в шесть месяцев, когда мне было десять.

— Вообще-то, твоя бабушка по маминной линии всё ещё жива, как и её братья и сестры. Твоя мама сбежала из дома, чтобы поступить в колледж. Судя по тому, что мы нашли, у твоей мамы было... нелёгкое детство.

Я окончательно запутался, мой мир переворачивался с ног на голову...

— Зачем вы мне это рассказываете? — И почему не рассказала мама?

Джо пожал плечами.

— На случай, если ты хочешь знать, что у тебя всё ещё есть живые родичи. И чтобы ты понял, мы потратили два года, борясь за то, чтобы уберечь твоих братьев от места, откуда сбежала ваша мама. Мы выиграли, но вскоре началась борьба посложнее... с тобой.

Только я подумал, что моя жизнь не может стать ещё хреновей, как Джо нашел способ это сделать. Он стоял и изучал меня — как Исайя, когда решал, стоит ли закурить ещё один косяк.

— Мы ошибались, обращаясь с тобой подобным образом и препятствуя твоему общению с братьями. В свою защиту могу сказать, что как раз когда мы взяли мальчиков к себе, ты избил своего приёмного отца. Система повесила на тебя ярлык эмоционально нестабильного, и мы беспокоились, как ты повлияешь на детей, особенно узнав, что ты не задерживался надолго ни в одной семье. Поначалу мы держали их вдали от тебя, чтобы защитить.

— А когда система поняла, что проблема не во мне?

— Тогда мы испугались тебя. — Он посмотрел на меня и продолжил: — Когда ты объявил о своих планах взять их под опеку, я попросил знакомых накопать на тебя информацию, чтобы использовать её в суде.

Джо подошел ближе к кровати и оперся рукой на деревянную балку.

— То, что ты сделал, чтобы помочь детям в предыдущих приёмных домах, было хорошим поступком, а то, что произошло с тобой — недопустимо. Ной, мы с женой были неправы насчёт тебя, но не знали, как закончить начатое, не испортив шансы на сохранение мальчиков.

Мой разум опустел. Последние пару лет мы с Джо грызли друг другу глотки, а теперь, из-за одной случайной встречи, он поднимал белый флаг? Мужчина почесал голову, явно чувствуя те же сомнения, что и я.

— Как я вижу, у тебя три варианта. Ты можешь уйти из этого дома и продолжить бороться за братьев, возможно, выиграть, забирая их от друзей, школы, дома и от нас. Ты можешь бороться и проиграть, и в итоге видеться с ними по расписанию, данным судом, если он вообще тебе это позволит. Или ты можешь отозвать своё заявление. Позволить нам оставить их и растить, как собственных. В этом случае, ты станешь частью нашей семьи. Сможешь приходить к ним в любое время. Звонить, гулять, ходить с ними в школу и на баскетбол. Чёрт, да можешь даже приходить на ужин раз в неделю!

— Почему? — спросил я.

Он удивлённо заморгал.

— Что почему?

— Почему вы делаете мне такое предложение? — Они так долго ненавидели меня. С чего вдруг такая щедрость?

— Потому что они любят тебя, Ной, а мы любим их. Я не хочу через десять лет объяснять своим сыновьям, что я боялся и был слишком горд, чтобы позволить им видеться с единственным кровным родственником, кто заботился о них.

— Я вам не верю. — Все взрослые лгут.

Джо посмотрел мне прямо в глаза.

— Я попрошу своего юриста составить письменное соглашение.

Я достаточно услышал, теперь мне нужен был воздух. Джо дал мне слишком много информации, издеваясь над моим разумом. Я протолкнулся мимо него, чтобы найти братьев. Кэрри пряталась в коридоре, прижимая к груди плюшевого мишку. Годами я видел её мерзкой стервой, забравшей моих братьев. Благодаря маленькой речи Джо, это изменилось. Я видел сломленную женщину, которая не могла исполнить мечту из-за меня.

Да, я многое знал о шрамах. Проблема в том, что, если я помогу им, то углублю свои.

51 - Эхо

Я хлопнула дверью машины и побежала по тёмному двору.

Слава Богу, Исая оказался под капотом машины Айреса.

— Прости, что опоздала. У меня были дела... — Я встретила маму, и отец взбесится, если узнает об этом, — ...и я увлеклась... — Она предпочла, чтобы я годами страдала от кошмаров, так как боялась, что я плохо о ней подумаю, а затем назвала меня бессердечной, неумолимой сукой, — ... потеряв счёт времени.

Я ездила по округе, пытаюсь убедить себя, что она неправа.

Исайя выглянул из-под капота и безумно улыбнулся.

— Всё нормально. Твой отец сказал, что я могу приступать к работе.

Ладно. Немного не в его стиле — пускать татуированных парней с пирсингом в наш гараж, но, возможно, он был слишком занят Эшли. Дверь в кухню закрылась, и Бет зашла в гараж с банкой диетической колы.

— У тебя в доме одна диетическая херня. И фрукты. Много грёбанных фруктов. Вы что, не храните замороженную пиццу?

— Эшли не любит консерванты. — Что я несла? — Что ты делала в моем доме? — Я оглянулась, и сердце ухнуло. — Где Ной? — Мой медленный мозг наконец подметил, что папиной машины нет на месте. — Где папа?

Бет уставилась на меня пустыми глазами, затем вышла из своего транса.

Мило, она под кайфом.

— Ах да, у твоей мачехи начались схватки. По-моему, отец просил тебе это передать. — Она прищурилась. — Что-то ещё, Исайя?

— Чёрт, я не знаю. Это ты должна была слушать, — пробормотал он из-под машины.

Бет захихикала.

— Точно. — Тут она замолкла. — Ух ты. А когда наступила ночь?

Моё сердце затрепетало в груди.

— У Эшли схватки? Не может быть. У неё ещё... — Не знаю, сколько-то там недель. Чёрт, почему я никогда не обращала на это внимание? Папа, наверное, с ума сходит. — Полно времени. Малыш ещё не готов.

Бет склонила голову.

— А у малышей есть свой таймер? — Её улыбка стала шире. — Им он не помешает.

Исайя закрыл капот с лихорадочными глазами.

— Мне нужны ключи.

Меня переключило. О. Мой. Бог. Он никогда раньше не просил ключи. Я бездумно ткнула пальцем в сторону крючка на лавке, и еле выдавила из себя:

— Т-там...

Он взял их и сел на водительское место. Клянусь, мир замедлился, когда он поставил ногу на педаль газа и вставил ключи в зажигание.

Я представила Айреса. Его коричневые волосы, длинные ноги и не сходящую с лица улыбку. «Когда-нибудь она поедет, Эхо. Слышишь, как урчит двигатель?»

Слёзы обжигали мне глаза, и я подавила всхлип. «Да, Айрес. Она поедет. Это всё ради тебя». Как бы я хотела, чтобы он был здесь.

Исайя повернул ключи, и гараж наполнился сладким звуком грохочущего двигателя. Он вжал педаль газа и закричал, когда машина пришла к жизни.

— О да, детка, об этом я и говорил, чёрт возьми!

Он вышел из машины и развёл руки в стороны.

— Я куплю себе медаль за это.

Я с радостью бросилась в его объятия и поцеловала в щёку.

— Спасибо, спасибо, спасибо!

Я отпустила Исайю, села на тёплое кожаное сидение и вцепилась в вибрирующий руль. Парень закрыл дверь, и я чуть проехала вперёд.

А затем всё внутри меня заledenело. Я вжала тормоз. Дыра в моём сердце, которую должна была заполнить радость от машины... выросла.

— Исайя, где Ной?

52 - Эхо

Руки Кэрри сомкнулись на моей шее, и на секунду я понадеялся, что она меня задушит. Смерть — вариант лучше, чем это. Я сглотнул, но комок в горле никуда не делся. Мышцы моего лица напряглись, и я втянул воздух, надеясь избавиться от своего отчаяния.

— Я хочу сперва поговорить с миссис Колинз, — выдавил я. — Я ещё не передумал.

Чёрт возьми. Почему же всё так болит? Каждая часть моего тела зудела от боли; я чувствовал, что либо умру, либо взорвусь.

— Благослови тебя Господь, Ной, — прошептала женщина мне на ухо.

Я хотел семью. Я хотел грёбаную семью, а у Джейкоба и Тайлера уже была своя.

Она шмыгнула носом и отпустила меня, но её улыбка освещала комнату, как тысяча звёзд. — Я знаю, что ты примешь правильное решение о мальчиках. Просто знаю.

Их жизнь была нормальной. И я в неё не вписывался.

Кэрри ждала ответа, но я не смог бы его придумать даже под угрозой смерти. Джо положил руку мне на плечо, спасая от неловкости.

— Миссис Колинз скоро приедет.

Тут зазвонил звонок, прямо как в дурацких телесериалах, и Кэрри провела миссис Колинз на кухню. На ней были спортивки, заляпанные краской, и футболка «Нирвана». Джо что-то пробормотал о том, чтобы оставить нас наедине.

Рядом заработала посудомоечная машина. Ритмичное биеие воды об тарелки эхом отдалось по комнате. Миссис Колинз постучала ногтём по чёрной гранитной столешнице. Я посмотрел на её лицо, ожидая увидеть злость из-за того, что я втянул её в это. Вместо этого, боль в её щенячьих глазах взорвала во мне грёбанную дамбу эмоций, которые я так отчаянно пытался подавить.

Мои глаза накрыла пелена, и я закрыл их, качая головой, чтобы слезы не скатились по щекам. Я не хотел чувствовать боль. Я вообще не хотел что-то чувствовать, но эта ситуация меня убивала.

— Поговори со мной, Ной, — сказала она самым серьёзным тоном, который я когда-либо от неё слышал.

Я осмотрел кухню и повернулся к ней.

— Я не могу им это дать.

— Нет, — тихо ответила она. — Не можешь.

— А также обеспечить тренировки по баскетболу и лицей, который они так любят, и подарки на все вечеринки в честь дня рождения, на которые их приглашают.

— Нет, — повторила она.

— И у них есть бабушка с дедушкой. — Я не узнавал хрипотцу в собственном голосе. — Джейкоб постоянно болтал о родителях Джо, а Тайлер ходит на рыбалку с папой Кэрри каждую среду, пока реки не замерзли. Я не могу им это дать.

— Ты прав.

— Я люблю их, — решительно сказал я.

— Я знаю. — Её голос дрогнул. — В этом я никогда не сомневалась.

— Я также люблю Эхо. — Я посмотрел прямо в глаза женщине. — Я скучаю по ней.

Она пожала плечами и грустно улыбнулась.

— Это нормально, любить кого-то помимо братьев, Ной. Ты не предаёшь их или родителей, живя своей жизнью.

И тут это случилось. Я годами сдерживал свою печаль, и она наконец прорвалась. Вся моя злость, грусть и боль всплыли на поверхность, несмотря на мои старания подавить их и больше никогда не испытывать.

— Я скучаю по маме с папой. — Я не мог вдохнуть. — Я просто хочу вернуть свою семью.

Миссис Колинз вытерла глаза и подошла ко мне.

— Я знаю, — повторила она и обняла меня.

— Ещё раз спасибо, Ной. — Джо пожал мне руку раз так в пятидесятый после того, как я сказал ему и Кэрри, что больше не буду добиваться опеки над мальчиками. — Обещаю, ты сможешь видеться с ними, когда захочешь.

Я кивнул и оглянулся через плечо. Миссис Колинз и Кэрри стояли у лестницы в конце коридора на втором этаже.

Женщина ободряюще улыбнулась, и я сделал глубокий вдох.

Джо открыл дверь в спальню Джейкоба.

— Мальчики, Ной хотел бы поговорить с вами.

— Ной! — Джейкоб, одетый в пижаму с бэтменом, побежал через комнату и врезался в меня. — Ты всё ещё здесь!

— Да, — сказал Джо. — И отныне он будет у нас частым гостем.

Мальчик посмотрел на него радостными глазами.

— Ты серьёзно?

— Клянусь. — Мужчина похлопал меня по плечу. — Я дам вам время поговорить.

И он ушёл, закрывая за собой дверь.

Я уже два года не оставался с братьями наедине. Схватившись за Джейка, я посмотрел на фотографию родителей. Они не вернутся и прошлое не восстановит, но я могу двигаться дальше.

Я сел на пол, и моё сердце дрогнуло, когда Тайлер подвинулся и вложил свою маленькую ручку в мою.

В его кулачке было зажато одеяло, и он грыз большой палец.

Джейкоб прижался ко мне с другого бока.

— Папа никогда не клянётся, если это не всерьёз, Ной. Он говорит, что ложь — это большой грех.

Я кивнул.

— Так и есть. Наша мама тоже так говорила. — Я прочистил горло и начал самую трудную беседу в своей жизни. — Несколько лет назад я дал вам обещание. В то время я планировал его сдержать, но теперь не думаю, что это лучшее решение для любого из нас.

Я посмотрел на Тайлера. Он был слишком молод, чтобы помнить мамин смех или как папа пытался танцевать с ней, пока она мыла посуду. Слишком молод, чтобы помнить папины фотографии планировок, как он объяснял своим сыновьям, как правильно вбивать гвоздь молотком, хотя им ещё и десяти не было.

И Джейкоб. Достаточно взрослый, чтобы помнить, но слишком молод, чтобы понимать, что он потерял. Он никогда не познает гордость от хождения с мамой по школе в родительский день. Он никогда не познает всплеск радости, когда папа говорит ему, что у него талант, вручая первый инструмент.

Они никогда не узнают, что потеряли двух самых замечательных людей на планете. Никогда не узнают, что боль от их потери рвёт меня на части каждый день моей жизни.

Я сделал глубокий вдох и попытался снова начать разговор:

— Как вы отнесётесь к тому, что будете жить здесь, а я буду просто вас навещать?

Миссис Колинз проехала мимо знака «стоп» в конце улицы, на которой жили братья. Я сидел в своей машине в одиночестве.

Эхо.

Я позволил ей уйти, и не из-за опеки над мальчиками. Миссис Колинз была права. В глубине души я думал, что любовь к ней равносильна предательству.

Но я любил Эхо. Нуждался в ней. И я завоюю её вновь.

Я завёл машину, и двигатель пришёл к жизни. Приёмная опека многому меня научила — я просто не знал, что делать со всей этой информацией.

53 - Ной

— Где-где он?! — взвизгнула я. Я выключила двигатель и вылетела из машины. Мир сошёл с ума. Сперва у Эшли начались схватки. Затем Ной доказал, что он безумец.

— Бет, чёрт возьми! Я же просил тебя не курить это дерьмо. Ной разозлится. — Исаяя провёл рукой по своим коротким волосам. В кои веки я была рада, что Бет обкурилась до отключения мозгов.

— И чего он добьётся, по его мнению? — спросила я. — Он уже всё знает о своих братьях. Он обещал, что не будет нарушать закон! Пробираться в кабинет миссис Колинз незаконно!

Исаяя хлопнул в ладоши.

— Давай-ка прокатимся на этой красавице.

Он что, голову потерял?!

— Твой лучший друг... твой брат собирается пробраться в школу и взломать кабинет психолога, а ты хочешь покататься?

Парень потер руки в напускном веселье, но в его глаза проникло раздражение.

— Да.

— Нет. — Я помахала руками в воздухе. — Нет. Мы должны остановить его.

Его не должны поймать, или он потеряет братьев. Господи, вот упрямый идиот! Чего он хочет добиться?

— Он хочет вернуть тебя, — пробормотала Бет.

Я была бы менее удивлена, если бы в чистом небе сверкнули молнии и сожгли мои теннисные туфли.

— Что, прости?

Бет села на пол и положила голову на лавочку; её глаза затрепетали от усталости.

— Он влюблён в тебя и хочет, чтобы ты была его единственной. Ещё он нес какую-то пургу о том, что ты не на втором месте и он докажет свою правоту.

День-день-день. Ной хотел достать мою папку и вернуть меня. Моё сердце сжалось от тепла и радости, а затем ухнуло от холода.

Нет, он не мог рисковать всем ради меня — не когда это может стоить ему братьев. Я повернулась к Исайе.

— Мы должны его остановить. Когда он уехал?

— Он хотел дождаться темноты. Ной вернулся домой сам не свой. Я думал, что вы поссорились. Он всё время бормотал о том, как всё испортил и собирается это исправить. Затем попросил меня приехать, починить машину и задержать тебя здесь до его приезда.

— Почему ты его не остановил? — Я вытащила ключи из кармана.

— Ноя не остановить.

Это мы посмотрим.

Исайя оставил машину на парковке супермаркета напротив школы и выключил двигатель. Я пыталась дозвониться Ною, но меня в миллионный раз перевели на голосовую почту.

— Почему ты не припарковался у школы? — спросила я.

Он посмотрел на меня, как на идиотку.

— Полиция патрулирует школу каждые два часа. Они поймут, что что-то не так, если увидят машину.

Естественно, Ной тоже припарковался у супермаркета.

— Ты делал это прежде?

— Только ради игры в баскетбол, но я никогда не вламывался в кабинет.

Я сжала дверную ручку и посмотрела на Бет, заснувшую на заднем сидении.

— С ней всё нормально?

— С ней да, с её головой — нет. — Он потянул за серёжку. — Я не могу оставить её в таком состоянии. Если она проснётся, то может поднять шумиху. Скорее всего, Ной вошёл через боковую дверь — она ближе всего к главному офису. Он должен был подложить что-то под неё, чтобы не оказаться взаперти. Смотри, не закройся там. Просто заведи его; поругаться вы сможете позже.

— Спасибо.

Я перебежала улицу, надеясь, что мои лёгкие не взорвутся. Господи, я вламывалась в школу, чтобы спасти своего глупого, упрямого, чертовски милого — парня? Бывшего? Нынешнего? — от тюрьмы.

Как Исая и сказал, Ной оставил боковую дверь открытой. Я скользнула внутрь, стараясь даже не дотрагиваться до неё. Миссис Колинз обрадовалась бы, найдя нас запертыми в её кабинете.

Меня посетило жутковатое ощущение, когда над головой начали вспыхивать лампочки при каждом моём шаге. Сердце взметнулось ввысь и бешено застучало.

Я постоянно оглядывалась, ожидая, что кто-то накинется сзади и выпьет мою кровь или отвезёт в тюрьму.

Поначалу я пряталась за шкафчиками, но вскоре поняла, как же это глупо. Свет уже включён и выключится, как только датчики перестанут реагировать на движение. Прятаться нет смысла — я побежала.

Слава Богу, свет в кабинетах включался с помощью выключателя. С меня хватит сенсоров. Проблема? Дверь в кабинет миссис Колинз была закрыта, и свет из-под неё не проникал. Неужели Ной уже ушёл?

В коридоре потемнело, но секундой позже свет вернулся. Ну и как тут не струсить? Я схватилась за ручку и чуть не закричала, когда дверь открылась. Я максимально тихо ее закрыла и попятилась, надеясь и молясь, чтобы в офисе был либо Ной, либо чтобы меня не нашли.

Желание вскрикнуть пронзило меня с ног до головы, когда что-то тёплое и сильное оказалось у меня за спиной и дернуло в шкафчик для верхней одежды. Его дверцы закрылись у меня перед глазами.

— Что ты здесь делаешь? — прошипел Ной мне на ухо.

— Могу спросить тебя о том же! Я здесь, чтобы спасти твою задницу от тюрьмы и потери братьев из-за какой-то глупости! — яростно зашептала я в ответ.

Из главного офиса донеслись шаги. Я сжала руку Ноя, обхватившую меня за талию, и он подвинул меня ближе.

— Боковая дверь? — едва слышно спросил он.

Я кивнула. Если охранник найдёт её открытой, то поймёт, что кто-то ворвался в здание. Я

потянулась в карман и достала телефон, яростно печатая сообщение Исайте: «Срочно закрой боковую дверь!»

Секундой позже он ответил: «Сделано».

Ной опустил голову, и его нос задел нежную кожу за моим ухом, которая зазудела от тёплого дыхания. Я скучала по нему и его касаниям. Почему ему нужно было делать что-то столь глупое?

Я не достойна того, чтобы терять из-за меня братьев. Если Ноя поймают, то арестуют. Мой живот ухнул вниз. А что мне терять? Я — второсортный художник, скитающийся по стране со своими холстами.

Ну, подумаешь, будет у меня судимость (все мои мышцы напряглись), и мне придётся отсидеть минимум одну ночь в тюрьме (горло обожгла желчь).

Да, просто замечательная перспектива.

Руки Ноя крепче сжались вокруг меня и, клянусь, он поцеловал мои волосы. Я могла пойти на это... ради него. Я могу сдать и приказать Ною спрятаться. Я уж было потянулась рукой к дверцам, как Ной хлопнул по ней и мёртвой хваткой прижал меня к животу.

— Что, чёрт возьми, ты творишь? — спросил он низким голосом.

— Хотела посмотреть, можно ли выходить... — Господи, какая из меня ужасная лгунья!

— Вот уж нет, и не выдумывай чепуху. Ты останешься здесь со мной.

— Твои братья...

— Я отказался от них.

Я подвинулась, чтобы посмотреть на него, и ахнула от боли в его глазах.

— Но не ради меня?

Он сглотнул и покачал головой.

— Ради них.

У меня завибрировал телефон. Исая написал: «Всё плохо. Сейчас же выбирайтесь через окно. Машина готова».

— Чёрт! — прошептал Ной. — Должно быть, сигнализация сработала. Пошли.

Он бесшумно открыл дверцы шкафа. Затем методично и плавно распахнул окна. Машина Исая осторожно въехала на школьную парковку; его фары были выключены.

Ной поднял одну из моих ног, чтобы помочь перекинуть её через окно.

— Беги, пока не доберёшься до машины.

— А как же ты? — Мои внутренности задрожали в панике. Казалось, что у меня сейчас глаза вывалятся из глазниц.

Он спокойно и озорно ухмыльнулся.

— Я прямо за тобой, малышка. Ты так напряжена...

Он подсадил меня, не упустив возможность полапать мой зад, и тут я заметила открытую папку на столе миссис Колинз. Ну и чёрт с ней. Я спешно прыгнула с окна и рванула через парковку к Исайе, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть Ноя, согнувшегося у стены. Кровь яростно потекла по моим венам, и прохладный ночной воздух обжёг легкие, пока я бежала к свободе.

Задняя пассажирская дверь открылась, и я нырнула внутрь, приземляясь на ноги Бет. Я захлопнула дверь за собой. Мой желудок скрутило от вида Ноя, бегущего на максимальной скорости к нам. В главном офисе вспыхнул свет. Исайя подъехал ближе к парню.

Я переводила взгляд с него на тёмный кабинет миссис Колинз.

Исайя распахнул переднюю пассажирскую дверь и сорвался с места в ту же секунду, как Ной приземлился на сидение.

— Нужно убираться отсюда. — Он посмотрел в зеркало заднего вида.

— Отвези меня к машине, затем отправляйся домой. — Ной наблюдал за тёмными закрытыми окнами кабинета. Он захохотал и радостно завопил; свет включился в тот момент, как мы пересекли невидимую границу свободы — то есть подъехали к продуктовому.

Исайя остановился у машины Ноя, и мы вышли.

Бет всё так же спала на заднем сидении.

— Ссорьтесь где-то в другом месте. Не задерживайтесь здесь, — крикнул нам Исайя.

— Спасибо, брат. — Ной протянул ему руку.

Тот пожал её и ответил:

— Всегда к твоим услугам, дружище. — Он отъехал, а Ной завел машину и последовал за ним.

В двух кварталах от школы мимо нас проехала полицейская машина с мигалками и без sireны. Это было близко...

Ной взял меня за руку.

— Солнышко, ты в порядке?

— Да. — Но я не чувствовала себя в порядке. Как раз наоборот. Я ждала, когда мой пульс перестанет так лихорадочно биться, когда кровь сойдёт с лица, когда лёгкие перестанут гореть при вдохах.

Теперь мы в безопасности. Мы на свободе, но моё тело продолжало реагировать, будто дьявол гнался за мной по пятам.

Мимо проехала ещё одна полицейская машина, и от её сине-красных огней заболели глаза. Медленный и ровный ритм в висках копировал синий огонёк — то далеко, то близко, далеко, близко.

Левая часть лица онемела, а голова стала легче перышка.

— Ной, по-моему, меня сейчас стошнит.

— Держись. — Он свернул на заброшенную парковку. Парень едва успел припарковаться, как я распахнула дверь и вышла на подгибающихся ногах, избавляясь от остатков давно съеденного ланча.

Ной убрал мои волосы с лица, его тело тряслось от еле сдерживаемого смеха.

— Серьезно, ты слишком уж напряжена.

Часть меня хотела рассмеяться вместе с ним, но я не могла. Я села на колени и уставилась в тёмную ночь. В моей голове всё ещё сверкали мигалки. Красная и синяя. Ближе и дальше. Ближе и дальше.

А затем... мрак. Ни света. Ни звука. Лишь темнота...

Вдруг перед глазами быстро замелькали яркие, красочные образы, вбиваясь в меня, как пули из пулемета. Голова наклонилась вперёд, и я прикрыла её руками, чтобы отделиться от мира.

Мой разум цеплялся за изображения, пытаюсь их рассортировать, классифицировать, но не мог — и эта потеря контроля, эта бомбардировка вызвала острую, мучительную боль, пронзающую мозг. Его рвали на части голоса, звуки и громкие крики.

Я поняла, что кричу, и услышала спешную речь Ноя. Но звук разбивающегося стекла и мои собственные крики заглушили его.

— Что случилось? — Мужчина с небольшим фонариком в руке навис надо мной. Сзади вспыхнули красные огни, а в небе засветилось созвездие. Мамин голос нащёптывал мне, уговаривая вернуться к её истории.

— Нет! — Я боролась, чтобы не упасть вновь в эту яму, обратно на её пол... сдержать собственную кровь. — Ной!

Я услышала его хриплый голос:

— Я прямо здесь, солнце.

Мужчина отвёл фонарик. На его шее висел стетоскоп.

— Вы принимали сегодня наркотики? Пили?

Ярость в голосе парня отдавала горечью даже в моём рту:

— Послушай, ты, чёртов придурок, в пятый раз повторяю, она ничего не принимала!

Он проигнорировал его и потрогал мою шею.

— Порошок? Метамфетамин? Какие-нибудь таблетки?

«Тебе запрещено пить снотворное», — отозвался с задворков памяти мой голос. Нет. Нет. Господи, нет. Сила притяжения оттолкнула меня на землю, и мой разум поглотил сам себя, выбивая реальность из моей хватки.

— Ты страдаешь от депрессии. — Я потрясла пустой бутылочкой из-под таблеток и поплелась из маминой ванной, останавливаясь, когда моё колено ударилось об закрашенное оконное стекло, сохшее между двумя стульями.

Она сидела на диване со стаканом холодного чая в одной руке и фотографией Айреса в другой. Методично пила. Её взгляд метался от моего пустого стакана на кофейном столике.

Её дикие рыжие волосы выбились из заколки.

— Я знаю.

Я покачнулась вбок, и весь мир накренился.

— Что ты наделала? — Она ещё раз глотнула чай. Всё во мне стало тяжелым, как сталь. — Что ты сделала со мной?

— Не волнуйся, Эхо. Скоро мы будем с Айресом. Ты сказала, что скучаешь и пойдёшь на всё, чтобы увидеть его вновь. Так вот, я тоже.

Комната перевернулась влево. Я пыталась держаться ровно и потянулась вправо, но, несмотря на все усилия, всё равно упала на пол.

Мой мир рухнул. Я открыла глаза и смотрела, как душ из красного и синего осыпается за мной на пол. Сквозь боль пробивалась одна мимолетная мысль... я любила это крашеное окно.

Кровь.

Кровь текла из вскрытых вен на моих руках. Она пропитала одежду и испачкала кожу. Сформировала лужу у моего локтя, и её небольшой ручеек потёк в сторону мамы, лежащей рядом со мной.

— У меня кровь идёт!

Сильная рука схватила меня за плечо. В поле зрения появился Ной.

— Не идёт.

За ним вспыхнул белый свет и гудящие в такт моему сердцу звуки. Он говорил с непоколебимой решимостью:

— Сосредоточься, Эхо! Посмотри на свои руки! — Он поднял их вверх. О мою кожу терлись прозрачные трубки.

Я ожидала увидеть кровь, но её не было. Лишь белые шрамы.

— Ной? — я ахнула, пытаюсь услышать его сквозь крики в голове.

— Я с тобой. Клянусь Богом, я с тобой, — сказал он. — Остайся со мной, Эхо.

Я хотела. Я хотела остаться с ним, но вопли, крики и шум от разбивающегося стекла становились громче.

— Пусть это прекратится.

Он крепче схватил меня.

— Борись, Эхо! Ты должна бороться. Давай же, малышка. Ты в безопасности.

Ной качался и крутился перед моими глазами. Меня пронзила боль, и я снова закричала. Медсестра достала осколок из моей руки. Папа вытер слёзы с моих глаз и целовал в лоб.

Кровь пропитала его белую рубашку и испачкала лицо.

— Тише, милая, не плачь, теперь ты в безопасности. Ты в безопасности.

— Ты в безопасности, Эхо. — Ной погладил шрамы на моей руке.

— Она больше не сможет тебе навредить. — Папа поднял мою перевязанную руку, слёзы стекали по его лицу.

— Засыпай, — ворковала мама, лёжа на полу рядом со мной, лужа моей крови постепенно подкрадывалась к ней.

Папа поднял меня на руки и обнял, лежа на больничной койке.

— Я прогоню твои кошмары. Обещаю. Пожалуйста, засыпай. — И крики прекратились, а я часто задышала, глядя на тихую больничную палату.

Женщина в голубом халате закончила вливать что-то в капельницу и скромно улыбку мне, прежде чем уйти.

Мои веки отяжелели, но я продолжала бороться.

— Засыпай, малышка. — Голос Ноя был как бальзам на душу.

Я сглотнула и с трудом повернула голову на звук.

— Она накачала меня таблетками.

Он грустно улыбнулся и сжал мою руку.

— С возвращением.

Мои слова сливались воедино.

— Она подсыпала мне всё своё снотворное в чай, а я не знала.

Его губы прижались к моей ладони.

— Тебе нужно отдохнуть.

Мои глаза заблестели.

— Я хочу проснуться.

— Спи, Эхо. Я буду рядом и, клянусь, я никому не позволю снова тебе навредить.

54 - Эхо

— Всё ещё здесь, Ной? — Миссис Колинз прошла в больничную палату Эхо. — Мистер Эмерсон сказал, это ты её привёз.

Я провёл рукой по волосам в попытке проснуться.

Эхо проспала всю ночь. Большую часть времени я наблюдал за ней, держал её за руку и иногда дремал на стуле.

— Да.

Светлые волосы женщины были убраны в хвостик. На ней были синие джинсы и футболка группы «Грейтфул дэд». Подтащив стул к другой части койки, она взяла Эхо за руку.

— Её отец приходил?

— Он пробыл здесь пару часов прошлой ночью, но её уже усыпили к моменту, когда он появился. Он поговорил с врачом и пошёл помогать Эшли кормить ребёнка.

— Что сказал доктор?

— Что узнает, дал ли трещину её разум, когда она проснётся.

Она саркастично хмыкнула.

— Так и сказал?

— Нет, это уже мои слова. — Я погладил Эхо пальцем по руке. Сейчас она спала без снотворного. Ей ничего не давали, чтобы успокоить или помочь заснуть. Оставалось только ждать. — Думаете, она будет в порядке?

Мисси Колинз изогнула бровь.

— Я удивлена, что ты спросил. Тебе ли не знать, какой она боец.

Я отклонился на спинку стула. Было приятно слышать подобные слова. Но после того, как я стал свидетелем её борьбы за здравомыслие прошлой ночью... Сколько может выдержать человеческий разум?

— Ты знаешь, что она вчера виделась с мамой? — спросила миссис Колинз.

Мои мышцы снова напряглись.

— Что?

— Ага. Она тоже меня удивила. Я не знала, что Эхо найдёт себе в силы противостоять отцу. Видимо, ты на неё повлиял больше, чем я думала. Она ездила по разным галереям, чтобы найти мать. Оставляла везде письма, пока та, наконец, не согласилась на встречу.

— Откуда вы это знаете?

— Судя по всему, встреча прошла неудачно, и её мама позвонила Оуэну и попросила найти Эхо.

Чёрт. Просто великолепно. А она поехала спасать меня. Эхо хотела знать, что с ней случилось,

но боялась вспомнить.

Я никогда её полностью не понимал. Должно быть, вчерашний день вызвал у неё слишком много эмоций — встреча с мамой, починка машины Айреса, незаконный визит в школу. Я переплёл наши пальцы. «Клянусь, Эхо, я всегда буду о тебе заботиться».

— Ты и вправду не знал?

— Понятия не имел. — Я обдумал её слова. — Мистер Эмерсон не пошёл на её поиски, не так ли?

Миссис Колинз поправила одеяло Эхо.

— У Эшли начались схватки после звонка. Малыш родился раньше времени. — Снова она была на втором месте. И так всю жизнь. У Эхо была тенденция заставлять меня чувствовать себя козлом в сравнении с ней, и сегодня было не исключением. Она бросила меня, чтобы я мог завести семью, оставляя её... в одиночестве. Как я мог позволить ей уйти?

— Я горжусь тобой, Ной.

Последние двадцать четыре часа были настоящим кошмаром. Я потерял братьев. Эхо чуть не потеряла разум.

— Почему люди гордятся мной в тот момент, когда моя жизнь — отстой?

— Быть взрослым — означает принимать трудные решения, а правильный выбор не всегда приносит удовольствие.

Мы сидели в тишине и прислушивались к тихому дыханию девушки и мирному пиканию монитора. Моё сердце болело от данных ей обещаний, и мне не терпелось их исполнить.

Она никогда больше не будет одна.

— Кое-что случилось перед тем, как он заснула, — начал я. — Она сказала, что мама напоила её снотворным. Эхо много кричала во время своей галлюцинации или как это назвать. Похоже, её мать была в депрессии и решила убить себя, а тут к ней пришла Эхо. Эта психопатка изменила планы и решила умереть вместе с ней.

Миссис Колинз вздохнула и похлопала Эхо по руке.

— Значит, она вспомнила.

55 - Ной

Миссис Колинз ободряюще улыбнулась, когда у меня из рук выпали рваные кусочки салфетки.

— Простите. — Я заёрзала на больничной койке, и на пол свалилось ещё больше кусочков.

Мой психиатр, лысеющий мужчина сорока с чем-то лет, рассмеялся.

— Салфетки для того и созданы, чтобы их рвать. Не волнуйся.

Казалось, будто я только то и делала, что плакала с момента пробуждения. Я плакала, открыв глаза и обнаружив рядом Ноя. Я плакала, когда зашли врачи и попросили его уйти, чтобы

обследовать меня. Я плакала, когда рассказала психиатру и миссис Коллинз всё, что вспомнила. Я плакала, пока они обсуждали со мной эти события.

Часами позже я всё ещё плакала — жалкий, непрерывный поток слёз.

Я достала ещё одну салфетку из коробки и попыталась незаметно высморкаться. Я вспомнила. Всё. Как пришла и обнаружила маму в глубокой депрессии. Как решила остаться и убедить её пойти к терапевту. Как выпила чай и плохо себя почувствовала.

Как нашла в ванной пустую баночку снотворного на раковине, как безуспешно звонила отцу, оставляя записи на голосовой почте.

Как поняла, что мама планировала убить себя, а потом и меня в придачу. Как закружилась голова, и я упала на витражи. Как валялась на полу, умоляя маму помочь мне, а затем... закрыла глаза.

Неудивительно, что я ненавижу спать.

Я снова высморкалась.

— Так что, мне можно возвращаться домой?

Психиатр наклонился и похлопал меня по колену.

— Да. Я советую продолжить терапию, чтобы справиться с остаточными эмоциями, вызванными воспоминаниями об инциденте. Я слышал, что миссис Колинз принимает частных клиентов. Может, она захочет помочь.

Та разве что хвостиком не замахала с высунутым языком от счастья.

— Моя дверь всегда открыта.

— Я не против. — Кто бы мог подумать? Я была уверена, что эта женщина настроена превратить мою жизнь в ад, а, в итоге, она меня спасла.

Как типичная добрая волшебница Глинда, Лиля принесла мне вещи из дома. Переодевшись в нечто иное, кроме испачканной рвотой одежды или больничной рубашки, я насладились долгим тёплым душем. Выйдя из ванной, я обнаружила Ноя у окна.

— Привет.

— Привет. — Он озорно улыбнулся. — Слышал, тебя выписывают.

— Да. — Я подошла к маленькой сумочке и положила вещи на место, изо всех сил пытаюсь хоть чем-то себя занять.

Он стал свидетелем моей истерики. Но всё равно остался рядом. Может, он жалел меня. Это не помешало ему пробраться в офис миссис Колинз, чтобы, если верить Бет, вновь завоевать моё сердце.

— Ной. — Но в то же время он произнёс моё имя. Парень засунул руки в карманы, а я забарабанила пальцами по тумбочке.

— Как ты? — спросил он.

Вдруг он так оттягивал время, чтобы бросить меня? Кто захочет быть вместе с психопаткой? Я пожала плечами и продолжила стучать пальцами.

— Нормально.

Ной почесал затылок — нехарактерный для него жест. Он выглядел... неуверенным. Чёрт, я до того его испугала, что он боялся находиться со мной в одной комнате!

— Вчера ты напугала меня до чёртиков, так что, прости, но ответ «нормально» не принимается.

Я потёрла глаза, надеясь, что это сдержит поток жгучих слёз.

Благодаря тёплой душе, мне наконец удалось успокоиться, но мысли о расставании с Ноем вновь вызвали желание заплакать.

— Что ты хочешь услышать? Что я устала? Напугана? Что я запуталась? Что мне хочется положить голову тебе на грудь и спать часами, но этого не произойдет, так как ты бросаешь меня?

— Да, — быстро сказал он, но тут исправился, — Нет. Всё, кроме последней части. Эхо, как ты могла подумать, что я расстанусь с тобой? Как ты можешь сомневаться в моих чувствах?

— Потому что, — я почувствовала знакомый нервный клубок в животе. — Ты видел мою истерику. Как я чуть не слетела с катушек.

Его плечи напряглись.

— Я видел, как ты боролась с худшим воспоминанием в своей жизни и победила. Не пойми превратно, Эхо. Я боролся рядом с тобой. Ты должна найти в себе веру... в меня, в нас.

Ной тяжело вздохнул. Его поза и голос смягчились.

— Если ты напугана — скажи мне. Если хочешь кричать и плакать — давай! Но ни в коем случае не ставь на нас крест, думая, что мне будет лучше без тебя. Правда вот в чём, Эхо: я хочу быть с тобой. Если хочешь пойти в продуктовый голый, чтобы показать миру свои шрамы, я буду держать тебя за руку. Если хочешь увидеться с мамой, то скажи мне. Может, я не всегда тебя пойму, но я буду пытаться изо всех сил, малышка.

Я смотрела на него, а он на меня. Пространство между нами тяжелело от невысказанных слов.

— Хорошо.

Он закрыл глаза на секунду, напряжение исчезало с его лица.

— Хорошо.

Моё сердце громко застучало в груди. Значило ли это, что мы снова вместе? Я так этого хотела, но начала терять землю из-под ног. Может, будет не так уж плохо, если мы попробуем

снова сойтись.

— Голой, говоришь?

— Мечтать не вредно, Эхо. — Правый уголок его губ приподнялся. — Знаешь, тут есть кровать, а дверь уже закрыта...

— Грешно не воспользоваться такой ситуацией. — Я рассмеялась, и это сбило меня с толку, но, чёрт возьми, как же это было приятно!

Ной не пошёл, а буквально кинулся ко мне, и мне нравился хитрый блеск его глаз. Парень положил руки мне на талию и закопался лицом в волосах.

— Я люблю твой запах.

— Спасибо. — Мои щёки покраснели, и я громко вздохнула. Столько всего изменилось за последние двадцать четыре часа. — Почему ты отказался от братьев?

Ной погладил меня по кудряшкам, нежно потягивая за них изысканным движением.

— Они любят Кэрри и Джо, им будет лучше с ними.

Я не смогла сдержаться и погладила его по грубой щетине на щеках.

— Но ты любишь их.

Его улыбка стала натужной, а челюсть сжалась.

— Я всё ещё буду частью их жизни. И большой. Не буду врать, мне чертовски больно, но ещё я чувствую облегчение. Я могу пойти в колледж. Выбирать своё будущее.

Я сглотнула и попыталась приручить гигантских птеродактилей, устроивших скаковое дерби у меня в животе. Мне было страшно думать о нашем совместном будущем. Как только машина Айреса заурчала подо мной, я поняла, что нуждалась в Ное. Смерть брата оставила зияющую дыру в сердце. Мне казалось, что машина сможет её заполнить. Я ошибалась.

Но это может сделать любовь.

— Надеюсь, мне есть место в твоём будущем. Кто-то же должен надирать тебе зад в бильярде.

Ной рассмеялся и схватил меня за пояс, притягивая ближе.

— Я поддавался.

— Ой, я тебя умоляю. — У него чуть глаза не выпали, когда я забила пару шаров за раз. — Ты проигрывал. С большим отрывом. — Я гадала, чувствовал ли он то же наслаждение от нашей близости.

— Видимо, придётся держать тебя поблизости. Всегда. От тебя будет много проку во время игры. — Он прижался ко мне лбом, и его карие глаза, светящиеся радостью секунду назад, потемнели и стали серьёзными. — Мне многое нужно тебе сказать. За многое попросить прощение.

— Мне тоже. — Я снова коснулась его щеки, позволяя пальцам поблуждать по коже. Ной хотел,

чтобы я всегда была рядом. — Но нельзя ли перенести это на другой раз? Я устала, а мне всё ещё нужно увидеться с папой. Может, пока просто сосредоточимся на вере, что я хочу тебя, а ты — меня, а со счастливым концом разберёмся позже?

Его губы изогнулись в соблазнительной улыбке, и я затерялась в ней.

— Я люблю тебя, Эхо Эмерсон.

Его губы приблизились к моим, и я прошептала:

— Навеки.

56 - Эхо

Ной держал мою руку и сумку, пока нас вели на третий этаж — в женский павильон. Лифт звякнул, и двери открылись.

— Господи, Эхо, позволь крови циркулировать по моей руке!

— Прости. — Я попыталась отпустить его, но Ной не позволил.

Мы прошли по коридору, мимо женщин, бродящих со своими мужьями. Комнаты наполнились шариками и цветами. В конце я замерла за дверью, ведущей в палату Эшли.

— Хочешь, чтобы я пошёл с тобой? — спросил парень.

Я покачала головой.

— Вдруг она кормит грудью? — К тому же, мне не нужны были зрители.

Ной напрягся.

— Слишком много информации. Я буду в комнате ожидания.

— Договорились.

Он нежно поцеловал меня.

— Если что, зови, и я примчусь, несмотря на кормление грудью.

— Спасибо.

Парень дождался, пока я зашла в комнату, и удалился.

Эшли лежать в обычной палате не пристало. Папа оплатил ей личную комнату со спа, кожаными диванами, деревянным полом и плазмой. Когда я зашла внутрь, они с Эшли над чем-то хохотали.

— Привет.

Женщина вытянулась на приподнятой больничной койке, папа сидел рядом. Его рука была закинута ей на плечо. На его лице не было уже привычных обеспокоенных морщинок. Его серые глаза светились, когда он смотрел на сверток с ребёнком в её руках.

Они перестали смеяться, и он привстал.

— Эхо, ты в порядке? Я тебе нужен?

Я застучала ногой по полу. Во мне проснулась тошнота. Я и представить не могла, как больно мне будет из-за этого нового малыша — моей замены.

— Все нормально. Я вам не мешаю? Я могу уйти, у вас только что родился ребёнок и всё такое...

— Нет. — Голубые глаза Эшли смягчились. — Ты не мешаешь, Эхо. Прошу, зайди. Прости, что не могла быть с тобой прошлой ночью, но... я была немного занята.

— Да, ничего страшного. У тебя отошли воды. Думаю, это превосходит... — мой эмоциональный срыв.

Я села рядом с кроватью и попыталась незаметно посмотреть на ребёнка.

— Он в порядке? В смысле, он родился преждевременно...

Не то, чтобы меня это заботило. Это маленькое существо было моей с Айресом заменой. Тем не менее, это беззащитный малыш, и он должен был ворочаться у Эшли в животе, а не преждевременно появляться в сей ужасный мир.

Папа искренне улыбнулся.

— С ним всё прекрасно.

— Отлично. — Я скрестила ноги и закачала ими в такт стуку пальцев.

— Хочешь его подержать? — спросила Эшли.

Э-э... нет.

— Да, конечно.

Отец забрал малыша в пеленках у Эшли и вручил его мне. Будучи королевой неловкостей, я трижды меняла положение рук, прежде чем наконец взять его.

— Поддерживай его голову и прижми к себе, — сказал папа. — Вот так. Видишь, у тебя прирождённый талант.

— Ну да. — Сомневаюсь, что прирождённый талант подразумевал желание убежать от ребёнка с дикими криками. Моё сердцебиение участилось, когда это маленькое розовое существо зевнуло и открыло глаза. Он трижды моргнул и вновь закрыл их. Когда я так моргала, то за этим обязательно следовала ложь. Интересно, насколько мы похожи?

— Хочешь узнать его имя? — спросила Эшли.

— Да. Как его зовут? — Люди же называют своих детей, мне следовало бы это знать.

Папа погладил Эшли по руке.

— Александр Айрес Эмерсон.

По мне прошла дрожь, дойдя до сердца.

Александр высвободил ручку из одеяльца и схватил меня за палец. Айрес. Они назвали ребёнка в честь Айреса.

Он бы полюбил его, несмотря на его мать и отношение отца. За что? Потому что так он любил меня. Безоговорочно. Айрес любил меня, когда я была напуганным ребёнком, своевольной десятилетней, подростком со всплеском гормонов. Когда весь мир отвергал меня за неуверенность, эгоцентризм и робость, он продолжал любить.

Не единожды брат жертвовал своей гордостью. Он заступался за меня перед отцом, мамой и Эшли. Только раз в жизни он поступил эгоистично — исполнил свою мечту стать морским пехотинцем, но даже тогда он боролся за меня.

Он писал отцу и Эшли, чтобы те дали мне покой. Постоянно звонил и отправлял мне письма. Жертвовал своим временем, чтобы узнать о каждой детали моей жизни.

Айрес сдвинул бы небеса и землю ради малыша, точно как ради меня.

Я думала, что починка его машины исправит мою жизнь. Те же мысли были по поводу воспоминаний. Но ничто из этого не исполнило волшебную мечту, за которую я так цеплялась — что моя жизнь перемотается на три года назад.

Александр заёрзал у меня на руках. Господи, он был таким мелким! И судя по счастливым лицам папы и Эшли, они уже его боготворили. Все мы с этого начинали — с маленьких комочков счастья. Я, Айрес, Ной, Лиля, Исая, даже Бет. В какой-то момент нас всех любили, но, так случилось, что мы сбились с пути.

Но не этот малыш — не Александр. За прошедшие недели я выучила несколько жёстких уроков. И самый ужасный из них? Я была такой же эгоисткой, как и мама. Мы видели мир в чёрно-белых тонах, вместо ярких цветов и оттенков. К тому же, я предпочла смотреть на всё её глазами, а не своими.

Но дальше так продолжаться не может. Я способна на большее, чем просто починить машину в память об Айресе. Я стану той сестрой, какой он хотел бы меня видеть.

Александр никогда не будет в одиночестве. У него будет адвокат — я.

— Александр Айрес. Мне нравится.

Эшли вздохнула с облегчением и посмотрела на папу с улыбкой на лице.

— Я рада, что ты здесь, Эхо.

Как ни странно...

— Я тоже.

К нам зашла медсестра с перевозной люлькой.

— Простите, что прерываю, но Александру пора взвеситься. — Она профессиональным движением забрала у меня малыша и положила в кроватку. — И к вам сейчас придут на осмотр, миссис Эмерсон.

— Он вскоре проголодается, потому не задерживайтесь. — Эшли схватила папу за руку, и в её глаза проникло беспокойство.

— Мы мигом! — заверила женщина.

Мы наблюдали, как его увозят. Папа присел на край кровати.

— Как ты?

— Хорошо. — Как для пережившей лёгкое умственное расстройство и вспомнившей, что ее мать пыталась повернуть убийство-суицид. — Меня выписали.

— Уже? Доктора и сиделки поддерживали меня в курсе событий, но, по их словам, тебя должны были выписать после двух. Я планировал отвезти тебя домой. — Он проверил часы. Естественно, было всего лишь полвторого. — Клянусь, я был с тобой.

— Знаю. Ной рассказал мне.

Они с Эшли обменялись недоумёнными взглядами.

— Вы с Ноем снова вместе?

Мои щёки покраснели от мысли о поцелуе в больничной палате.

— Да.

— Он пробыл с тобой всю ночь, Эхо. — Папа уставился в ботинки, и я слышала крупный намёк на сожаление в его голосе. Ной остался, он — нет.

Именно в этот момент мамины слова эхом отозвались в моей голове: «Мы с тобой похожи».

«Нет, мама, это не так. Я похожа на Айреса. Я буду лучше тебя».

Каждую секунду на лице Эшли мелькала взволнованность и надежда. Однажды я любила её, как напомнила мне мама. Было время в моей юности, когда я могла называть её мамой без доли раскаяния. Да, много времени утекло с тех пор. Неудачный брак, распавшаяся семья, но Эшли... она не была злой.

— Прости, Эшли.

Она нахмурилась.

— За что?

Я заставила себя посмотреть на неё.

— За то, что вечно винила тебя. — В её глазах появились слёзы. Я проглотила свою гордость и продолжила: — Мама оказалась не той, кем я её считала, и я подумала, может, и ты не тот человек, каким я тебя вообразила.

Поначалу я хотела извиниться в знак примирения, чтобы иметь возможность начать всё заново с Александром, но, стоило словам сорваться с губ, как у меня отлегло от сердца. Я действительно сожалела, и прощение показалось мне... полезным.

Женщина положила руку на грудь, и по её щекам потекли слёзы.

— И ты меня прости. Мне очень жаль. Я никогда не хотела причинить тебе боль. Никогда.

Иногда я говорю, не подумав, и вижу по тебе, что сказала что-то не то. Но ты должна знать... Я всегда любила тебя. Я стану лучше, Эхо. Обещаю.

Я опустила взгляд на свою дёргающуюся ногу. Меня пожирала вина. Она хотела начать всё сначала. С чистого листа. Раз так, нам стоит начать с правды.

— А я, в свою очередь, попытаюсь впустить тебя в свою жизнь. Не понарошку — по-настоящему.

Эшли улыбнулась и кивнула, принимая мои условия.

— Миссис Эмерсон, я пришла вас осмотреть, — сказала медсестра в фиолетовом халате. — Вы не могли бы отойти?

Папа встал.

— Без проблем.

Мне бы надлежало её обнять. Да... стоило бы. Но я не могла. Оставляю это на момент, когда мне искренне захочется.

Восстановление отношений с Эшли не произойдёт в мгновение ока. Я протянула ей руку, и она её сжала.

— Увидимся дома.

— До встречи.

Я чуть не поседела от удивления, когда папа обнял меня за плечи и вывел из комнаты.

— Я не говорил тебе в последнее время, как сильно тебя люблю?

Рядом с палатой Эшли было огромное окно.

Папа закрыл за собой дверь, и мы оба посмотрели на забитую парковку. «Ты понимаешь, что не касался меня годами?»

— Нет.

Он прижал меня ближе, не отводя глаз с мира снаружи.

— Я люблю тебя больше, чем ты можешь себе представить.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала я. — Хотела бы я... — Чтобы Айрес не умирал. Чтобы мама не была эгоисткой. — Чтобы наши отношения не были такими сложными.

— Я не знал, как общаться с тобой, Эхо. Ни раньше, ни после случившегося с твоей мамой... мне было сложно смотреть тебе в глаза. Каждый раз, видя тебя, я видел свой провал... и как я мог просить прощения, когда ты даже не помнила, что я сделал?

— Что случилось? — я посмотрела на него. — С твоей точки зрения. — Тени на лице старили папу, он не выглядел на свои сорок.

— Пятнадцать минут. Вот, сколько твои сообщения оставались непрослушанными. Я вызвал

911, как только услышал панику в твоём голосе. Я умолял их проверить тебя и маму. Мы с Эшли немедленно выехали, но я понимал, что не успею. Если бы только я ответил на твой звонок! Я бы сказал тебе запереться в ванной. Ты бы никогда не упала на те витражи. Если бы я проверил раньше почту, ты бы не лежала без сознания к приезду скорой. — Он закрыл глаза. На его лице отразились искренние муки. — Ты чуть не умерла.

Я прижалась к его груди и крепче обняла.

— Но я выжила, папочка. — «Давай, скажи это». — Всё нормально. Я тебя не виню.

Папа обнял меня в ответ и начал шептать вновь и вновь:

— Прости меня. Мне так жаль...

Я повернула голову, прислушиваясь к его сердцебиению и выглядывая в окно. Как всегда, мир продолжал жить. Люди входили и выходили из больницы. Машины ехали в свои точки назначения. И как бы я ни радовалась воссоединению с отцом, я знала, что мне тоже пора двигаться дальше.

— Помнишь, как я уехала из города, чтобы продать картины? — Я отодвинулась, но папа продолжал меня прижимать, даже когда отвернул голову. Тихое, болезненное понимание, что он потерял надо мной контроль пару недель назад, всё ещё читалось на его лице.

— Да.

И как мне это объяснить?

— Я проспала всю ночь, пока меня не было.

— Эхо, это замечательно!

Он не понял.

— Это навело меня на мысли о собственном жилье. Я съеду после окончания школы.

Об этом нужно было поговорить, но я жалела, что на папино лицо вернулась грусть. Он погладил меня по плечу.

— Я знаю, что совершал ошибки. Ты себе не представляешь, сколько ночей я сидел и наблюдал за теми мимолетными часами, которые тебе удавалось проспать, и гадал, как заставить все твои проблемы исчезнуть. Я делал всё возможное, но этого было недостаточно. Как бы я ни старался, мне никогда не удавалось исправить тебя.

Образ в моей голове обрёл смысл. Я была разбитой вазой, а папин строгий тоталитаризм — клеем. Он думал, что если хорошенько надавить на меня, я вернусь к норме.

— Ты правда пытался поладить с мамой? — Наш разговор заставил меня переосмыслить всё сказанное ей ранее.

В папином голосе появилась хрипотца.

— Я любил её, Эхо. Она была той, кто преклонил мою вселенную. Но тебя и Айреса я любил больше. Я делал всё возможное, чтобы минимизировать последствия её влияния на вас. Стал, как говорится, уполномоченным, пока, наконец, не понял, что единственный человек,

способный помочь вашей маме — это она сама.

Отец вытер лицо, а я сделала вид, что ничего не заметила.

— Однажды я пришёл домой и обнаружил Айреса в твоём шкафу — он прятался от неё. Это случилось не в первый раз, но я поклялся, что он будет последним. Мне не удалось изменить вашу маму, но я мог позаботиться о вас. Я нанял Эшли и предупредил вашу мать, что если она не возьмёт себя в руки, я подам на развод. Ты была слишком маленькой, чтобы помнить, но мама действительно пыталась, и были периоды, когда она придерживалась курса лечения. Когда всё становилось совсем плохо, я отвозил её в психиатрическую больницу. И так бесконечно. От хорошего к нормальному, от нормального к плохому, от плохого к больнице, а затем снова к хорошему. Как-то раз я вернулся домой после визита к ней и обнаружил Эшли, читающей тебе сказки на ночь. Ты сидела у неё на коленях, дёргала за волосы и смотрела так, будто она повесила луну на небо. Она помогала Айресу со школьными проектами и записывала его баскетбольные игры на камеру. Даже готовила вам ужин и разогревала мне остатки. Эшли вернула уют в дом, в котором царило безумие. Клянусь, Эхо, мы не планировали влюбиться. Иногда, жизнь случается.

Может, у нас с папой больше общего, чем я думала.

Мы оба жаждали чего-то нормального. Во мне воспалились нервы.

— Я похожа на маму?

Он посмотрел на меня уголком глаза.

— Вопрос с подвохом?

Я мысленно молила его всё понять самому и не заставлять меня произносить это вслух. Отец снова потёр моё плечо.

— У тебя её красота, талант и упорство, если ты это имеешь в виду.

Он хотел сказать, что я упряма? Погодите, это он ещё Ноя не знает.

— Что-нибудь ещё?

— Твоя мать ни за что бы не произнесла те слова, что ты только что сказала Эшли... или мне. Ты отдельная личность, Эхо, и я горжусь тем, что я твой отец.

Мои нервы поутихли, и я вновь упёрлась в папу головой.

— Спасибо, папочка.

— Дай мне ещё один шанс. Клянусь, я позволю тебе жизнь своей жизнью. В любом случае, Эшли будет поглощена Александром. У неё нет опыта общения с младенцами, с тобой-то она начала нянчиться задолго после того, как ты научилась ходить на горшок.

В каком безумном мире я жила! Моя сиделка, ставшая няней, ставшая мачехой, только что родила мне брата. Мне так хотелось дать папе тот ответ, на которой он рассчитывал, и сделать его счастливым. Но это было бы нечестно по отношению к человеку, которым я хотела стать.

— Честно, пап, это не имеет никакого отношения к шансам. Наш дом полон воспоминаний. Некоторые замечательные, некоторые... не особо. Я годами надеялась и молилась на жизнь,

которой у меня никогда, в общем-то, и не было. Я боюсь остаться и постоянно оборачиваться на прошлое, отвернувшись от будущего.

— Забавно. — Но он не смеялся. — Айрес сказал мне то же самое перед началом службы. Обещай, что будешь навещать меня. Ты тоже моя малышка.

Я обхватила его двумя руками, и он обнял меня.

— Обещаю.

57 - Ной

Мы сидели в палатке во дворе у Ширли и Дэйла, Эхо лежала на животе и изучала огромную карту Соединенных Штатов. Апрельская ночь была настолько тёплой, что девушка задрала кофту, слегка оголяя кожу. По крайней мере, так она это объяснила, поднимая своими пальчиками синюю ткань с поясницы. Лично я считаю, что она просто хотела свести меня с ума.

— Прости, — сказала Эхо. — Я не любительница океана. Чайки, песок, водоросли. — Она передёрнулась и показала мне язык. — Не мой пейзаж, но мы можем поехать, если хочешь.

Неделю назад я держал её за руку в больнице и гадал, вернётся ли она когда-нибудь ко мне. Сегодня я наблюдал за ней с нескрываемым восторгом. Эхо была со мной, моя. Я сидел рядом и выводил узоры на открытой коже её спины.

— Мы поедem, куда ты захочешь, малышка.

Свет от старой лампы замигал, и девушка подняла бровь. Эхо не была фанатом сокровищ, найденных в «Гудвилле», как и ночёвок на свежем воздухе. Но она пообещала дать шанс кемпингу во время нашей летней поездки.

— Палатка в хорошем состоянии, — сказал я. — Она стоит гораздо дороже в настоящем магазине.

— Как скажешь. — Она ткнула пальцем на Кентукки. — Я хочу увидеть снежные горы.

Я смахнул её кудри, наклонился и поцеловал в шею, наслаждаясь тем, как расслабляются её мышцы под моим касанием.

— Тогда к ним мы и направимся, — прошептал я ей на ухо.

— Ной, — простонала Эхо одновременно от удовольствия и осуждения. — Как мне назначить встречи в галереях, если у нас нет плана поездки?

Её сладкий запах свёл моё тело с ума, когда я укусил её за мочку уха.

— Я тебя не останавливаю. Планируй. А я буду целовать тебя. — Эхо повернула голову. Моя сирена превратилась в соблазнительницу со своей сексуальной улыбкой на губах. Её ошибка. Я погладил Эхо по щеке и поцеловал в мягкие губы.

Думал, что она отвернётся. Мы играли в эту игру уже около часа: она строила планы, а я дразнился. Летняя поездка была для неё очень важна, а Эхо очень важна мне. Но вместо быстро чмока, на который я рассчитывал, её губы задвигались в такт с моими. Моя кровь закипела.

Поначалу поцелуй был медленным... но затем Эхо прикоснулась ко мне. Её руки были на моём лице, в волосах. Девушка развернулась в мою сторону. Тепло, заманчивая тяжесть во всех нужных местах, и губы Эхо — равно фейерверку в моей голове.

Она стала моим миром. Захватила мои чувства, чтобы всё, что я ощущал, видел и пробовал — было ей. Поцелуи и касания, и тихо нашептываемые слова любви. Когда моя рука прошлась по изгибу её талии и замерла на поясе джинсов, моё тело кричало продолжать, но разум знал, что пора остановиться.

Вздыхнув, я ещё раз её поцеловал и крепко обнял.

— Я люблю тебя.

Эхо положила голову мне на плечо и лениво погладила пальцами мое лицо.

— Знаю. Я тебя тоже.

— Прости, что не сказал раньше. — Тогда, возможно, нам никогда не пришлось бы расставаться.

— Всё нормально, — пробормотала девушка. — Теперь мы вместе, а остальное неважно.

Я чмокнул её в лоб, и она прижалась крепче. Мир казался таким странным. Впервые в жизни я ни за кого и ни за что не боролся. Братья были в безопасности. Эхо знала правду. Вскоре я освобожусь от школы и приёмной опеки. Надеюсь, меня примут в колледж. Умиротворение и счастье были незнакомыми мне эмоциями, но я научусь с ними жить.

— Ты не против? — тихо спросила она, выдавая свою взволнованность. — Что мы никуда не спешим в развитии наших отношений?

— Нет. — И это была правда. Счастье и умиротворение мне давались легче, чем ей. Эхо, Эшли и мистер Эмерсон достигли понимания, но от старых привычек сложно отказаться, особенно когда все они жили в одном доме. Ребёнок не помогал облегчить обстановку. Терапия Эхо лишь участилась. Возвращение воспоминаний и ссора с мамой создали новые проблемы, но Эхо могла с ними справиться, пока у неё была миссис Колинз.

Всё в её жизни менялось, и девушка нуждалась в чём-то сильном, надёжном и стабильном. Как ни странно, всё это она нашла во мне. Кто бы мог подумать, что я буду ассоциироваться с надёжностью?

— Кроме того, чем мы медленнее, тем больше накапливается желание. Мне нравится ожидание.

Её тело затряслось от смеха, и уголки моих губ приподнялись. Я любил делать её счастливой.

— Ты уверен, что хочешь оставить братьев? И клянешься, что не потеряешь работу?

Она спрашивала это уже миллион раз за прошедшую неделю, но я понимал её страхи. Эхо не хотела, чтобы я сожалел о содеянном.

— Мою закусочную закрывают в июле на месяц, чтобы сделать ремонт, и босс считает, что отпуск пойдёт мне на пользу. Что касается братьев... мне нужно время. Мне тяжело привыкнуть к новым реалиям. Может, если я уеду ненадолго, то перестану чувствовать, будто

они моя единственная ответственность.

Она облокотилась на пол и склонила голову. Её прекрасные зелёные глаза всмотрелись в мои.

— Уверен?

— На тысячу процентов.

Её лицо осветилось моей любимой улыбкой.

— Тогда мы едем на запад.

58 - Эхо

— Когда ты вернёшься? — спросил Джейкоб. Мы сидели в домике на дереве в саду Кэрри и Джо. Вчера я окончил школу.

В эту честь приёмные родители братьев приготовили ужин и пригласили моих друзей. Я привёл Эхо, Исаяю и очень трезвую Бет.

Эхо помогала Тайлеру спрятаться, пока Бет и Исаяя искали его.

— Самое позднее? В сентябре. Учёба начинается после Дня труда.

Его ноги свисали с края.

— В мамином колледже?

— В мамином колледже. — Мой профиль: архитектура. Система оплатила моё обучение и проживание, но я планировал съехаться с Исаяей и Бет, как только мы вернёмся.

Мои друзья только перешли в выпускной класс, но Ширли и Дэйлу было плевать, где они живут. Что же касается Эхо, она тоже поступила в «колледж нашей мамы» и планировала жить в общежитии.

Он начал считать на пальцах.

— Но это же целых три месяца!

Как я мог объяснить братьям, почему мне надо уехать?

Как объяснить, что за три года единственное, что держало меня на поверхности, была мысль о воссоединении нашей семьи? Я проиграл и выиграл. Потерял мечту, но обрёл новую.

Мне нужно было время, чтобы всё обдумать, разобраться, как стать ответственным восемнадцатилетним студентом и старшим братом-разгильдям.

— Я буду звонить каждый день и посылать вам подарки с открытками со всех городов.

Лицо Джейкоба засияло при слове «подарки».

— Обещаешь?

— Обещаю.

Эхо и Тайлер засмеялись, когда Исайя перекинул малыша через плечо, взял Эхо за руку и побежал по садику, чтобы Бет не нашла их. Та медленно плелась за ними, делая вид, что понятия не имеет, куда делась эта троица. От такого зрелища в моём горле появился комок. Наконец-то я обрёл семью.

— Она нравится Тайлеру, — сказал Джейк, наблюдая за Эхо.

Я прочистил горло и подавил накатившие эмоции.

— А ты что думаешь?

Когда я впервые познакомил их месяц назад, братья слегка смущались. Затем Эхо нарисовала их портрет, и разрушила стену между ними. Малышня считала крутым, что взрослые увлекаются карандашами так же сильно, как они. К Бет и Исайе они привыкали дольше, но, в конце концов, их подкупили татуировки парня и подарки «тети Бет».

Джейкоб пожал плечами.

— Она клёвая, как для девчонки.

Я засмеялся.

— И не говори.

— Куда вы поедете?

— В основном будем путешествовать по Колорадо. Там есть парочку галерей, которые Эхо хотела бы посетить.

Он крепко меня обнял.

— Колорадо. Там есть горы! Круто.

Мы ещё немного поиграли в прятки, пока Тайлер не начал засыпать. Эхо уехала с Исайей и Бет, чтобы докупить оставшиеся вещи для путешествия и выбить из папы очередное обещание, что он позаботится о машине Айреса, пока её не будет. Хотя она не признавалась, мне кажется, ей хотелось еще пару минут покачать Александра.

Кэрри позволила мне почитать сказки братьям, послушать молитвы и подготовить их ко сну. Сегодня Тай спал с Джейкобом на нижней кровати.

— Я люблю тебя, Ной. — Тайлер зевнул и закрыл глаза. Я коснулся его головки. Он и раньше говорил мне это, но впервые с тех пор, как Кэрри и Джо позволили мне вернуться в жизнь братьев.

— И я тоже, — добавил Джейк.

— И я вас. Заботьтесь друг о друге и слушайте Кэрри и Джо.

Джейкоб сверкнул маминой улыбкой.

— Обещаем.

Я поцеловал их в лобики и еле заставил себя выйти из комнаты. В доме было мирно и

спокойно. Лишь натужно гудел холодильник.

Тихо выключилась посудомоечная машинка. Их кухни донёлся богатый запах кофе.

Я последовал за ним и всунул голову в комнату. Кэрри и Джо сидели за столом и попивали из своих чашек.

— Я не шучу. Я планирую звонить каждый день.

— Другого мы и не ждали. — Искренне улыбнулся мужчина.

— Ной, — Кэрри встала со стула. — У меня кое-что есть для тебя, но я не хотела вручать подарок при твоих друзьях. — Она протянула мне конверт. — Открой его позже, ладно? Обещаю, тебе понравится.

— Договорились.

Джо протянул руку.

— Удачной поездки, и не покупай мальчикам ничего крупного.

Я засмеялся. Будто я мог купить что-то крупнее, чем игрушки в их комнатах.

— Ещё раз спасибо.

Стоило мне выйти на крыльцо, я открыл конверт. Внутри было много детских рисунков, наша совместная фотография с братьями и копия родительского портрета. Я помнил его. Я заснял их сразу после того, как мама с папой вручили ключ первому жителю отстроенного ими квартала. Воспоминание вызвало у меня улыбку на лице. Кэрри и Джо не были исчадьями ада. Эти люди любили моих братьев и были настолько добры, что полюбили и меня.

Я достал телефон и отправил Кэрри свои благодарности.

Секундой позже она ответила: «Не за что. Береги себя».

На улице напротив сидела на капоте своей серой «Хонды Сивик» Эхо. Её рыжие кудри сияли в свете фонарей, а облегающий топ без шлеек сполз достаточно, чтобы дать волю моей фантазии. Я призадумался, как отложить нашу шестичасовую поездку и сразу перейти ко сну в палатке.

Её улыбка осветила мой мир.

— Ной.

— Эхо. Выглядишь... — Я скользнул взглядом по ней и подошёл к машине. — Аппетитно.

Её смех защекотал мне душу.

— По-моему, мы уже это обсуждали.

Я встал у неё между колен и взял лицо девушки в руки.

— И в конце той ночи случилось нечто подобное.

Её губы ласкали мои, и она хихикнула.

— Готов к нормальной жизни? — прошептала Эхо.

Я ещё раз поцеловал её и вытащил ключи у неё из рук.

— Да, и я за рулем.

ПЛЕЙЛИСТ К "ОТОДВИГАЯ ГРАНИЦЫ"

Музыка - моя муза. Данные песни помогли мне сформировать основной сюжет истории:

'Push' by Matchbox Twenty

'Bad Romance' by Lady Gaga

'Scar Tissue' by Red Hot Chili Peppers

'Use Somebody' by Kings of Leon

Чтобы лучше понять характер Ноя, я слушала:

'Down' by Jay Sean

'Changes' by 2Pac & Talent

'Hey, Soul Sister' by Train

Чтобы понять Эхо:

'Paint' by Roxette

'Sometimes Love Just Ain't Enough' by Patty Smyth & Don Henley

'The End of the Innocence' by Don Henley & Bruce Hornsby

Песни для особых сцен:

'Undone (The sweater song)' by Weezer— Эта песня вдохновила встречу Эхо и Ноя на вечеринке.

'Crash Into Me' by The Dave Matthews Band — Я слушала ее каждый раз, когда нужно было написать сцену с поцелуями.

'Free' by Zac Brown Band — Эта песня представляет тот конечный результат, который я хотела добиться от Эхо и Ноя. Если вам любопытно, что между ними произошло после конца летней поездки, просто послушайте эту песню.

Много значащая для меня песня:

'Can You' by Angela McGarry — Прочитав черновой вариант «Отодвигая границы», Анжела вдохновилась написание этой песни.

Две вещи:

Во-первых, я с самого начала знала, что хочу написать историю, в которой персонажи окажутся достаточно сильными, чтобы оставить прошлое позади и создать для себя новое будущее. Первой сценой, которую я себе представила, был отъезд Эхо и Ноя после выпускного.

Во-вторых, я хотела описать персонажей, которые пережили ужасающие события и, в процессе борьбы с ними, обрели надежду.

Как вам пришло в голову имя Эхо?

У нее было несколько имен, пока я писала черновой вариант.

С какое-то время оно было вполне нормальным, но всегда казалось мне каким-то не таким. Как-то я посмотрела на нее с точки зрения ее матери и тут же придумала имя. Она любила греческую мифологию, потому было вполне логичным, что она назовет детей в честь мифов. Я прочитала несколько, и стоило мне дойти до Эхо, как я влюбилась. Для меня, она была девушкой, потерявшей голос.

К счастью, она обретает его в конце.

Какой персонаж больше всего похож на вас?

Все. Каждому герою я отдала кусочек себя (хотя некоторые получили больше, чем другие). Если брать в целом, я странная комбинация Эхо, Лилы и Бет. У Эхо моя любовь всем угождать, у Лилы верность друзьям, а Бет досталась моя неуверенность.

Была ли у вас подруга вроде Грейс, когда вы учились в школе?

Да. И чем больше людей читают этот роман, тем чаще поднимается этот вопрос. Грейс сильно задела моих читателей – я этого не ожидала. Похоже, многие из нас, к сожалению, знакомы с ситуацией, в которой человек хочет тебе «нравиться» и быть твоим другом, но только когда это служит их потребности. Если кому интересно – это не дружба.

Какая часть истории близка вашему сердцу?

Дружба Ноя, Исаяи и Бет. Не считая родителей и сестры, все остальные мои родственники были в четырнадцать часов езды. Друзья стали мне семьей. Люди, с которыми я росла, значили для меня больше, чем те, с кем я смотрела фильмы или периодически болтала по телефону. С ними я разделяла самые ужасающие моменты в жизни, но также и самые замечательные. Я готова умереть за них и знаю, что это взаимно.

Они разделили мой триумф с улыбками на лицах и поздравительными объятиями. Они поддерживали меня, когда я плакала, и предлагали избить каждого, кто ранил мои чувства. Это, кстати, те же люди, которые были более чем счастливы сказать мне свое «фи», когда я принимала неверные решения.

Случалось ли с вами то, что случилось с Эхо?

В каком-то смысле. Когда я была во втором классе, меня укусила собака, и я подавила это воспоминание. Было очень странно не помнить инцидента, о котором знали другие. А еще

более странно: обнаружить укусы и не иметь понятия, откуда они взялись. В колледже я наконец вспомнила, как на меня кинулась собака.

Я пережила то ужасное мгновение и «очнулась» через пару минут, обнаружив, что меня окружали любимые.

Хоть я и помню об инциденте, я не знаю его подробностей. Лишь отрывки, и в них нет кровавых ран.

mir-knigi.org